Завоеватель Парижа

Ефим Яковлевич Курганов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биографическая, авантюрно-документальная повесть с картинками эпохи о графе Ланжероне де Сэсси, маркизе де ля Косс, американском революционере, французском эмигранте, русском генерале, градоначальнике Одессы, генерал-губернаторе Новороссии.

- Ефим Курганов
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Глава первая
    - ■
    - ■ Картинка. ПЕРВЫЙ ШТУРМ
    - ■ Картинка. ПОСОЛ РЕВОЛЮЦИИ В СТОЛИЦЕ ЕВРОПЫ
    - ■ Картинка. ПРИВЕТ, АМЕРИКА
    - ■ Картинка. КАРАКАС. 1782 ГОД
    - ■ Картинка. ВЕРСАЛЬ — ПАРИЖ
    - ■ Картинка. 1815 ГОД. ОДЕССА И ФРАНЦУЗЫ. ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА
    - ■ Документ. ДЛЯ БИОГРАФИИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА
    - ■ Картинка. НОЧНЫЙ РАЗГОВОР
    - ■ Картинка. ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ
    - ■ Картинка. ПОЦЕЛУЙ ИМПЕРАТРИЦЫ
    - ■ Картинка. ШТУРМ ИЗМАИЛА
    - ■ Картинка. МАЛЫЙ ЭРМИТАЖ
    - ■ Картинка. ПОСЛЕ ИЗМАИЛА
    - ■ Картинка. ПЕРЕПОЛОХ В ЗИМНЕМ
  - ○ Глава вторая
    - ■
    - ■ Картинка. ГРАФ И ИМПЕРАТОРЫ
    - ■ Картинка. ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ИМПЕРАТОРА
    - ■ Картинка. ЗАРЯ АУСТЕРЛИЦА
    - ■ Картинка. О ДЕРЕВУШКЕ ПРАЦ И ОКРЕСТНОСТЯХ
    - ■ Картинка. ПРЕДИСТОРИЯ АУСТЕРЛИЦА
    - ■ ДОКУМЕНТ
  - ○ Глава третья
    - ■
    - ■ Картинка. ГОРОДИШКО БОРИСОВ
    - ■ Картинка. ГОРОДИШКО ЛЕЙПЦИГ. «БИТВА

НАРОДОВ»
- Картинка. В НОЧНОМ ЛЕЙПЦИГЕ
- Картинка. ШТУРМ ПАРИЖА
- Картинка. ЗАГАДКА БАШНИ «КАВАЛЕР»
- Картинка. «ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ»
- Картинка. ТАЙНЫ ВИШНЕВОГО ШКАФА
- Картинка. БЕСЕДА ЗА ВЕЧЕРНИМ ЧАЕМ (ПРОЕКТ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА)
- Картинка. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. МАЙ 1835 г.

○ Глава четвертая
-
- Картинка. ПОСЛЕ КОРОНАЦИИ
- Картинка. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЯНВАРЬ 1831-го ГОДА. ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ФРАНЦУЗ И ТАТАРИН ПАРИЖ БРАЛИ
- Картинка. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЯНВАРЬ 1831-го ГОДА. ОТСВЕТ АУСТЕРЛИЦА
- Беглые зарисовки, сделанные вперемежку. ГРАФ ЛАНЖЕРОН В ОДЕССЕ И ПЕТЕРБУРГЕ
- Последняя картинка. БЕЗ НАЗВАНИЯ

○ Приложение. ГРАФ ЛАНЖЕРОН И АЛЕКСАНДР I. ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ
-
- I. Запертая дверь
- 2. Рапорт
- 3. О французском языке и русском обществе

Ефим Курганов
Завоеватель Парижа

Посвящается Михаилу Курганову

Повесть

(Биографическая хроника с картинками эпохи)

Введение

Графу Ланжерону де Сэсси было всего 15 лет от роду, когда он вступил во французскую гвардию (ему было тогда всего пятнадцать лет от роду).

Уже через четыре года после того, как шевалье Ланжерон де Сэсси стал французским гвардейцем, он поехал сражаться за независимость американских колоний. Воевал, насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам, смело и самоотверженно, даже лихо.

Ланжерон вернулся из Америки на родину с орденом Цинцината, который потом запрещала носить русская императрица Екатерина II, ко всем революциям относившаяся с опаской.

События 1789-го года во Франции вынудили полковника Ланжерона эмигрировать, хотя поначалу он встретил французскую революцию восторженно, ибо шевалье всегда был на стороне тех, кто за свободу.

Ланжерон поступил на русскую службу и сразу же принял участие в шведской кампании. Командуя частью русского гребного флота, Ланжерон отличился в сражении при Выборге 22-го июня 1790-го года и получил орден Георгия 4-й степени. Награду вручила ему лично императрица Екатерина II. Потом он перешел в Дунайскую армию Г.А.Потемкина и в русско-турецкую войну превосходно проявил себя при взятии крепости Измаил, считавшейся неприступной.

Вообще штурм этой крепости и даже самая подготовка к нему — это событие в военной истории.

С июля 1791 года по 1794 год включительно шевалье Ланжерон де Сэсси участвовал в антифранцузских войнах первой коалиции, состоя вначале волонтером при войсках французских эмигрантов. Кампанию 1793–1794 гг. он провел в Нидерландах в рядах австрийской армии при принце Саксен-Кобургском, доставляя, по поручению Екатерины II, сведения о действиях армии в Санкт-Петербург. Воевал он вместе со своим другом герцогом Ришелье, будущим губернатором Новороссийского края.

В 1805 году именно гибель колонны генерала Ланжерона в сражении при Аустерлице, как, во всяком случае, считал российский император Александр I, предопределила во многом сокрушительную победу Наполеона над войсками союзников, хотя Ланжерон в этом трагической для России битве вел себя умно и достойно.

В Отечественную войну 1812 года Ланжерон командовал

отдельным корпусом, затем участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов. Особенно Ланжерон отличился при захвате Парижа, взяв штурмом высоты Монмартра, за что ему был пожалована высшая российская награда — орден Андрея Первозванного.

По заключении мира, Ланжерон был назначен сначала Херсонским военным губернатором, градоначальником Одессы, а затем, когда его друг герцог Ришелье вернулся во Францию, Ланжерон стал генерал-губернатором всего Новороссийского края и состоял во всех этих должностях с ноября 1815 по май 1823 года.

Последние годы жизни граф Ланжерон провел частью в Париже, частью в Одессе, частью в Петербурге, находясь в отставке и занимаясь работой над обширными своими мемуарами. Умер он 4 июля 1831 года от холеры, которая свирепствовала тогда в Санкт-Петербурге. Погребен Ланжерон в католической церкви города Одессы.

Глава первая

Граф Людовик-Александр — Андро Ланжерон де Сэсси, маркиз де ля Косс, барон Куиньи родился в Париже 13-го января 1763-го года. Первые годы своей пестрой, калейдоскопической жизни он тихо и спокойно провел в фамильном замке Ланжерон (точнее это был замчик, если иметь в виду его довольно миниатюрные размеры), расположенном в Бургундии, в краю вина и горчицы.

В 1779 году Ланжерон поступил подпоручиком в гвардейский пехотный полк, которым командовал брат его матери граф Роже де Дам, кутила, весельчак, но вместе с тем человек поистине бесстрашной храбрости.

Другой его дядюшка (впоследствии герцог де Дам) так же был отчаянный храбрец, но в нем начисто отсутствовали легкомыслие и авантюрность, столь преобладавшие в единоутробном его брате.

Но совершенно общей у графов де Дам была страстная любовь к бургундской горчице, да еще к своей ласковой сестрице, гостеприимной хозяйке миниатюрного Ланжерона. И абсолютно в равной мере они обожали своего племянника, ласково называя его «бесенок».

Картинка. ПЕРВЫЙ ШТУРМ

Граф Роже де Дам был лихой вояка (шпага слушалась его просто магически) и не менее лихой повеса. О его весьма бурных похождениях долгие годы с большим энтузиазмом судачили в Ланжероне — и не только в замке, но и в прилегавшей к нему деревеньке. В ней было не менее двадцати домишек, таких же полуразваленных и, кажется, готовых рассыпаться от сильного дуновения ветра, как и сам — с позволения сказать — замок.

В деревне знали полковника де Дама более чем хорошо: кажется, не было ни одной ланжероновской девицы, которой удалось увернуться от его бешеных ласк. Не раз по вечерам он подмигивал своему юному племяннику, всегда смотревшему ему в рот, и весело кричал: «Шевалье, вперед на штурм Ланжерона».

Он хватал Александра за руку, и они мчались через лужайку и лесок, улюлюкая и гогоча, подпрыгивая и еще успевая что-то напевать.

В деревне при этом раздавался сплошной металлический лязг — испуганные мамаши двери своих домишек спешно закрывали на щеколды. Они понимали, что толку от этого почти никакого, но щеколды всегда хлопали громко и весьма исправно. Видимо, это был своего рода ритуал, отступить от исполнения которого для ланжероновских мамаш было очень сложно, практически невозможно.

Впрочем, наследницы их редко одобряли таковое рвение своих родительниц: во всяком случае, они с фантастической скоростью прихорашивались и тут же радостно и одновременно тревожно прилипали к окошкам, от которых их никакой силой их было уже не отодрать. Каждая втайне рассчитывала, что хотя бы один из замковских остановит свой выбор именно на ней. Не раз, к великой радости ланжероновок, дядюшка и племянник успевали за вечер обойти несколько домов.

Крепости всегда сдавались без боя и даже с радостью, если не с восторгом.

На следующее утро мамаши осчастливленных дочек хвастались соседкам, что один из замковских побывал именно у них. Особенно они гордились, если их наследница оказывалась именно под шевалье, — все-таки свой, хозяйский, будущий владелец замка, полуразваленного, маленького, но замка. Сами же девицы постепенно стали отдавать предпочтение шевалье перед графом.

Брат мадам де Ланжерон был, конечно, опытен и изощрен в любовных утехах, но вместе с тем он был какой-то бешеный, ненасытный, а шевалье, был нежный, добрый и ласковый.

По возвращении «мальчиков», хозяйка замка всегда интересовалась успехами своего сына на ратном поприще. Девицам, которые ему доставили особенное удовольствие, она всегда дарила потом плоды своего рукоделья — подушечки, на которых искусно были вышиты различные виды родной Бургони. Так что захваченные крепости не только не облагались контрибуцией, а еще и выигрывали от понесенного поражения.

Находясь проездом в Бургундии, граф Роже де Дам заехал в Ланжерон, задержался там на неделю, а возвращаясь, прихватил с собой, кроме нескольких бочонков с вином и дюжину банок с горчицей, что были презентованы ему заботливой сестрицей, еще и юного, но в высшей степени бойкого племянника своего Людовика-Александра-Андро.

Поступив в королевскую гвардию (в полк своего дядюшки), Ланжерон довольно скоро стал близок ко двору Людовика XVI.

Полк графа де Дама должен был принять участие в предполагавшейся высадке на берега Англии (шевалье Ланжерон страстно мечтал в ней участвовать), но высадка эта так и не состоялась. Однако особенно рвался юный Ланжерон в Северную Америку, где шла в это время борьба английских колоний за отделение от метрополии. И Ланжерон перешел в другой пехотный полк, которым командовал граф Лаваль-Монморанси.

У пылкой привязанности юного шевалье к американским событиям есть своя не лишенная интереса предыстория. О ней хотя бы вкратце стоит сейчас упомянуть.

В Париж прибыл один из творцов американской революции Бенджамин Франклин. Он прибыл в Париж как представитель правительства английских колоний. Ланжерон познакомился с Франклином на вечере у принцессы Луизы де Тарант, придворной дамы королевы Марии-Антуанетты (впоследствии шевалье не раз встречался с ней в Петербурге, куда она через несколько лет эмигрировала).

Картинка. ПОСОЛ РЕВОЛЮЦИИ В СТОЛИЦЕ ЕВРОПЫ

Впервые Франклин приехал во Францию еще в 1767-м году как частное лицо. Он тогда сменил свой скромный квакерский костюм на модный парижский кафтан. Он со смехом писал: «Подумайте только, какой у меня вид с маленькой косичкой и открытыми ушами». Второй раз он прибыл в Париж через девять лет — в 1776-м году, но уже в качестве посла Американской республики, и тут он уже отказался следовать парижской моде. Бенджамин Франклин разгуливал по столице в простом коричневом кафтане, волосы его были гладко причесаны, парик заменяла шапка из куньего меха. И получилось так, что Франклина сделали образцом моды: популярность его в Париже была столь велика, что парикмахеры изобрели прическу a la Benjamin Franklin.

Дождливым унылым декабрьским днем 1776-го года, вернувшись после неизменной верховой вечерней прогулки, князь Иван Сергеевич Барятинский, полномочный посланник россиоской императрицы во Франции, выпил кряду не менее пяти чашек чаю и велел кликнуть своего секретаря Павла Владимировича Зотова, остроглазого и весьма смышленого молодого человека, которого он чрезвычайно ценил, но одновременно почитал его слишком уж любопытным — за последнее качество он его частенько поругивал, но совершенно безрезультатно.

Когда Павел Владимирович вошел, князь Барятинский сидел и неторопливо перебирал бумаги — на секретаря своего он даже не взглянул, вообще выглядел он в высшей степени озабоченным, а может быть, еще и озадаченным. Прошло с полчаса — никак не менее. Зотов терпеливо ждал, уставившись в стопку чистых листов, которая лежала у него на коленях.

Наконец, Барятинский произнес свою обычную в таких случаях фразу: «Ну-с, начнем, молодой человек». И тут же, даже не смотря в сторону своего секретаря, начал медленно, с расстановкой диктовать свой очередной отчет вице-канцлеру Остерману: «Бенджамин Франклин приехал вчерась в Париж. Публика столь им занята, что ни о чем ином более теперь и не говорят, как о причинах его сюда приезда, и столько разных известий, что и знать не можно, на чем подлинно основаться. Я должностию поставляю о всех слухах вашему сиятельству донесть в рассуждении сенсации, каковую он произвел. Одни сказывают, что он приехал сюда только для того, чтобы отдать двух своих внучат в здешние училища, а сам поедет в Швейцарию и везет с собой золото в

слитках на 600 тысяч ливров здешней монеты с намерением, чтобы купить себе тамо замок и спокойно кончить свою жизнь. Другие же говорят, что он лишь только что приехал в Нант, писал к графу Вержену, объявляя ему, что он прислан от Американских независимых Соединенных Провинций трактовать с Франциею».

Через пять лет — в один из сентябрьских дней 1781-го года — князь Барятинский устроил небольшой прием в честь Бенджамина Франклина, пригласив на него особо русского посланника в Англии Семена Романовича Воронцова и сестрицу его Екатерину Романовну Дашкову, настроенных весьма проамерикански и симпатизировавших лично Бенджамину Франклину.

Представитель Американских Соединенных Провинций явился в сопровождении лейтенанта де Ланжерона, своего нового друга и добровольного телохранителя.

Семен Романович и Екатерина Романовна имели с Франклином продолжительную беседу, живую, искрометную, веселую и вместе с тем совершенно серьезную, в которой прежде всего затрагивались темы политико-философские (секретарь князя Барятинского Павел Зотов слушал во все свои чуткие уши). А потом шевалье де Ланжерон читал сцену из своей новой тираноборческой трагедии, в которой по адресу англичан было высказано немало упреков.

Стих трагедии был довольно не строен и даже, пожалуй, шершав, но шевалье читал настолько пылко, что это в глазах слушавших компенсировало всю слабость поэтической техники. Только в глазах Екатерины Романовны Дашковой (она сама была автором нескольких довольно слабых пьесок, являясь при этом весьма строгим ценителем искусства) заметна была легкая ироническая усмешка.

Под влиянием дружбы с Франклином увлекшись восстанием английских колоний в Америке, Ланжерон в чине лейтенанта флота присоединился к экспедиционному корпусу генерала графа де Рошамбо. Ланжерону было тогда девятнадцать лет.

Полк графа Лаваля-Монморанси в 1782-м году на корабле «Aigle» (Орел) был отправлен из Ларошели в Северную Америку для оказания помощи английским колониям в их борьбе за независимость.

Эта экспедиция оказалась не совсем удачной. Все дело в том, что у американских берегов французские корабли были атакованы английскою эскадрою Эльфинстона. Корабль «Aigle», получив серьезные повреждения, укрылся затем от преследователей в устье реки Делавар.

Картинка. ПРИВЕТ, АМЕРИКА

Генерал граф де Рошамбо, командир французского экспедиционного корпуса, и барон де Виомениль, кажется, не ладили между собой никогда. Не было буквально ни одного мнения, ни одного указания графа, которое барон бы принял. Генерал же Рошамбо глубоко презирал барона как человека и ни во что ни ставил его как военачальника. Но они вынуждены были работать вместе и работали.

Впрочем, при подчиненных генерал Рошамбо и барон де Виомениль держались в высшей степени корректно и были даже любезны. Однако при этом все окружающие знали об истинном характере их отношения друг к другу.

Генерал же Вашингтон ценил и генерала и барона, относился к ним в высшей степени ровно, не выделяя ни одного из них, но все-таки было известно, что более он симпатизировал графу де Рошамбо.

Когда пришли сведения, что военный фрегат «Орел» обстрелян англичанами и даже весьма основательно ими подпорчен, то генерал Рошамбо никак не прореагировал на это известие, а барон разразился целым каскадом проклятий по адресу англичан и тут же побежал к генералу Вашингтону.

— Какова же судьба фрегата? Что доподлинно известно? — осведомился довольно равнодушно Джордж Вашингтон, не отрываясь от карты, изучением которой он был занят.

Барон тут же ринулся назад, дабы выяснить детали у Рошамбо, от которого он и узнал эту новость.

Вскоре Виомениль вернулся и, запыхавшись, сообщил, что фрегат «Орел» укрылся от англичан в устье реки Делавар.

— А где же маркиз Водрель? — уже с некоторой долей интереса спросил Вашингтон, откинувшись на миг от заваленного бумагами от длинного, как бы вытянутого в полоску письменного стола.

— Вице-адмирал Водрель направляется к вам —

Барон Виомениль тут же выпалил это, по детски радуясь, что может сразу ответить, не бегая за уточнениями к графу де Рошамбо:

Маркиз Водрель прибыл минут через сорок. Его сопровождали лейтенанты королевского флота шевалье де Ланжерон де Сэсси и граф Луи-Филипп де Сегюр (впоследствии шевалье с графом не раз встречался в Санкт-Петербурге, куда последний был направлен в ранге полномочного посланника Франции в России).

Маркиз де Водрель предстал перед генералом Вашингтоном

печальным и израненным. Осколок пушечного ядра ему задел левое плечо. К тому же раны, нанесенные фрегату «Орел», он ощущал как свои собственные. Ланжерон же и Сегюр, по молодости лет, были веселы и беспечны. Они беспрестанно острили, шутя и пикируясь друг с другом. Присутствие генералов Рошамбо и Вашингтона как будто их совсем не смущало.

Скоро к прибывшим присоединился граф Лаваль-Монморанси, полковой командир лейтенантов. Он, так же как и они, был молод и легкомыслен.

Маркиз Водрель смотрел на своих спутников довольно осуждающе, но они, казалось, не замечали совершенно ничего. Барон Виоменильль явно поддерживал маркиза, а генерал Рошамбо, судя по всему, был на стороне французской аристократической молодежи, был на стороне юности.

Ужин примирил всех. Было много выпито и много сказано речей. Гневных речей об англичанах и, в частности, об эскадре адмирала Эльфинстона, посмевшей громить фрегат «Орел».

Поздно ночью, войдя, наконец, в отведенную для него комнату, шевалье де Ланжерон быстро очинил перья и принялся за продолжение начатой на корабле поэмы «Звезда любви», которую он посвящал оставшейся в Париже юной жене своей Мари-Диане Маньяр де ля Вапалье.

Исписав четыре страницы, он аккуратно промокнул их, сложил и положил затем в боковой карман своего камзола.

Предавшись минутным воспоминаниям, шевалье снял с шеи медальон, осторожно открыл его и стал глядеть на миниатюрный портрет своей Дианы — она была изображена художником в белой кашемировой шали, по моде завязанной вокруг ее талии. С легким стоном поцеловав изображение, шевалье решительно захлопнул медальон и стал укладываться спать. При этом он шепотом повторял только что написанные строки поэмы. Узкое, вытянутое, пропеченное солнцем лицо Ланжерона осветила довольная улыбка — видимо, он был удовлетворен своими стихами.

Было слышно, как за стеной вышагивает граф Сегюр. Завтра с утра они собирались в Филадельфию — как следует покутить. А полковой командир граф Лаваль-Монморанси трудился в это время в объятиях прекрасной голландки. Этажом же ниже, расположившись в большом, пустоватом холле гостиницы, Вашингтон, Рошамбо и Виоменильль о чем-то тихо говорили, глядя на карту. Один маркиз Водрель, усталый и опустошенный, спал выматывающим, нервным сном. Ему снился фрегат «Орел», целый и невредимый.

Шевалье Ланжерон де Сэсси, ступив на американский берег, отправился сначала в Филадельфиию, а потом объявился в Бостоне, где он присоединился к эскадре маркиза Водрёля, которая отправлялась в Южную Америку с войсками под началом барона де Вимениля. Ланжерон принял участие в сражениях при Порто-Кабелло, Каракасе, Сан-Доминго (1782–1783). Два года с боями бороздил этот в высшей степени смелый юнец американские широты.

Картинка. КАРАКАС. 1782 ГОД

Барон де Виомениль брал Каракас, раскинувшийся на семи холмах и состоящий из нескольких городков, точнее из нескольких отчаянных разбойничьих притонов. Да, собственно и городками это нельзя было назвать: то были холмы-муравейники, покрытые лачугами-ранчос. А название было чрезвычайно пышное (лейтенант шевалье де Ланжерон обожал его повторять) — Сантъяго-де-Леон-де-Каракас.

На каждый из холмов барон бросил по отряду гвардейской пехоты. И в течение пары часов Каракас был взят. Гвардейцы разломали до основания все лачуги-ранчос, частью перебили, а частью разогнали их обитателей. В плен они брали только индианок, которые все оказались страстными и необузданными. Ланжерон, кстати, отхватил сразу пятерых и не пожалел об этом.

Вечером он вместе со своим маленьким личным гаремом с наслаждением лакомился арепой (кукурузными лепешками с ветчиной и перцем), качапос (кукурузными лепешками с сыром и стручковой фасолью) и жареными бананами такадас, запивая все это горчайшим местным пивом необычайной крепости.

Потом лейтенант, опять же в сопровождении своего гарема, прогуливался по бульвару Сабана Гранде, скупая для своих спутниц у приставучих уличных торговцев буонерос целые горы безделушек, которые вызывали у них бурный восторг.

Глубокой ночью, после продолжительных и обильных утех любви, Ланжерон принялся за продолжение поэмы «Маленькая Венеция Любви», которую он намеревался посвятить своей очаровательной юной жене Мари-Диане Маньяр де ла Вапалье.

Ранним утром следующего дня Ланжерон отправился осматривать горную гряду Авила.

Вернувшись и позавтракав, лейтенант королевской пехоты захватил с собой мешок жареных бананов такадас и свой неизменный гарем, покорный и преданный, отправился в путешествие к Ориноко.

Река — это дорога в вечно сырых непроходимых джунглях. На ее берегах изредка стоят индейские хижины — палафитос.

Ланжерон глядел во все глаза на то, на проплывавшие*черные долбленные каноэ, которые сопровождали маленькие речные дельфины. Однако более всего лейтенант присматривался к архитектуре индейской Венеции, присматривался к тому, как были устроены хижины: черные сваи, посередине — настил, сверху — крыша из листьев, стены совершенно отсутствуют, к сваям*

привязаны гамаки, фактически являющиеся единственной мебелью.

Из прогулки по Ориноко лейтенант Ланжерон вернулся в Каракас со свеженаписанной поэмой «Водопад ангела», набросками пьесы из жизни речных индейцев и тремя новыми девушками для своего гарема.

В 1783-м году был заключен Версальский мир, и шевалье Ланжерон де Сэсси, которому тем временем исполнилось ровно двадцать лет, вернулся во Францию. Он служил в Медоке (1786) и Арманьяке (1788), пройдя путь от капитана до полковника.

Завершился американский и наиболее романтический этап его незаурядного и в высшей степени пестрого военного пути. Будет несколько лет передышки, и потом начнется принципиально новый виток в его карьере гвардейца Людовика XVI-го.

В 1787-м году Ланжерон был зачислен капитаном в драгунский полк принца Конде, а потом он был назначен сверхштатным полковником в полк Арманьяка. Разразившаяся революционная гроза все изменила в его судьбе, как и в судьбе всей французской аристократии.

В начале революции шевалье служил в военной охране Версальского дворца.

Картинка. ВЕРСАЛЬ — ПАРИЖ

Шевалье де Ланжерон вернулся после развода караула. Он, не снимая сапог, лег на свою узкую походную кровать, а шпагу аккуратно поставил в коридорчик, который вел в отведенные ему две комнатки.

Была глубокая ночь. Казалось, что весь Версаль уснул. Но тут в коридоре раздались мерные твердые шаги. Ланжерон вздрогнул. Положение было в высшей степени тревожное. В любой момент его могли арестовать и набрать новую охрану дворца из числа разбойников и бродяг, наводнивших с недавних пор Париж и окрестности. В общем, шевалье ждал ареста.

Когда раздался стук в дверь, он спокойно встал, достал из коридорчика свою шпагу, которую ему некогда подарил генерал Вашингтон, и оперся на эфес. «Войдите» — негромко сказал Ланжерон, ничуть не выказывая своего волнения.

Дверь открылась. На пороге стоял посыльный. Он вручил Ланжерону два пакета, молча поклонился и вышел.

Ланжерон спешно бросился вскрывать пакеты. В первом пакете было письмо от дядюшки Роже де Дама. Оно было совершенно беззаботное, радостно-легкомысленное, полное надежд и обещаний.

Дядюшка Роже весьма игриво и одновременно с нескрываемой гордостью сообщал о том, что он назначен адъютантом Григория Потемкина, всесильного любовника российской императрицы Екатерины II. Он призывал племянника приехать в Россию, гарантируя множество любовных приключений, может быть, и с самой императрицей, всегда необыкновенно щедро награждавшей своих фаворитов, даже самых мимолетных. Кроме того, дядюшка поведал о тех блистательных победах, которые Россия одерживала над Турцией. «Награды так и посыплются на тебя», — убеждал он племянника.

Ланжерон, прочтя письмо, вздохнул и задумался. Дядюшка Роже никогда не зазывал его в авантюры, чреватые особыми неприятностями. Явно стоило поразмыслить над нынешним его предложением, тем более, что обстановка в Версале — а точнее вокруг него — становилась все более неприятной и накаленной.

Второе письмо было от другого дядюшки — Шарля-Сезара герцога де Дама. Он тоже был очень дорог для Ланжерона.

Именно Шарль-Сезар зазвал его в Америку. Он был адъютантом генерала де Рошамбо, командовавшего французским экспедиционным корпусом. Он провел в беседах с племянником не одну бессонную ночь, рассказывая ему о борьбе колоний с

английской королевской властью.

Сейчас Шарль-Сезар в срочном порядке призывал Ланжерона в Париж — нужно было обговорить детали готовившегося бегства короля Людовика XVI.

Ланжерон схватил шляпу, шпагу и ринулся на дворцовую конюшню. Буквально через десять минут он уже мчался в Париж. Он был весь натянутый как струна. В глазах его горели огоньки надежды, упорства и желания спасти своего бедного, несчастного короля, кажется, был почти обречен.

Путь из Версаля в Париж стал очень опасен — разбой был просто бешеный. Но Ланжерон думал о смертельной опасности, которая угрожала Людовику и Марии-Антуанетте.

Ланжерон принял участие в антиреволюционной деятельности как публицист и писатель-пародист. По приглашению известного тогда памфлетиста роялистского направления М. Палтье (M. Paltier) он вошел в редакцию такого издания, как «Les Actes des Apotres». Это была серия сатирико-политических брошюр, которые издавались на средства из собственной кассы короля Франции в качестве противовеса революционным листкам. В этих брошюрах в стихах, прозе и драматической форме высмеивались действия Учредительного собрания. Издание продержалось до октября 1791-го года — оно было прекращено по желанию самого короля, но шевалье Ланжерона де Сэсси в это время уже не было во Франции.

Во время французской революции, будучи в Лондоне, он писал для французских газет и сочинил несколько пьес: «Масаниэлла», «Розамонда», «Мария Стюарт» и «Притворное столкновение» (последняя пьеса, единственная комедия из всего этого списка, была даже тогда поставлена — случилось это в 1789-м году).

В 1789-м году дядюшка Ланжерона Рожер де Дам отправился искать счастья в Россию. Вскоре за ним и двинулся в Россию и племянник, для которого граф всегда был идолом (впрочем, был тут еще ряд причин, не говоря уже о французской революции). Появление их в Санкт-Петербурге, а затем и на театре военных действий с Турцией не осталось тогда незамеченным. Во всяком случае, в «Древней и современной истории России» Г.Кастельно сказано о появлении на российском горизонте дядюшки и племянника.

Эти факты пересказал и прокомментировал в седьмой песни романа в стихах «Дон Жуан» великий английский романтик Байрон:

«Когда бы нам (историк говорит)
Деянья русских описать досталось бы,
Тома б наполнить мог любой пиит —
И многое несказанным осталось бы!»
А посему о русских он молчит
И воздает хвалы (смешно казалось бы)
Десятку чужеземцев: Ланжерон,
Дамà, де Линь — вот русской славы звон!

Намечалась война Австрии с Турцией. Имея в виду данное обстоятельство, Ланжерон собирался поступить в австрийскую службу, но император Иосиф II отклонил его просьбу. Тогда Ланжерон отправился в Санкт-Петербург; найдя в России, без всякого сомнения, гораздо более ласковый нежели в Австрии прием.

Сохранилась собственноручная записка русской императрицы Екатерины II, в которой она, одобряя принятие полковника Ланжерона в русскую службу, оценивала его как полноценного и яркого представителя французской аристократической культуры, столь значимой для русской культуры и в целом для русской государственности, для русского дворянского самосознания, ориентирующегося на европейские ценности.

Вообще ведь у русской императрицы была целая теория трансплантации французской аристократической культуры на русскую почву. Как известно, из Франции прибыло под видом аристократов немало проходимцев, но в конце восемнадцатого столетия в пределах Российской империи оказались и подлинные носители французской аристократической культуры.

Собственно, в России, благодаря событиям 1789-го года и последовавших за ним потрясений, сложилась целая французская аристократическая колония. К числу представителей этой колонии принадлежал и граф Ланжерон (тогда еще маркиз де ля Косс и барон де Куиньи). Первоначально колония эта возникла и кристаллизовалась вокруг личности друга герцога Армана Эманюэля Софии Дюплесси Ришелье (1766–1822), генерал-губернатора Одессы и Новороссийского края, впоследствии первого министра Людовика XVIII-го. Александра Смирнова-Россет, дочь шевалье Россета, фрейлина при дворе русского императора Николая I, в своих записках и дневниках оставила несколько интереснейших наблюдений, которые касаются французской аристократической колонии в России, группировавшейся вокруг герцога Ришелье:

Вокруг герцога собрались лучшие эмигранты, его

двоюродный брат Rastignac, Rochechoir, Mortemart, le marqus de la Maisonfort, le Comte de Castelnau, le Comte d'Olonne, le Comte d'Allonville, le Comte de St. — Priest.

Все, что было лучшего в эмиграции, группировалось вокруг герцога.

С Ришелье отправились лучшие из эмигрантов.

Собственно, французам фактически был отдан весь Юг России — они должны были его цивилизовать.

Картинка. 1815 ГОД. ОДЕССА И ФРАНЦУЗЫ. ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА

В уголки решетки Летнего сада вплелись снежные серебристые нити, и она вдруг оказалась двухцветной. Но наблюдать это теперь было, в общем-то, некому. Гуляющих в Летнем не было никого. Были видны издали только две фигуры — точнее две огромные медвежьи шубы, увенчанные роскошными собольими шапками. А разговор, между прочим, велся исключительно о теплых краях.

— Граф, как Вы, вероятно, знаете, что Одессу основал адмирал Осип Михайлович де Рибас. Он был отличный военный, но в общем-то не так уж много сделал для процветания Одессы. Когда я прибыл в Одессу, там не было ни тротуаров, ни фонарей. Город лежал в развалинах. Да и что, собственно, мог сей испанский матрос, прыгнувший на Руси в адмиралы… Паясничать да передразнивать вельмож, дабы забавлять императрицу?! Добра он Одессе особого не принес, но зла ощутимого тоже не принес. А вот князь Потемкин принес именно зло…

— Понимаете, граф. — Граф Ришелье (а это был именно он — губернатор Новороссийского края, герцог Арман Эмманюэль Софии Дюплесси Ришель) в нерешительности остановился, но тут же продолжил как ни в чем не бывало: — Императрица Екатерина выложила своему Гришеньке полмиллиона на благоустройство Одессы. И на бумаге были построены церковь, присутственные места, казармы, сиротский дом. Но знаете, что я увидел по прибытии своем в Одессу? Разве что фундаменты — и не более того. И мне пришлось все начинать заново.

Граф Ланжерон изумленно заметил:

— Как это возможно, герцог?

— Возможно все, любезнейший. Но я кликнул клич, и мне помогли, помогли наши с вами соотечественники. Правда, многих пришлось погнать назад, но достойных я оставил и не пожалел об этом. Вы, вероятно, слышали мой девиз, граф?

Граф де Ланжерон улыбнулся и скороговоркой произнес:

— «Сажайте, скрещивайте, поливайте».

— Вот именно. Я вызвал бывшего своего парижского садовника Батиста. Он привез с собой из Франции корни фруктовых деревьев: апортовых яблок, больших груш (их называют «poir Duchesse»), а также мелких груш и полосатых груш. Вызвал негоциантов Рубо и Васселя. Они переправили в Новороссийский край образцы пород овец и лошадей. Я раздавал земли под Одессой нашим

соотечественникам, дабы они их благоустраивали. Графа Шарля Растиньяка, — вы, кажется, знаете его?

Ланжерон кивнул.

— Я послал губернаторствовать в Крым. Аббат Доминик Шарль Николь основал в Одессе лицей. Перед своим отъездом из Одессы я подарил Лицею свою библиотеку. Еще знаете, кого я пригласил в эти края? Догадайтесь, граф. — Парикмахера. Это некто Рено (ныне он утверждает, что он барон). Правда, брил и стриг он не долго. Стал поначалу торговать духами и пудрой, потом перешел на торговлю мукой, наконец, выстроил в центре Одессы особнячок, который стал первым одесским отелем. И все это вы теперь должны развивать, дорогой граф. Впрочем, я оставлю вам подробнейшую записку. Знаете, что я еще хочу рассказать вам?

Граф Ланжерон вопросительно взглянул на герцога Ришелье.

— Уговаривая меня принять Новороссийский край, император Александр сказал мне следующее: «Дорогой герцог, поручаю вам этот край; вы знаете, как я любил мою бабку, она мне его завещала. Развивайте особенно торговлю. Одесса могла бы быть портом. Я вам даю самые широкие полномочия». Эти слова, мне кажется, вполне могут быть наказом и для вас, — как вы полагаете? Впрочем, что-то становится совсем холодно. Пойдемте к вам, граф, у вас и продолжим.

Но вернемся теперь к письму Екатерины II (1790) о принятии в русскую службу графа Ланжерона, который впоследствии сменил герцога Ришелье на посту губернатора Новороссийского края.

Письмо это фактически представляет собой маленький трактат, в котором предпринята попытка суммарно-аналитического рассмотрения общецивилизационной значимости французской аристократии, понимаемой русской императрицей как единый эстетико-поведенческий комплекс, сложившийся на протяжении нескольких столетий, как громадный культурный феномен, имеющий непреходящее значение для человечества.

С одной стороны, письмо имело совершенно конкретный прагматико-политический аспект, в основе которого лежала идея неизбежного восстановления великой французской монархии. Но был тут и аспект, так сказать, идеально-культурологический.

Все дело в том, что русская императрица Екатерина II строила свой двор по модели двора французского. Она мечтала о не меньшем величии и блеске, и ей необходимы были настоящие французские аристократы, вассалы, не только виртуозно владеющие шпагой, но еще и остроумные, утонченные и

изысканные.

В таком концептуальном контексте принятие шевалье Ланжерона де Сэсси в русскую службу в 1790-м году приобретает, как представляется, глубоко символический смысл.

Во Франции свирепствовал революционный террор, и, по мысли Екатерины II, Россия как бы соглашалась принять — и даже была горда этим — на сохранение живые традиции французской аристократической культуры.

Документ. ДЛЯ БИОГРАФИИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА

Собственноручная заметка Екатерины II

J'ai lue avec d'autant plus de plaisir la lettre que Monsieur de Langeron m'a ècrit de Vienne que j'ai crue reconnaitre l'esprit et les maximes de cette illustre noblesse Françoise à la tete de laquielle les Roys et nomement Henri IV et Louis XIV se disoit invincible et l' étoit en effet, le premier avant reconquis son Royaume avec quatre cens Gentilhommes Français donnant l 'exemple à quelques troupes Allemandes et Suisses, et le second ne resista-t-il pas à l 'Europe entière liguèe contre lui? La splendeur de ce regne due prescue toute entière au courage, à la capaciè, a l 'habilitè et aux autres belles, grandes et aimables qualitès de la Noblesse qui l 'entouroit et qu il employoit, a durèe jusqu'à nos jours dans l'opinion publique. Je souhaite et je dèsire que mes chevaliers de S-te George rendent au plutot la paix et la tranquilitè à leur Roy ce qui lui appartient de droit pour la prosperitè du Royaume et le bien de ses sujets. Je pense qu 'il ne seroit ni difficile ni guère meme risqueux de renvoyer quelques certaines d'Abbès, de *Procureurs et d'Avocats dans leurs galetas; l'opinion publique aisement, surtout chez un peuple leger, ce rangeroit du cotè de la valeur et de la justice, et comme la magnanimitè accompagne toujours le grand ouvrage en diminneroit par elle le nombre des coupables, et on ne sappliqueroit qu'à ramener l' ordre et la discipline en delruisant l'Anarchie, cause de tous les malheurs.*

Перевод

Письмо господина Ланжерона, которое он написал ко мне из Вены, я прочла с большим удовольствием, в особенности потому, что в письме этом, как мне кажется, выражены дух и правила того славного французского дворянства, стоя во главе которого, короли, а именно Генрих IV и Людовик XIV, почитали себя непобедимыми, и действительно были таковыми, ибо первый из них, с четырьмястами французских дворян, увлекавшим примером своим немногие немецкие и швейцарские войска, успел возвратить себе свое королевство, а Людовик XIV противостоял целой Европе, соединившейся против него. Блеск сего царствования в общественном мнении до наших дней, а этим блеском оно почти исключительно одолжено мужеству, талантливости,

пригодности и другим прекрасным, великим и любезным качествам дворян, коими окружал себя и через которых действовал Людовик XIV. Мое *намерение и воля, чтобы мои кавалеры святого Георгия (имеются в виду французские эмигранты — автор) доставили скорее своему отечеству мир и спокойствие, а королю своему то, что ему принадлежит по праву, для процветания королевства и во благо подданных. По моему мнению, можно бы без труда и даже без всякой опасливости спровадить домой на чердак — несколько сотен аббатов, прокуроров и адвокатов. Общественное мнение, и особенно в народе удобоподвижном, легко преклоняется на сторону внутренней силы и правды. К тому же с великим делом неразлучно великодушие, в силу которого виновных окажется не очень много. Забота должна быть одна — восстановить порядок и повиновение, подавив анархию, причину всех несчастий.*

Итак, в 1790-м году маркиз де ля Косс, шевалье Ланжерон де Сэсси, барон де Куиньи поступил, с благословения императрицы Екатерины II, в русскую военную службу. Рекомендовал его принц Нассау-Зиген (1745–1808), с 1788 года бывший контр-адмиралом русского флота.

Картинка. НОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Карл Генрих Никола Оттон Нассау, решительно и даже с каким-то отвращением сбросив сверкающий золотом адмиральский мундир и отпихнув его ногой в сторону большого кресла, обитого черным бархатом, нервно вышагивал по своему огромному кабинету. За окном умирал сырой петербургский вечер, переходя в ночь. Царил гнилой полумрак. Свечей не зажигали. В воздухе стояло явное раздражение с примесью тревоги.

— Понимаете ли, маркиз, высшее общество предельно развращено и источник глубочайшего нравственного распада — Зимний дворец. Эта жирная старуха поощряет своих бесчисленных любовников, а те нагло и беззастенчиво грабят Россию. Цинизм принял совершенно невиданные масштабы. Очень скоро вы убедитесь в этом.

Принц Нассау буквально носился по кабинету. Он был совершенно вне себя от волнения. Голос его дрожал. Его собеседник маркиз де ля Косс не знал, как реагировать на все это.

Сначала он вжался в черное бархатное кресло, как будто хотел слиться с ним, а потом вскочил и стал бегать за высоченным, журавлеподобным принцем, не очень, впрочем, поспевая за ним.

Принц же, между тем, казалось бы не обращал на своего юного гостя ровно никакого внимания. На какую-то долю секунды он остановился, умолк, а потом опять стал нервно вышагивать и говорить:

— Тут происходят вещи совершенно невообразимые, которые и в голове как-то не укладываются. Князю Потемкину в прошлом году была выплачена зарплата на десять лет вперед — это что-то порядка одного миллиона рублей. Ему выдали из государственной казны сто тысяч рублей на строительство Таврического дворца, в котором, я уверен, вы еще побываете, а потом купили этот дворец за несколько миллионов, а через подарили ему дворец. Должен вам сознаться, маркиз, что меня три года назад приняли в русскую службу по протекции князя Потемкина, но я не могу закрыть глаза на то, что вытворяет сей человек. Это дикарь, наделенный бешеной энергией, сластолюбием и какой-то животной жаждой власти. И его желания никто не смеет ограничить и только потому, что он какое-то время обретался в императорской спальне. Ему дозволено буквально все. Нет даже видимости соблюдения законов.

Принц Нассау вдруг резко остановился. Его длинный нос дернулся и замер. Остановился и маркиз, но уже не выглядел

таким испуганным, как в первые минуты после своего появления в кабинете командующего русским гребным флотом. Смущение и недоумение во взгляде маркиза сменилось изумлением и негодованием.

С принца градом катил пот, хотя камин не был растоплен.

Принц задыхался. Маркиз де ля Косс схватил с маленького столика, неприметно стоявшего в углу кабинета, графин со смородиновым морсом, налил его в огромный, бочкообразный бокал и поднес принцу. Тот единым залпом опорожнил бокал, кивнул в знак благодарности, потом начал опять ходить и продолжил:

— Маркиз, вы направляетесь в Дунайскую армию под начало князя Потемкина. Имейте в виду, что нравы там распущены просто предельно. Раздача офицерам наград происходит главным образом по мере услуг, оказываемых этими людьми любовницам Потемкина. Военная же доблесть во внимание не принимается.

— Неужели такое возможно? — спросил потрясенный маркиз.

— Маркиз де ля Косс, барон де Куиньи, шевалье де Ланжерон, вы еще ничего не знаете о тех безобразиях, что творятся в армии у Потемкина, — дергаясь всем телом, отвечал принц Нассау.

— Слушайте, маркиз. В то самое время, когда происходила осада крепости Очаков, князь был влюблен в супругу своего родственника, Павла Потемкина. Для того, чтобы угодить ей, князь не щадил ни средств (естественно, казенных), ни людей (естественно, находящихся на государственной службе). Неоднократно посылал он за границу офицеров (опять же на казенные деньги), чтобы закупить там для своей любовницы предметы роскоши. В Париж был отправлен офицер Охотин, который должен был привести драгоценности. Во Флоренцию отправили Ламсдорфа. Он вернулся оттуда с двумя повозками, нагруженными духами.

— Немыслимо, — пробормотал маркиз, бледнея и сверкая глазами.

— Это еще не все. Маркиз де ля Косс, вы даже представить себе не можете, чем занят главнокомандующий Дунайской армией и по совместительству министр российской империи. Судите сами. В местечке Бендеры, где была ставка Потемкина, при князе находится 500–600 лакеев, 200 музыкантов, 100 брадобреев, 20 ювелиров. В маленьком, полуразрушенном и окруженном степью турецком городке фактически создан второй императорский двор (за счет государственной казны, конечно). И о каком реальном командовании армией тут можно говорить? Успешные боевые действия идут вопреки усилиям Потемкина. Хорош главнокомандующий, а, маркиз? Как вы полагаете? Да, все возможно, если ты в состоянии удовлетворить императрицу. Вот

так-то, любезнейший.

Маркиз был настолько раздавлен всем услышанным, что не мог произнести ни слова.

Заметив произведенное впечатление, принц Нассау мрачно и одновременно удовлетворенно улыбнулся:

— Ну что ж, продолжу вводить вас в курс дела, дорогой маркиз. Конечно, фаворитизм есть фактически в любом государстве, но тут он порождает исключительное неуважение к правам личности. Вот вам весьма выразительный пример. Однажды Потемкин случайно узнал, что на Кавказе служат два офицера, умеющие плясать по-цыгански. Он тотчас же послал за ними. Они приехали и сплясали перед князем. Позабавившись этим зрелищем, Потемкин отпустил их, наградив майорским чином. Скажите, маркиз, возможно ли предположить, чтобы офицеры в какой-либо иной стране позволили обращаться с собой столь же недостойным образом?

— Принц, то, что вы говорите, поистине ужасно, — промолвил с чувством маркиз де ля Косс. В живых, выразительных зелено-карих глазах его стояли слезы.

— Любезный маркиз, всего, конечно, не расскажешь, но вот еще один эпизод, довольно точно и выразительно освещающий то величайшее презрение к человеческой личности, которое могут тут себе *позволить фавориты, которые поистине всесильны. Раз Потемкин играл в карты с князем Барятинским и был очень рассеян. Тот, воспользовавшись рассеянностью Потемкина, обыграл его. Потемкин сказал ему, бросая карты: «Нет, братец, я с тобою буду теперь только в плевки. Приходи завтра». Приглашенный не преминул явиться. «Плюй на двадцать тысяч» — сказал Потемкин. Барятинский собрал все силы и плюнул. «Выиграл, братец: смотри, я дальше твоего носа плевать не могу!» — произнес Потемкин, плюнул в лицо князю Барятинскому и отдал проигрыш. Ладно, маркиз, не буду пока вас больше мучить своими россказнями, которые, должно быть, весьма расстроили вас. Давайте отужинаем, успокоимся, хоть ненадолго придем в себя, а то я столько ужасов понаплел вам, что так не долго и с ума сойти. Пойдемте, пойдемте. Остальное поведаю вам как-нибудь потом.*

Принц Нассау взял под руку маркиза де ля Косса и они направились в залу.

Ланжерон был зачислен в первый Сибирский гренадерский полк, входивший в стоявшую на Дунае армию, которой командовал Г.А. Потемкин, могущественнейший фаворит Екатерины II.

Ланжерон, впрочем, в полк не поехал, а остался сначала в Петербурге, который внешне становился тогда все более великолепным, все более рафинированным.

Ужасно хотелось воевать, отличиться, но так тяжело было сразу же расстаться с Петербургом, с той рассеянной, светской жизнью, которую юный Ланжерон обожал не менее, чем войну: да, война давала возможность отличиться, но и светская жизнь давала возможность проявить себя, давала какое-то новое приложение бьющей через край энергии.

Картинка. ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ

— Ваше величество, позвольте искренне поблагодарить Вас за милостивое письмо и за предоставленную мне возможность послужить России.

Юный маркиз де ля Косс, шевалье де Ланжерон грациозно и с чувством произнося эту довольно дежурную фразу, один глаз непроизвольно скосил немного вправо: рядом с императрицей Екатериной II стояла корзина, где на розовой атласной подушке, обшитой кружевами, покоилось семейство собачек — очаровательных английских ливреток, кои, впрочем, жадно, брызгая слюной, раскусывали и глотали кусочки сахара и на этот раз показались маркизу весьма противными.

Пока императрица что-то говорила маркизу (он услышал только вежливое «Садитесь», все остальные слова, сказанные Екатериной, промелькнули, не оседая в его кудрявой голове), он на мгновение опустил голову и уже не в силах был оторвать взора от ее безобразно распухших ног, которые были втиснуты в открытые башмаки. Но маркиз довольно быстро справился с собой — вышел из состояния оцепенения и нашел в себе силы оторваться от неприятного зрелища.

Когда маркиз поднял свои глаза, живые, зеленовато-карие, но слишком выпуклые и, казалось, готовые выскочить из орбит, то увидел, что все лицо императрицы покрыто багровыми пятнами и его передернуло. Но тут он встретился с умным, насмешливым взглядом Екатерины заметил, что ее синие глаза смотрели на него с нескрываемо искренним интересом, приветливо и чуть извинительно улыбнулся. Маркиз, будущий граф Ланжерон не знал, что проницательная, но слишком привыкшая к лести Екатерина приняла инстинктивно возникшее у молодого человека чувство отвращения перед ее старческим безобразием за смущение человека, впервые лицезрящего Екатерину Великую.

Маркиз пришел в себя и теперь вполне понимал более или менее то, о чем говорит императрица и даже поддакивал ей уже вполне осмысленно.

Речь зашла о 1789-м годе и последовавших за ним кровавых событиях. Екатерина стала волноваться (вообще надо сказать, что от природы она была нетерпелива, легко забываясь и быстро выходя из себя): пятен на ее одутловатом лице вдруг заметно прибавилось и общий багровый оттенок явно усилился.

Екатерина в запальчивости сказала, доказывая самой себе (маркиз ее вообще ни о чем не спрашивал), что разгон революционной армии — задача легко осуществимая:

— Я утверждаю, что стоит завладеть только двумя или тремя ничтожными крепостями во Франции, и все остальные падут сами собой. Я уверена, как дважды два четыре, что две крепости, взятые открытой силой кем угодно, заставят всех этих баранов прыгать через палку, которую им подставят, с какой стороны захотят. Двадцати тысяч казаков было бы слишком много, чтобы расчистить дорогу от Страсбурга в Париж: двух тысяч казаков и шести тысяч кроатов будет довольно.

Маркиз посмотрел на Екатерину с большим воодушевлением и нескрываемым чувством признательности. Впоследствии он ей никогда не простит, что эти слова императрицы оказались очередным блефом — никаких казаков и кроатов (хорватов) во Францию она так и не послала, отделываясь миллионами ливров для французских принцев.

Но вернемся в кабинет императрицы в Зимнем дворце, в котором будущий граф Ланжерон получил свою первую аудиенцию у русской царицы.

Багровые пятна на лице Екатерины сгустились и потемнели. Лицо ее напоминало уже даже не красную, а черно-красную маску с двумя синенькими прорезями. Императрица даже вскочила с кресла и возмущенно топнула ногой. Тут же она, правда, скорчилась от боли и села, что как раз ее и отрезвило. Разговор плавно перетек на судьбу маркиза.

— Сколько я помню, вы зачислены в Дунайскую армию фельдмаршала Потемкина? — осведомилась императрица.

Маркиз кивнул и сделал благодарственный поклон.

Екатерина ласково улыбнулась и спросила:

— Маркиз, а удовлетворены ли мы этим назначением?

Затем она наставительно продолжила:

— Фельдмаршал строг (недруги утверждают, что капризен), но он добр и всегда готов оценить даровитых юношей, впрочем, как и я.

— Государыня, я всецело одобряю выбор, сделанный относительно моей службы, но все-таки рискую обратиться к вам с нижайшею просьбой. Не позволено ли мне будет, прежде отбытия в Дунайскую армию, принять участие в Шведской кампании?

Екатерина испытующе взглянула на маркиза и недовольно поморщилась, но ничего не сказала, только в увядшем лице ее прибавилось темно-багрового оттенка и улыбка куда-то пропала.

Наконец она заговорила, медленно отцеживая слова:

— Значит, для начала хотите послужить у принца Нассау Зигена? Что ж и это не плохо. Фельдмаршал Потемкин весьма ценит его. Идите, маркиз, я вас еще призову.

Не успел маркиз де ля Кос выйти из кабинета императрицы, как она раздраженно и с остервенением скинула башмаки, вытянула ноги и положила их на маленькую скамеечку.

— Глуп и труслив — в сердцах проговорила Екатерина. — И почему все так боятся князя, он ведь такой ласковый, такой нежный. Да, уже успел наслушаться маркиз сплетен, это точно. Но до чего же свеж этот мальчишка, глупенек, но ужасно свеж, так и хотелось его потискать. С трудом удержалась, ну, даст бог, еще встретимся с ним.

Императрица затаенно, даже с какой-то грустью вздохнула и велела подать кофию, до которого она была страстной любительницей. Она пила необыкновенно крепкий кофий, не смотря на строжайший запрет доктора Роджерсона, над которым она, впрочем, нещадно потешалась.

Ланжерон принял участие в открывшейся шведской кампании (борьба за Финляндию).

Он командовал второй дивизией русского гребного флота. 21-го и 22-го июня в сражении при Биорке-Зунде принц Нассау-Зинген разбил шведский флот. Ланжерон в этом сражении отличился и был награжден лично Екатериной II. 28-го июня состоялось сражение при Роченсальме, исход которого для русских не был особенно благоприятен. Ланжерон командовал левым крылом гребной флотилии. После завершения битвы он соединился с русскими кораблями у Фридрихсгама.

Картинка. ПОЦЕЛУЙ ИМПЕРАТРИЦЫ

В голове уже с полчаса что-то стучало: как будто внутри кто-то сидел и бил молоточком. А ноги болели невыносимо — они и ныли, и одновременно в них было какое-то жжение; иногда казалось, что это какой-то неведомый палач их поджаривает на медленном огне.

Платоша Зубов, в недавнем прошлом совершенно ничем не примечательный поручик конной гвардии, а ныне полновластный владетель разбухшего тела императрицы, и целовал и гладил бревнообразные конечности Екатерины; но все без успеха.

— Когда же придет Ламбро? — в сердцах крикнула императрица, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ламбро Кацони — в прошлом известный греческий пират. Откорсарствовав в Архипелаге, он вышел на покой, и пришла к нему такая блажь — захотел он стать царским доктором. Этого рыжего верзилу с огромными молотоподобными ручищами ввел к Екатерине (естественно, с благословения Платоши Зубова — без его дозволения ни с кем теперь императрицу познакомить нельзя было) Осип Михайлович де Рибас, испанский матрос, прыгнувший в России в адмиралы. Ламбро тут же взялся лечить императрицу.

Этот бандит легко убедил ее, всегда надсмехавшуюся над традиционной медициной и державшую лейб-медика Роджерсона, кажется, именно для насмешек и форменных издевательств, что знает верное средство для излечения ног. И вот каждое утро он сам ходил за морской водой, дабы императрица принимала холодную ножную ванну.

Поначалу она почувствовала себя чуть лучше и вместе с Ламбро вволю натешилась над несчастным Роджерсоном. Но вскоре ноги императрицы распухли еще больше, однако она упорно продолжала принимать ледяные морские ванны — Ларго Кацони, вопреки всему, продолжал оставаться для нее авторитетом. Видимо, он был ей позарез нужен для диких и бесцеремонных наскоков на лейб-медика. Сцены их препирательств бесконечно забавляли императрицу. Она еще как могла подыгрывала бешеным колкостям экс-пирата.

На пользу от ледяных морских ванн Екатерина уже рассчитывала мало, но ждала Ламбро Кацони со страшным нетерпением. А того все не было. Екатерина уже даже и не хмурилась. В ее заплывшем лице багровые пятна сменялись синесизыми. Молоточки в голове били все острее и больнее. Они уже впивались в мякоть мозга и, кажется, застревали в ней, потом с трудом выдергивались и начинали опять.

Больше не было сил ждать этого разбойника. Зло пыхнув ядом синих своих глаз, императрица, превозмогая боль, влезла в большие открытые башмаки и заковыляла из спальни в бриллиантовую гостиную, в которой должна была состояться ее аудиенция с шевалье де Ланжероном.

Шевалье де Ланжерон, маркиз де ля Косс, барон де Куиньи появился в Бриллиантовой гостиной Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге в парадном мундире офицера флота Ее Императорского величества. Полковник французской гвардейской пехоты неожиданно оказался командующим дивизией русского гребного флота. Адмирала Нассау шевалье де Ланжерон отнюдь не подвел и теперь с гордостью нес свой роскошный, шитый золотом морской мундир.

Екатерина взглянула на шевалье ласково. Лицо ее прояснилось, багровые пятна немного поблекли, но молоточки все-таки продолжали постукивать, но уже довольно глухо, не впиваясь намертво в мякоть мозга.

Близость молодого тела, пульсирующей, бьющей через край энергии принесла Екатерине некоторое облегчение. Ей на какое-то время показалось даже, что и ноги отпустило (они ныли по-прежнему, но жжение как будто ощущалось уже не так сильно). Водянисто-синие глаза императрицы все теплели и теплели.

— Шевалье, — промолвила она почти нежно, — я счастлива, что в вашем лице французская гвардия не срамила себя на российской земле.

Ланжерон поклонился, изящно тряхнув своей роскошной смоляной гривой. Императрица же продолжала:

— Принц Нассау поведал мне, что во время последних боевых действий в Финляндии вы, шевалье, проявили исключительную храбрость и самоотверженность. А я целиком доверяю суждениям и оценкам принца в военных вопросах, ибо его чрезвычайно высоко ставит сам фельдмаршал Потемкин.

В этих словах звучали и гордость Екатерины своим ставленником и неприкрытый цинизм. В лице Ланжерона не дрогнул ни единый мускул, только в глазах мелькнул лукаво-понимающий огонек и тут же, правда, исчез.

— Шевалье, — спокойно и величественно сказала императрица. — Позвольте вам отдать, что по праву вам принадлежит.

Тут она потянулась к маленькому инкрустированному бриллиантами столику, на котором лежал белый шелковый мешочек, обсыпанный бриллиантиками. Императрица достала из мешочка орден святого Георгия 4-й степени и подошла к Ланжерону.

Шевалье вздрогнул от отвращения, когда к нему приблизилось опухшее багровое лицо Екатерины. Императрица же, почувствовав рядом молодое, мужское тело, задрожала. Прикрепив к груди Ланжерона Георгия, она вместо того, чтобы едва прикоснуться губами к его лбу, буквально впилась в его губы. В лице шевалье изобразилось чувство какой-то гадливости. Екатерина отпрянула и засеменила прочь из бриллиантовой гостиной.

Когда был заключен мир со Швецией, Ланжерон отправился, наконец, в дунайскую армию, к Г.А. Потемкину и принял участие в блокаде крепости Измаил. 11-го декабря, во время штурма этой крепости, он находился в колонне генерала Арсеньева, выдержавшей массированный огонь турок.

Великий русский полководец генералиссимус А. В. Суворов сказал о поведении Ланжерона во время штурма, что он «оказал отличную неустрашимость в атаке неприятеля». За участие в штурме Ланжерон был награжден золотой шпагой с надписью «за храбрость».

Картинка. ШТУРМ ИЗМАИЛА

Генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов был в полнейшем бешенстве. Его маленькие синие глазки-буравчики неожиданно расширились и потеряли свой хитроватый прищур — теперь в них полыхала ярость.

Суворов топнул ножкой, окатив липкой, мутной грязью себя и своего спутника (они оба были так взволнованы, что не заметили этого), и закричал, брызгая слюной:

— Что же это такое творится? Князь Потемкин решительнейшим образом провалил осаду крепости Измаил. Он предается в своей ставке оргиям, устраивает бесчисленные празднества, и это вместо того, чтобы немедленно действовать. Ланжерон, это уже не лень, а форменное предательство. Это — измена. По-другому просто не скажешь.

Шевалье Ланжерон де Сэсси понимающе молчал. Собственно, он и сам был такого де мнения, полагая, что действия светлейшего князя совершенно недопустимы.

Разговор этот происходил ранним грязным утром 30-го ноября 1790-го года в местечко Галац, где Суворов стоял со своим корпусом. А к вечеру пришло письмо от главнокомандующего Потемкина. Суворов лихорадочно разорвал пакет, схватил бумагу и острый взгляд его тут же выхватил строки: «…остается предпринять с Божьей помощью на овладение Измаила… Извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду…»

Радости генерал-аншефа не было предела. Он просто бесился от ликования. Только Суворов все повторял, недоумевая:

— Не ожидал… С Потемкиным что-то случилось… Непостижимо…

Суворов не знал, что светлейший князь получил весьма ласковое письмо от государыни Екатерины II, а в нем были слова: «Гришенька, я хочу Измаил». Вот князю и пришлось, забыв о гордости и лени, о роскоши и неге писать к генерал-аншефу Суворову. Правда, когда крепость Измаил была взята, то всесильный фаворит Екатерины не простил Суворову этой оглушительной победы, но все это будет потом, а пока всесильный фаворит просит.

2-го декабря1790-го года Суворов был уже под Измаилом. Армия, уставшая от многомесячного стояния, встретила его кликами бешеной радости, ведь прибытие шустрого голубоглазого карлика означало только одно — штурм. Счастливы были все — от солдата до генерала.

Суворов никак не реагировал на восторженную встречу, он

только лукаво подмигивал неизменно сопровождавшему его Ланжерону. Шевалье же выглядел совершенно потрясенным. Ему казалось, что так могут встречать лишь коронованную особу, и то не всякую, ведь часто встреча короля — это просто ритуал, из которого выхолощено живое чувство, а тут было преклонение совершенно реальное и живое.

За вечерним чаем, допивая четвертый стакан, Суворов сказал вдруг шевалье (до этого он хранил молчание):

— Ланжерон, миленький. Мне срочно нужна ваша помощь. Вот что я прошлой ночью надумал. Слушайте меня внимательно. Разведчики раздобыли план Измаила. Надо бы, сверяясь с ним, насыпать искусственный вал, точную измаильскую профиль. Руководство строительством хочу поручить вам, голубчик. Но это еще не все.

Ланжерон кивнул и придвинулся ближе к столу. Он был весь — внимание.

— Понимаете, Ланжерончик, я хочу по ночам на этом искусственном валу обучать войска эскаладе, дабы во всей последовательности воспроизвести все акты штурма: подход ко рву, забрасывание фашинами, переход, приставление и связывание лестниц, подъем на вал. Вам я хочу поручить обучению подъему на вал. Могу ли я на вас рассчитывать, любезнейший? Можете действовать совместно со своим дядюшкой графом де Дамом — он человек в военном смысле очень опытный и эскаладой владеет в совершенстве. Впрочем, вы и сами это знаете. Так я могу на вас двоих рассчитывать?

Ланжерон с превеликой радостью согласился и уже следующим утром набрал команду для строительства искусственного вала. Работа яростно закипела. Вал возвели уже через четыре дня. И сразу же начались ночные репетиции. Руководил ими всегда лично Суворов. Один уже вид его легкой фигурки вселял в сердца тех, кто скоро должен был брать Измаил, бодрость и уверенность. Ланжерона поражал и Суворов и русские солдаты и офицеры.

Вообще эти ночные репетиции очень многое дали Ланжерону в плане уяснения русской военной школы. Он так и сказал Суворову за вечерним чаем, сказал, что благодарит его за науку. Тот неожиданно мягко улыбнулся и сказал:

— Мой милый Ланжерон, а живя с вами невозможно не полюбить Францию, невозможно не стать роялистом.

С раннего утра Суворов встречался с командирами. Начальники штурмовых колонн приглашались для участия в разведывании подступов к Измаилу. Суворов, буквально пробуравливая присутствующих своим острым, насмешливым, каким-то даже ввинчивающимся взглядом, указывал направление и

задачу каждой колонны.

Штурм был назначен на 11 января. Суворов получил накануне целую пачку писем (был там, в частности, и пакет от Потемкина), но ни одно из них он даже не раскрыл. Это и понятно — не до чтения было.

Спать он тоже не мог. Голос сморщился. Глаза из голубых стали серыми, пепельными.

Суворов сказал Ланжерону, глубоко вздохнув и глядя совершенно неулыбчиво, без тени обычной лукавинки:

— Да, милый мой Ланжерон, Ланжерончик мой, на такой штурм можно решиться только раз в жизни.

Загодя началась артиллерийская канонада. Весь день и всю ночь 500 орудий обстреливали крепость. На рассвете артиллерия сменила боевые заряды на холостые. В три часа ночи взвилась первая сигнальная ракета — армия пришли в полную боевую готовность. С появлением второй ракеты — штурмовые колонны придвинулись к крепости на 200 шагов. Третья ракета означала штурм.

Штурмовые колонны поднялись на вал практически одновременно. Так и было задумано Суворовым: крепостная ограда должна была быть захвачена сразу целиком, по всей линии.

Турки оборонялись ожесточенно, при этом что-то пронзительно крича и яростно жестикулируя. Их потные закопченные лица казались все время дергающимися, подпрыгивающими. А усы двигались сами по себе, как будто отдельно.

«Слишком много кривляния», — пронеслось вихрем в голове у Ланжерона, — «почти как в театре марионеток». Он в это время закалывал огромного толстого турка, который нещадно гримасничал — глаза и усы у него, казалось, просто скакали.

Турок стоял, широко расставив ноги, на краю левого вала. Его страшная неподвижная туша закрывала путь колонне генерала Алексеева, в которой был Ланжерон. Колонна в замешательстве остановилась. Тут Ланжнрон вырвался вперед, не раздумывая, подбежал к громадному турку и проткнул его. Турок рухнул. Путь на левый вал был свободен.

За Ланжероном тут же кинулся его дядюшка — Роже де Дам: не мог же он отставать от племянника. На вал быстро вскарабкалась основная часть штурмовой колонны, оказавшаяся перед вытянутой турецкой цепью. Не было ни мига передышки — надо было опять колоть и рубить (пехота орудовала штыками, у спешенных казаков были укороченные дротики).

Русские дрались молча, с каменными, ничего не выражавшими лицами. Вся сила расходовалась на удар штыком. И только когда

штык проходил сквозь тело турецкого воина, из русского горла сдавленно вырывалось ругательство, счастливое, радостное, ликующее.

Ланжерон вертелся на валу как волчок. Он отнюдь не был спокоен, напоминая скорее сноп искр. В какой-то момент он отбросил штык (прокалывание врага штыком занимало слишком много усилий и времени), схватил с земли укороченный дротик, выпавший из рук разрубленного надвое казака, и кинулся на то, что оставалось от турецкой цепи. Так же поступили солдаты и унтер-офицеры из его отряда: все схватились за дротики и врубились в кучки сгрудившихся турок. Скоро колонна полностью утвердилась на валу.

После того, как штурмовыми колоннами были захвачены все валы, Суворов через открытые войсками ворота ввел резервы и, не давая противнику опомниться, двинул нападающих внутрь — на штурм города, где на площадях, улицах, в домах, обращенных в крепости, готовилась упорная оборона. С бою беря каждую пядь земли, русские отряды, концентрически наступая, сжимали турок в сплошное железное кольцо. Резня длилась 8 часов.

Ланжерон во время захвата города был ранен в ногу. Во главе батальона солдат Лифлягдского егерского корпуса, он брал дом начальника измаильского гарнизона Айдос-Мехмед-Паши. Собственно, это была вторая крепость. Но мужчин в доме не было — видимо, они все полегли на валах Измаила, у крепостной стены, на улицах города. Потом только нашли в кресле труп старика-паралитика — в животе к него торчал укороченный дротик. Этот старик был единственный мужской обитатель дома.

Женщины смогли продержаться часа два. Стреляли они довольно метко, стреляя не только из окон-бойниц, но и с крыши. Они уложили восемь бравых солдат Лифляндского егерского корпуса. Стоило хоть кому-то из ланжероновского отряда приблизиться к дому, — тут же раздавался прицельный выстрел. В общем, осада ни к чему не вела.

Тогда Ланжерон достал где-то несколько кожаных лошадиных попон, связал их и соорудил таким образом нечто вроде защитного панциря. Потом он накинул его на себя и бегом рванулся к дому. Ланжерон сумел-таки прорваться, но когда он распахнул входную дверь, там стояла испуганная девочка лет четырнадцати. В руках она с трудом удерживала длинное ружье. Увидев Ланжерона, она зажмурилась и выстрелила. Ланжерон упал, но остался жив — девочка попала ему в ногу.

Ворвавшиеся солдаты батальона егерского корпуса отнесли его в дальний угол первого этажа и бросились вверх по лестнице. Скоро

до Ланжерона стали доноситься истошные крики и стоны женщин. Он понял, что их насилуют — грубо и дико. Шевалье стал громко звать бойцов к себе, но на него никто не обращал никакого внимания. Всех обитательниц дома нашли потом в изодранной, искромсанной одежде — из живота у каждой торчал укороченный дротик.

Суворов потом навестил Ланжерона в госпитале. Был как всегда живчик, носился по палате, редкие волосенки его весело подпрыгивали от быстрой ходьбы. Веселился, отпускал шуточки, подчас весьма соленого свойства. Когда же вошел лекарь, Суворов вдруг странно нахохлился и закричал петухом. Услышав это, шевалье де Ланжерон даже вздрогнул и даже закривился как-то. По уходе лекаря он спросил у Суворова:

— Александр Васильевич, зачем вы сделали это?

Суворов, улыбнувшись, тут же ответил:

— Поживешь с мое, запоешь курицей.

Прощаясь, Суворов сказал ему:

— Милый мой Ланжерон, вы показали себя молодцом. Я награждаю вас золотой шпагой с надписью «за храбрость».

Ланжерон благодарно улыбнулся.

А Суворов еще добавил:

— Вы оказались храбрым и даже неустрашимым.

И совсем уже стоя в дверях, прокричал:

— Вы прошли через школу Измаила. Это много. Теперь Вам не страшно ничего.

POST SCRIPTUM

Вместе с Ланжероном в штурме Измаила принимали участие его приятель герцог Ришелье, будущий губернатор Новороссийского края, и дядюшка граф Роже де Дам. Так что драться было не скучно.

В 1792-м году в Яссах был заключен мир с Турцией, по заключении которого Ланжерон оставил русскую армию и отправился на Рейн для участия в первой антифранцузской коалиции.

В начале этой войны Ланжерон состоял волонтером в корпусе принца Саксен-Тешенского, участвовал в сражении под Гризуэлем, воевал в Нидерландах. Потом он перешел в корпус, состоявший из французских эмигрантов, которым командовали братья короля Людовика XVI-го. В составе этого корпуса Ланжерон воевал в Лотарингии и Шампани, был в битвах при

Вердене и Тионвилле. После того, как корпус был рассеян, он вернулся в Петербург.

Картинка. МАЛЫЙ ЭРМИТАЖ

Общество, собиравшееся в малом Эрмитаже, представляло собой самый близкий круг императрицы. Много веселились; часто по-домашнему, без особых церемоний. Но по правую руку от Екатерины всегда сидел фаворит, которого она времени гладила по плечам и волосам, по плечам, а ежели была особенно нежно настроена, то бралась пальчиками за его колено — то за левое, то за правое.

Ужинали за механическим столом: тарелки спускались по особому шнурку, прикрепленному к столу, а под тарелками лежала грифельная доска, на которой писали названье того кушанья, которое желали получить. Затем дергали за шнурок, и через некоторое время тарелка возвращалась с требуемым блюдом.

Лев Александрович Нарышкин, старинный приятель императрицы, обер-шталмейстер ее двора и главный ее забавник, сидел на полу и вертел волчок. Но периодически он подбегал к столу и сильно дергал несколько раз подряд за шнурок и опять садился на пол, тут же принимаясь за волчок. Гости, казалось, не обращали на Нарышкина ровно никакого внимания…

Но вот он притащил откуда-то новый волчок, огромный, превышавший размером его собственную голову и тут же пустил его. И вдруг волчок с ужасным свистом разлетелся на три или четыре куска, пролетел мимо государыни и Платоши Зубова и ударился об голову принца Нассауского.

Тут уже все обратили внимание на Нарышкина, а Екатерина захлопала в ладоши, быстро опять их пристроив на коленях Платоши, и заулыбалась. И веселье осветило лица присутствующих. Один только шевалье Ланжерон де Сэсси, обычно галантный и игривый, сидел мрачный и насупленный.

И дело даже не в том, что Карл Генрих Нассау-Зиген был для шевалье приятель, покровитель и в недавнем прошлом начальник. То, что выкинул Нарышкин, то, как на это отреагировала императрица и то, как подобострастно ей стали подражать присутствующие — все это Ланжерон воспринял даже не с сожалением, а с возмущением и пришел в крайне раздраженное состояние духа.

Внутренне он негодовал. «И она смеет претендовать на то, что создает европейский двор! При таком неуважении к личности, не говоря уже о том, что Карл Генрих — принц. И крупный военачальник. То есть тут не только личность не уважается, но не принимается в расчет и королевское происхождение. Не принимается в расчет не только королевское происхождение, но и

государственные заслуги,» — проносилось в голове Ланжерона.

Между тем, веселье шло полным ходом. Так что, судя по всему, шевалье в своих чувствах был тут одинок, если, конечно, не считать пострадавшую сторону — принца Нассау-Зигена.

Вдруг Ланжерон обнаружил, что около него стоит Лев Александрович Нарышкин. Увидев, что Ланжерон его, наконец, заметил, обер-шталмейстер спросил:

— Шевалье, вы уже очнулись? Так слушайте меня. Вы оштрафованы и по правилам обязаны заплатить немедленно.

Лицо Ланжерона выразило полнейшее непонимание происходящего. Тогда Нарышкин взял его под руку и подвел к стене. Гвоздиком с алмазной шляпкой там были прибиты правила. Там среди прочего (запрещается вставать перед государыней, говорить о ком бы то ни было дурно, помнить распри, говорить вздор) было отмечено следующее: запрещается быть в мрачном расположении духа. Как раз в это правило и ткнул пальцем Нарышкин. Ланжерон, обычно весьма улыбчивый, даже не попробовал улыбнуться. Ни слова ни говоря, он вытащил маленький, изящный кошель (он был из чрезвычайно тонко выделанной кожи, а сверху еще обтянут лиловым бархатом), извлек из него рубль серебром и так же молча отдал Нарышкину. Тот, радостно гогоча, поскакал отдавать деньги Безбородко, казначею малых эрмитажных собраний.

Веселье продолжалось. Но без четверти десять императрица встала и объявила, что ей необходимо побеседовать с шевалье де Ланжероном — все знали, что он через два дня уезжает в Нидерланды, в расположение австрийской армия, которая должна была начать боевые действия против французских мятежников.

Ланжерон подошел к Екатерине, и она, опершись на его руку, легкую, сильную, горячую, даже обжигающую, заковыляла в кабинет (распухшие ноги, когда она поднялась, опять стали резко и сильно ныть).

— Шевалье, — сказала императрица, устроившись предварительно в кресле и успев отдышаться, — я уже известила принца Саксен-Тешенского, что вы направляетесь в его распоряжение. Он, как вы знаете, конечно, командует корпусом австрийских войск, направляющихся воевать с бунтовщиками. А армия австрийская отдана под начало известного вам принца Саксен-Кобургского. После знаменитого дела при Рымнике я его пожаловала фельдмаршалом. Надеюсь, что вы, шевалье Ланжерон де Сэсси, не посрамите русского оружия и вместе с тем поработаете во славу своего отечества, что королевская власть во Франции будет восстановлена не без вашего участия.

Ланжерон поклонился, тряхнув своей роскошной темной

шевелюрой с чуть синеватым отливом. Императрица продолжала:

— Но у меня к вам есть еще просьба, мой юный друг. Я хотела бы иметь в своем распоряжении подробные военные отчеты о ходе боевых действий против армии бунтовщиков. Могу ли я на Вас рассчитывать? Я видела вашу записку о взятии Измаила — она очень толково составлена. Я вам вполне доверяю. Ну так как, шевалье? Как, мой милый маркиз де ля Косс?

Ланжерон, не раздумывая, согласился. Императрица растрогалась, радостно улыбнулась и протянула Ланжерону руку для поцелуя — это означало, что разговор окончен.

Шевалье подошел к государыне, обратив вдруг внимание, что ее ставшее с некоторых пор блинообразным лицо все плывет в багровых пятнах (он вдруг представил обвисший блинный круг с растекающимися капельками смородинового варенья на нем).

Стараясь не глядеть на лицо Екатерины, Ланжерон прикоснулся губами к ее протянутой руке. Тут он заметил, что голова государыни как-то странно клонится вниз, и тут же почувствовал, что ее губы впились в его колено.

Шевалье внутренне вздрогнул от отвращения, но как только присосавшиеся было к его колену губы государыни на миг отвалились, он ринулся вон из кабинета.

Императрица Екатерина II дала Ланжерону личное поручение, отправив его вместе с другим знатным эмигрантом — уже упоминавшимся герцогом Ришелье в австрийский корпус принца Саксен-Тешенского, стоявший в Нидерландах. Ланжерон должен был не только воевать, но и доставлять императрице сведения о ходе военных действий. Он участвовал в сражении под Гризуэлем и других.

В сентябре 1792-го года Ланжерон поступил в армию французских эмигрантов, под начало братьев короля Людовика XVI-го. В составе этой армии он совершил в Лотарингию и Шампань, принимал участие в сражениях при Вердене и Тионвилле.

Затем Ланжерон воевал в составе австрийской армии принца Саксен-Кобургского. Он участвовал в сражениях при Мобеже, Ландресси, Линнуа, Тюркуанэ, Турнэ, Флёрюсе, Розендале, а также при осадах Валансьена, Дюнкирхена, Дюнельдорфа. Для союзников война окончилась неудачно. После того, как австрийские войска отступили за Рейн, Ланжерон возвратился в Петербург.

В 1895-м году француз Пенго издал записки Ланжерона, посвященные антифранцузской коалиции 1792–1794 годов: «L’invasion austro-prussienne 1792–1794».

30-го июля 1794 года Ланжерон был переведен в Малороссийский гренадерский полк. Знаменитый русский полководец П.А. Румянцев, бывший шефом этого полка, назначил его полковником. 28-го июля 1796-го года, на самом исходе царствования Екатерины II, бригадир Ланжерон стал командиром Малороссийского гренадерского полка.

В своих записках граф Ланжерон оставил в высшей степени выразительную, яркую картину эпохи Екатерины II. Особенно подробно он остановился на феномене фаворитизма, дав его продуманную, достаточно критическую характеристику, не заключающую при этом в себе ни тени пасквильности.

Феномен фаворитизма Ланжерон прежде всего рассматривает сквозь призму личности Г.А.Потемкина, самого выдающегося, самого незаурядного любовника Екатерины II.

Ланжерон находил, что последние годы царствования Екатерины были для русского общества временем деморализации и общего упадка. Он считал для России страшным злом фаворитизм, высокомерие высших чиновников, произвол в администрации, продажность чиновников, расстройство системы финансов, отсутствие контроля над образом действий служащих.

В образе действий Потемкина и его приватном поведении, как был убежден Ланжерон, были сфокусированы многие отвратительнейшие недостатки общественного и политического строя России. Ланжерон отмечал в своих записках вредное влияние на дела фаворитов, нарушение интересов государства и народа вследствие эгоизма авантюристов. Эксплуатация ресурсов России в пользу крупных аферистов вызывала крайнее негодование эмигранта.

Фаворитизм, по мнению Ланжерона, во многом содействовал порче нравов, благодаря тому обстоятельству, что все без исключения, зная о расположении императрицы к Потемкину, Зубову и другим, униженно раболепствовали перед фаворитом.

Чванство временщика, унижение окружавших его лиц, грубое обращение Потемкина даже с родовитыми, титулованными особами, рабское отношение к нему даже столь достойных военачальников, каковы были Репнин, Суворов и другие, — все это не могло не производить отталкивающего впечатления на иностранца, который привык видеть совсем иное в своем отечестве.

Ланжерон, находившийся под влиянием утонченности французских нравов предреволюционной эпохи, вежливости в обращении начальников с подчиненными, был крайне неприятно поражен бесцеремонностью обращения Потемкина со всеми без исключения и отсутствием чувства собственного достоинства в

лицах, окружавших главнокомандующего.

Ланжерон заявил в своем дневнике, а потом перенес в текст своих записок следующее рассуждение:

> Я готов оказывать почтение истинно великим людям, каковы, например, были Тюрен, Люксембург, принц Евгений Савойский или австрийский генерал Лаудон. Но торчать в передней выскочки вместе со всеми его окружавшими лакеям мне казалось невыносимым унижением (Se voir confondu dans l'antichambre d'un parvenu avec tous les valets qu'il traine après lui, cette bassesse me parut impossible à supporter).

Ланжерон привел в своих записках разные случаи неблаговидного образа действий Потемкина в обращении с людьми достойными и способными. Наглость (insolence) князя раздражала всех и каждого. Так, например, он терпеть не мог графа Штакельберга, потому что этот дипломат отличался необычайными талантами (Stackelberg avait de grands talents, et c'etait un crime que le satrape pardonnait rarement).

Сообщил Ланжерон и случаи и грубого обращения Потемкина с генералиссимусом Суворовым.

Получив однажды письмо от Суворова, Потемкин в беседе с адмиралом де Рибасом посмеялся над напыщенным слогом знаменитого полководца и назвал его дураком (J'ai reçu la lettre de votre chef; à l'enfleure du style et au gigantesque des expressions j'ai reconnu la béte). «Суворов — дурак!» — комментирует слова Потемкина Ланжерон. — «Многие государи считали бы себя счастливыми иметь в своей службе таких дураков».

Картинка. ПОСЛЕ ИЗМАИЛА

Близился рассвет. Во всяком случае, ночной полумрак уже ушел. Свечи были не нужны, впрочем, они давно уже догорели. Суворов быстро грыз орехи и буквально носился по кабинету, кидая скорлупки в вазу, которая стояла довольно далеко в углу (попадал всегда безошибочно). Другой рукой он успевал крутить торчавшие на затылке жидкие седоватые волосенки. В тот момент, когда Суворов останавливался около огромного обитого темно-фиолетовым бархатом кресла и буквально пробуравливал своими живыми, острыми глазками устроившегося в нем полковника Ланжерона, своего подчиненного по Измаилу.

— Александр Васильевич, это же так несправедливо, это же совершенно возмутительно.

Румянец разлился по лицу шевалье де Ланжерона. Голос его дрожал. В выразительных зелено-карих глазах его светилась обида.

— Что Вы имеете в виду, милейший маркиз? Что это по-вашему несправедливо? — лукаво осведомился Суворов.

Ланжерон разгорячился и почти закричал:

— Как что? Вы, вы, именно вы захватили крепость Измаил. И что же? В Петербурге по этому случаю устраивают грандиозное празднество, и вас специально удаляют из столицы, засылают в Финляндию, чтобы виновником торжества сделать одного Потемкина, который к взятию Измаила не имеет никакого отношения. При этом они даже наградить отказались вас. Это вопиюще, вопиюще. Все ожидали, что Вам дадут фельдмаршала, а вместо этого генерал-аншеф Суворов получил звание подполковника Преображенского полка. Ужас, ужас.

— Не волнуйтесь, милейший маркиз. Тот, кто не может дело делать, занят своими амбициями. Это же так естественно. А амбиции имеют еще тенденцию расти, особенно если ты еще оказался в одной постели с сиятельной особой, но ведь это полководцем еще не делает. Вот и обидно. Но страшнее другое. Понимаете, маркиз, императрица Екатерина знает о плутнях и грабежах своих любовников, но молчит. Ободренные таковою слабостию, они не знают меры своему корыстолюбию и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользуются плодами краткого его царствования. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе. От канцлера до последнего протоколиста все крадет и все продажно. Развратная государыня развратила и свое государство — вот что бесконечно обидно, милейший мой маркиз.

Шевалье де Ланжерон осекся и растерянно огляделся по сторонам. — Действительно страшно, — наконец вымолвил он, слегка даже как будто заикаясь. Ему явно стало не по себе

Суворов, довольный произведенным впечатлением, лукаво захихикал и ускакал из кабинета. Только какую-то долю мгновения Ланжерону еще были видны полы его развивающегося рваного халата.

Ланжерон ценил Потемкина за создание Черноморского флота, но в самых резких выражениях он осуждал образ его действий в качестве главнокомандующего в турецкой кампании 1788 года. Особенно строгой критике Ланжерон подвергал ту жалкую роль, которую князь Потемкин играл во время осады крепости Очаков.

Ланжерон не был участником похода 1788-го года, ведь, как известно, в пределах Российской империи он оказался впервые только в 1790-м году. О событиях под Очковым Ланжерон узнал от лиц, участвовавших в этой кампании, в частности, от принца Нассау-Зигена, с которым он сблизился в Финляндии еще до первого свидания с князем Потемкиным.

Участвуя затем в последующих турецких кампаниях и познакомившись лично с главнокомандующим Потемкиным, граф Ланжерон был вполне в состоянии проверить рассказы современников о том, как держал себя Потемкин во время осады Очакова.

Ланжерон знал подробно об образе действий Потемкина при штурме крепости Измаил; он мог составить себе точное понятие о нерешительности Потемкина, о его самодурстве и обращении с другими генералами.

В частности, в записках Ланжерона читаем:

> «Многие лица, участвовавшие в осаде Очакова, рассказывали мне об ужасных страданиях русского войска. Морозы доходили до того, что чернила замерзали в чернильнице. Голод свирепствовал в лагере. Офицеры просили милостыню. Репнин из своего кармана кормил многих офицеров и для той цели истратил своих денег 60. 000 рублей. Вот почему все, наконец, настаивали на том, чтобы не откладывать далее штурма. Что касается до князя Потемкина, то он сидел себе уютно в теплой комнате и обнаруживал полное равнодушие…»

В виду обнаруженных безобразий, Ланжерон не мог не удивляться тому, что Потемкину, после взятия Очакова, был

оказан при дворе роскошный прием. Тут были и триумфальные ворота и другие почести. Весь город побывал у него. Ему подносили стихи, гениальный русский лирик Гавриил Державин поднес Потемкину оду, которая называлась «Победителю». Екатерина подарила ему жезл, медаль, большую сумму денег и пр.

Ланжерон, прибывший в Россию через год после завершения турецкой кампании, подробно узнал обо всем этом. Он замечает в своих записках:

> «Вместо того чтобы строго наказать Потемкина, его встречают с торжеством. В Англии с ним поступили бы иначе: он непременно погиб бы на эшафоте».

Особенно резко Ланжерон упрекает Потемкина в невнимании к интересам России во время шведско-русской войны. Князь, по мнению Ланжерона, слишком небрежно и легкомысленно относился к опасности, грозившей России на севере. Около Петербурга, когда можно было ожидать нападения на Ревель, Выборг, Кронштадт и столицу, практически не было войск, потому что, благодаря распоряжениям Потемкина, все средства, которыми располагала Россия, были сосредоточены на юге и предназначались для турецкой войны.

Так как шведская война Потемкину не представляла случая разыгрывать важную роль, отличиться, покрыть себя славою, то он не обращал вовсе внимания на события, происходившие около Финского залива.

К тому же Потемкин, бывший приятель принца Нассау-Зигена, мешал ему в то время, когда принц командовал гребною флотилией на севере и радовался, что тот был разбит войсками шведского короля летом 1790-го года. Иными словами, Потемкин, по рассказу Ланжерона, обнаруживал полнейшее отсутствие патриотизма и самое гнусное.

По мнению Ланжерона, князь Потемкин во многих отношениях оказывался не только бесполезным, но и вредным.

Примером своей неряшливости, беспечности, сибаритизма он испортил дух дисциплины войска. Благодаря его нерешительности и совершенному отсутствию в нем военного таланта, турецкая война затянулась. Военачальники более способные, как, например, Румянцев, Репнин и Суворов, были стеснены в своих действиях упрямством и деспотизмом «сатрапа».

Лежа на диване по целым месяцам во время самого разгара турецкой войны, главнокомандующий Потемкин лишь изредка видел войско. Он никогда не делал смотров. В течение всей войны он всего-навсего был раза три на коне. По целым месяцам

Потемкин он заставлял ждать ответа генералов, толпившихся в его передней и требовавших разъяснения важных вопросов.

Он разговаривал лишь со своими лакеями, оскорблял побоями людей важных, и это ему сходило с рук, потому что в сановниках и генералах, его окружавших, не было ни малейшей доли чувства собственного достоинства: Репнин, например, буквально трепетал перед Потемкиным и рабски ухаживал за ним (Le prince Repnin tremblait devant le favori, qui avait ètè à ses ordres dans toute la dernière guerre et estimait un dès regards de ce parvenu comme la plus grande faveur qui put encore lui étre réservée).

В качестве президента военной коллегии, Потемкин, как считал Ланжерон, был виновником ужасных беспорядков, так что вся военная администрация после него представляла собою сплошной хаос.

Именно Потемкину Ланжерон главным образом приписывал общий упадок войска в последнее время царствования Екатерины II.

Произведенный Ланжероном военно-политический анализ положения России в конце XVIII-го столетия был в высшей степени неутешителен. Беспрестанно воюя, он, тем не менее, довольно многое смог увидеть и понять.

Картинка. ПЕРЕПОЛОХ В ЗИМНЕМ

Казалось, что голова вот-вот расколется надвое или просто взорвется, разлетится на мелкие кусочки. И даже хотелось, чтобы это поскорей случилось, чтобы боль, наконец, отпустило.

Ледяные компрессы не только не помогали, но не приносили ни малейшего облегчения. Старый шут Ламбро Кацони суетился, прыгал, но ничего придумать не мог — голова императрицы раскалывалась шестой день подряд. Не было уже сил ни думать, ни говорить. Платоша Зубов простыл вот уже восемь дней лежал с высокой температурой в своем имении Гиреево, куда он поехал на один день; но так и застрял. Отсутствие мужского тела, тем более, молодого мужского тела — все это и привело к Екатерине боль, очень много боли. Екатерина даже решила, что если в течение двух дней Платоша не приедет, то придется заняться поисками нового фаворита.

Поиски любовника для императрицы — это ведь целый ритуал или скорее конкурс. Сначала кандидаты отбирались, а потом посылались на испытание к лейб-медику Роджерсону и статс-даме Анне Степановне Протасовой. Как они испытывали кандидатов — одному богу ведомо, но, видимо, особенно ответственная часть дела ложилась на Анну Степановну. Очевидно, ежели кандидат мог удовлетворить ее, то он должен был удовлетворить и императрицу. Прежде испытанием руководила статс-дама Прасковья Брюс (сестра знаменитого полководца П.А.Румянцева-Задунайского). Но после того, как уже прошедший по конкурсу И.Н.Римский-Корсаков был застигнут тискающим статс-даму Брюс она была изгнана из императорского дворца. И право испытывать кандидатов в любовники перешло к Анне Степановне Протасовой, которая строго соблюдала свой статус экзаменатора и за пределы своих полномочий не выходила. В общем, фаворита так сразу не выберешь, а боль все не утихала и даже наоборот — продолжала нарастать.

От своевременного нахождения любовника для бревноногой Екатерины зависело спокойствие Российской империи, этим во многом определялась предсказуемость и стабильность внутренней и внешней политики. Императрица, которую не удовлетворили, которая не получила свою порцию ласк, — это катастрофа для государства. И потом в любом случае раскалывающаяся голова у императрицы — это не шутки. Так что в интересах всех было, чтобы Екатерина своевременно была обеспечена любовниками. А в интересах всей мужской половины империи было стремиться попасть в их число.

Или хотя бы надо было попасть в адъютанты к фавориту. У Потемкина было от 200 до 300 адъютантов. Представляете себе? Многих из них он так никогда и не увидел, но они при этом исправно получали чины, кресты, оклады. Была создана целая хозяйственно-финансовая система, в центре которой находилась личность, способная удовлетворить императрицу.

Итак, у Екатерины болела голова. Уже шестой день. Весь двор уже стоял на ушах. Срочно искали временной замены графу Зубову. Милому Платоше. Достойной временной замены. Было ясно, что если в ближайшие дни и часы Платоша не выздоровеет, то государыня полезет на стенку. Кому было страшно за себя, а кому и за Россию.

Был момент, когда весь Зимний озарился радостью. Не то, что камер-юнгферы и фрейлины, а даже статс-дамы подвизгивали от удовольствия. Камергер Лев Александрович Нарышкин, старый, верный друг императрицы и ее добровольный шут, бесконечно довольный катался по ковру.

А дело все было в том, что, наконец, был отыскан более или менее приемлемый кандидат. Им оказался 22-летний унтер-офицер конногвардейского полка Сергей Телепнев, обладатель роскошного могучего торса, редких грязновато-белых волос и вечно воспаленных блекло-голубых глаз. В общем-то, он был невыразителен и даже неприятен, но торс выкупал все. Торс и был главный козырь новоявленного кандидата в фавориты.

Телепнев, ко всеобщему ужасу обитателей Зимнего дворца, не сдал экзамена у статс-дамы Анны Степановны Протасовой — он не прошел предварительного испытания, а ведь было известно, что Анна Степановна обходилась гораздо меньшим количеством оргазмов, чем императрица.

Провал Телепнева был полнейшей катастрофой, он означал дальнейшее развитие императорской мигрени. Тем временем поиски кандидата продолжались. И тут кто-то вспомнил о шевалье де Ланжероне. Он как раз был в это время в Петербурге. И шевалье с успехом прошел испытание у статс-дамы Протасовой, продемонстрировав, что он может быть настоящим любовником. Но идти в спальню императрицы Ланжерон категорически отказался, заявив, что он спешит в полк. И укатил, безжалостный. А императрица осталась со своей ужасной мигренью.

Глава вторая

22-го мая 1797-го года император Павел I произвел Ланжерона в генерал-майоры и назначил шефом вновь сформированного мушкетерского уфимского полка. Осмотрев впоследствии этот полк, император остался доволен им и пожаловал Ланжерону орден святой Анны 2-го класса и намеревался назначить его военным губернатором Оренбургского края, но Ланжерон просил оставить его по-прежнему во фронте.

Картинка. ГРАФ И ИМПЕРАТОРЫ

Император Павел всегда был благосклонен к Ланжерону. Павел ни к кому не мог привязаться надолго: он бурно влюблялся в людей, а потом также бурно их гнал. Быть фаворитом императора было выгодно, но в то же время очень опасно. Но все дело в том, что Ланжерон никогда не был его любимчиком.

Будучи великим князем, Павел оценил, что Ланжерон посмел отказаться стать любовником его развратной матушки. Весьма ценил Павел и храбрость Ланжерона на войне, особенно при штурме Измаила. Вообще ему импонировал рыцарский дух графа.

Ланжерон принимал внимание и заботу императора, но его бешеный нрав был ему довольно неприятен. Он знал, что Павел добр, щедр, но одновременно и жесток. Но более всего Ланжерон осуждал явные заигрывания Павла с Наполеоном. Он отличнейшим образом помнил заявление Павла: «Я проникнут уважением к Бонапарту и его военным талантам. Он делает дела, и с ним можно иметь дело».

Ланжерон пытался повлиять на Павла, но вот что тот ответил на его увещевания: «Не надо, граф, терять из виду, что мое желание состоит в том, чтобы возвратить спокойствие Европе, и что, признавая Францию республикой и Бонапарта ее главой, я хочу отнять у Австрии, Англии и Пруссии средство преуспеяния в их системе возвышения, еще более опасной для всеобщего благополучия, чем принципы революционной Франции, и что, в конце концов, я предпочитаю существование одной гидры порождению многих».

Знал Ланжерон и о том, что посланник Колычев должен был внушить первому консулу французской республики намерение принять титул короля и передать наследование короной своей семье. Ланжерону все это страшно не нравилось.

«Авантюрист на троне все-таки остается авантюристом», — не раз говорил он.

Внешняя политика императора, проводимая графом Ростопчиным, хитрым, беспринципным, готовым ради монаршего благоволения на все, вызывала у Ланжерона дикое раздражение. При одном виде Ростопчина он вспыхивал как свечка.

Взгляд Ланжерона на отношения Российской империи с Францией находил полнейшую поддержку у великого князя Александра Павловича.

Он слушал в высшей степени внимательно и с пониманием рассуждения графа, которые были, не только блистательно остроумны, но и во многом основательны.

Ланжероновскую оценку личности Бонапарта великий князь находил весьма проницательной и был полностью солидарен в той мысли, что с такого сорта людьми никаких совместных дел нельзя никогда иметь.

Александр Павлович не раз говорил графу что, взойдя на престол, он тут же поручит ему заведование внешними сношениями в надежде, что Ланжерон сделает все, чтобы повалить Бонапарта.

Обещания своего Александр так никогда и не исполнил, а граф никогда не напоминал ему об этом.

28-го ноября 1798-го года Ланжерон был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1799-м году был назначен обер-квартирмейстером особого 25-тысячного корпуса, собранного в Курляндии под началом графа А.Х.Бенкендорфа. Вскоре на Ланжерона было возложено командование этим корпусом.

12-го августа 1800-го года Ланжерон был назначен инспектором инфантерии Брестской инспекции. Эту обязанность он отправлял до 1806-го года.

В царствование императора Павла Ланжерон вступил в русское подданство, получил крест св. Иоанна Иерусалимского и был возведен в графское достоинство Российской империи.

Картинка. ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ИМПЕРАТОРА

Граф Ланжерон возвращался с Пушкиным из Итальянской оперы. Графиня отказалась идти, заявив вдруг в конце ужина, что ей надоела опера. Граф мягко улыбнулся, ничего не ответил, но предложил, чтобы Пушкин составил ему компанию. Тот тут же согласился: он подпрыгнул и радостно забил в ладоши. Пушкину нравилась опера, и он обожал стремительного, искристого Россини. Сегодня давали «Семирамиду», а завтра обещали «Итальянку в Алжире». Пизанский антрепренер Буанаволио, гастролировавший со своей труппой в Одессе, предпочитал давать Россини. Граф совершенно одобрял этот выбор, но он еще выделял постановку «Тайного брака» Чимарозы. Пушкин же полный приоритет отдавал Россини.

Выйдя из зала в фойе, они раздумчиво прошли под колоннадой, вдыхая пьянящие ароматы майской одесской ночи.

Главный фасад здания с классическим портиком, увенчанный фронтоном, был обращен к морю.

Граф рассказал Пушкину, что здание театра было выстроено еще при герцоге Ришелье по планам Тома де Томона.

Стали прогуливаться по набережной. Пушкин накидал в свой картуз целую горсть каштанов, а потом, когда он и граф подошли к берегу, то он несколько раз подбегал к воде и с размаху бросал каштаны в подбегавшие волны, похохатывая при этом и даже визжа.

Но вдруг Пушкин неожиданно остановился, вплотную подошел к Ланжерону и тихо стал расспрашивать его об антипавловском заговоре, о котором граф, кажется, знал все.

— Молодой человек! Вас и в самом деле интересует личность императора Павла и обстоятельства его короткого, но весьма бурного правления?

Пушкин, скорчив радостную гримаску, часто закивал головой и мелкие, но чрезвычайно густые кудри его стали весело подпрыгивать.

Граф Ланжерон внимательно оглядел своего собеседника, не спеша закурил сигару, задумчиво выпустил несколько колец дыма, затем сердито пыхнул сигарой, быстро выплюнул ее. и начал свой рассказ:

— Павла Петровича еще со времен царствования Екатерины II втихомолку, но устойчиво называли при дворе «лысой обезьяной». В самом деле, был он смолоду лыс, необыкновенно порывист, имел весьма странные ужимки и был до полнейшего безобразия курнос. Павел Петрович был добр, щедр, благороден, но все эти чудесные

качества выражались у него в такой странной форме, соединялись с таким обилием придури, что он делался решительно невыносим. От доброты его и благородства все страдали, и в общем-то они всегда оборачивались злом. Он был несчастлив и приносил несчастье всем кого любил и ненавидел. И чем дальше, тем больше. Вообще этот отзывчивый, рыцарски настроенный человек вселял в окружающих ужас. Поверите ли Александр Сергеевич, самое появление Павла на улицах столицы было сигналом ко всеобщему бегству. Тогда жили с таким чувством, как впоследствии во время холеры: прожили день — и слава богу. Истерики царского гнева взметывались, как смерч, загорались как зарницы, грохотали как гром, — никто не мог предугадать, за что государь сегодня помилует, за что казнит. От царского насилия не был защищен никто.

— Граф, — решился прервать Пушкин тираду, произносившуюся Ланжероном, — а не поведаете ли вы о каком-нибудь достопамятном событии из царствования императора Павла?

— С удовольствием, милостивый государь, с удовольствием. Вы не можете даже вообразить, сколь сумасбродно Павел воевал внутри России. Были случаи поистине поразительные. Вдруг набалует тьму народа полковниками, генералами всех сортов, а через полгода всех уволит в отставку. Видя, что число отставных в Петербурге усиливается, император вдруг велел выслать всех их из города, если они не имели недвижимости, процесса и т. д. Однажды еду я ночью из гостей, дорогою встречаются обозы с извозчиками. Вот в чем было дело. Один извозчик нечаянно задавил кого-то. По донесении о том государю последовал приказ: выслать из города всех извозчиков. Потом их воротили, — как жить-то без извозчиков. Или еще был случай. Однажды после обеда, бывшего обыкновенно в час император гулял по Эрмитажу и остановился на одном из балконов, выходивших на набережную. Он услыхал звук колокола и, справившись, узнал, что это был колокол графини Строгановой, созывавшей к обеду. Павел страшно разгневался, что графиня обедает так поздно, в три часа и сейчас же послал к ней полицейского офицера с приказанием впредь обедать в час.

При этих словах одесская набережная огласилась резким, заливистым, неудержимым смехом Пушкина.

Отсмеявшись, он сказал:

— Граф, все это неприятно, конечно, но скорее забавно, чем страшно. Пощекотите мне нервишки — поведайте страшненькое. И вообще хочется знать тайные, закулисные стороны Павловского царствования, которые столь хорошо известны вам.

Ланжерон сердито пыхнул сигарой и довольно резко сказал:

— Любезный друг мой, всякий произвол власти страшен. Император посылает полицейского к своей подданной, титулованной особе, с запрещением обедать в три часа, — вы полагаете, что это вмешательство так уж невинно? Или вот еще случай, совершенно достоверный. Кажется, в 1800-м году Павел издал указ: дать тысячу палочных ударов штабс-капитану Кирпичникову за словесное оскорбление государственной награды — ордена Святой Анны. Я не могу и теперь, по прошествии стольких лет, вспомнить без страха и злобы о тогдашнем времени, когда самый честный и благородный человек подвергался ежедневно без всякой вины лишению чести, жизни, телесному наказанию. Тирания и безумие достигли предела. Одна мысль о том, что кто-то может распоряжаться мною, моим временем, моей волей, просто сводит меня с ума. Самая мысль о насилии над личностью для меня невыносима. А вы, певец свободы, на самом деле, как я вижу, привыкли к рабству.

Пушкин был явно смущен и не нашелся даже сразу, что сказать. Граф же весь трепетал — воспоминания душили его.

Море рядом плескалось весело и протяжно.

По вступлении на престол Александра I Ланжерон одно время продолжал заведовать Брестскою инспекциею войск, а затем при первой войне с Наполеоном, возникшей в 1805-м году, получил командование 2-й колонною русских войск. После соединения в Ольмюце с приближавшеюся с берегов Дуная армией М. И. Кутузова, Ланжерон получил начальство над шестью полками, с которыми и участвовал в сражении при Аустерлице, состоявшемся 19 ноября (2 декабря) 1805-го года.

Картинка. ЗАРЯ АУСТЕРЛИЦА

Последний день ноября 1805-го года в южной Моравии был тих, солнечен и туманен, скорее даже как-то дымчат. Скульптуры в парке были очень теплые, живые, покрытые рябью солнечных бликов. Багрово-желтый оттенок палой листвы обрамлял их изумительной красоты каймой. Белый мрамор античных статуй на этом ярком двухцветном фоне был совершенно ослепителен.

— Тут все так непередаваемо чудесно, что хочется плакать, — говорил генерал Ланжерон графу Кауницу, владельцу поместья и города Славков, который, войдя незадолго до этого в состав Австро-Венгерской империи, стал именоваться Аустерлицем. Граф Кауниц, впрочем, на дух не переносил новое название.

Два графа, пройдясь изрядно по роскошным парковым аллеям, направились в замок. Он был выстроен в стиле барокко на месте ренессансного дворца (а в XII веке тут находился дворец тамплиеров) для моравского рода Кауницев.

План здания был спроектирован в виде буквы «U». Граф Ланжерон и граф Вацлав Антонин вошли в Зал предков, находившийся посередине западного крыла и украшенный плафонной фреской с изображением богов на Олимпе. Из Зала предков, они, не задерживаясь, прошли в Овальный зал (это была необъятных размеров гостиная), где уже сидели остальные гости, приглашенные на обед к владельцу Славкова.

Ланжерон, служивший некогда полковником в страже Версальского дворца, был очарован, но и грустен, ибо на него хлынули потоком воспоминания о версальской жизни.

Между тем, в это примерно время русско-австрийские войска, занявшие было Праценские высоты у Аустерлица, перебросили часть своих резервов с высот на правый фланг и сделали это к великой радости Наполеона. Узнав об этом, он тут же захлопал в ладоши и стал беспрестанно шутить (маршалы вспомнили, что намедни он несколько раз повторил: «Працен — это ключ к победе»).

Ланжерон же, полки которого, кстати, были оставлены на Працене, после возвращения от графа Кауница весь потемнел от тихого бешенства. Он только почти беззвучно прошептал: «Ослабить эти высоты мог только безумец или самоубийца». Он тогда еще не знал, но догадывался, что решение это принял император всероссийский.

Когда Ланжерона вызвал к себе граф Федор Федорович Буксгевден, командующий левым флангом русско-австрийских войск

и его непосредственный начальник, то он прямо сказал ему, даже не пытаясь сдерживаться:

— Граф, я не сомневаюсь ни минуты, что Бонапарт вас всех обвел вокруг пальца. Поймите же наконец, что он намеренно ослабил свой левый фланг, дабы мы решили напасть именно здесь и попробовать отрезать его от Дуная и от дороги на Вену. Но он вдвойне обманул союзников, горе-союзников. Мы увели часть своих войск с занятых высот, дабы бросить силы на его левый фланг и прорвать его. Но ослаблять себя и в таком месте — ничего глупее этого просто быть не может. Вот увидите, он займет высоты и расколет нашу армию надвое.

В ответ Федор Федорович высокомерно рассмеялся. Торжествующе глядя пустыми голубыми глазами, он сказал Ланжерону:

— Вам везде чудятся враги, мой друг.

Ланжерон же запальчиво отвечал:

— А вы, граф, не в состоянии нигде разглядеть никакого врага.

Буксгевден так и не простил Ланжерону его правоты. Когда французы заняли праценские высоты, то Федор Федорович написал записку главнокомандующему Кутузову, в которой назвал Ланжерона изменником. Войска союзников, действительно, были расколоты надвое.

Однако Ланжерон, который всегда был уверен в непроходимой тупости своего начальника, был обижен не столько на него, сколько на Кутузова:

— Как он терпит вмешательство в свои обязанности главнокомандующего? Как он дает помыкать собой императорским фаворитам? Боже, какое немыслимое самоуправство! А особенно невыносим князь, утверждающий, что Бонапарт нас боится, что он боится дать нам генеральное сражение. И государь верит этому самонадеянному мальчишке! Ужас! Все гибнет от произвола нескольких спесивых болванов…

Все это Ланжерон говорил себе, выходя поздно ночью от Буксгевдена, а на рассвете началась битва.

Под Аустерлицем он вначале сражается в центре левого фланга русской армии, а затем пытается задержать отступление русских войск вместе с бригадой генерала Каменского, но безуспешно.

Картинка. О ДЕРЕВУШКЕ ПРАЦ И ОКРЕСТНОСТЯХ

Густой, плотный туман лег на холмы, он накрыл их полностью, сжал, сдавил, стиснул. Ланжерону даже показалось, что сейчас его и его колонну, приготовившуюся к марш-броску, просто сплющит туманом. А если и не сплющит, то придется спускаться вниз — в могилу.

Деревня Прац, примостившаяся у подножия двух холмов, оказалась в какой-то сплошной, непроходимой темноте, как в могиле. И все кто были там внизу, представлялись заживо похороненными.

Настроение было отвратительное, мерзкое. Граф знал, что катастрофа совершенно неминуема, и она все приближалась и приближалась, со все нараставшей скоростью.

Ланжерон резко, нервно провел носком сапога по мокрой от росы траве. Сначала он мысленно росу сравнил со слезами, а потом с кровью. Граф был уверен, что русской кровушки сегодня прольется много, был уверен, что скоро начнется бойня.

Когда граф увидел, что на верх холма торопливо въехал император, то внутри у него все обмерло. Александр был в белом кавалергардском мундире. Он был бледен, но лицо его сияло — видимо, он уже грелся в лучах победы. За ним маячил на белой лошади князь Долгоруков. Его нагло-веселое лицо в эту минуту показалось особенно неприятным.

Еще не приблязясь к Ланжерону, император нетерпеливо крикнул:

— Граф, почему вы до сих пор здесь? Вы что не получили приказа? Мигом — на соединение с Буксгевденом.

И тут же рванул вниз. Ланжерон воспринял появление императора как вестника смерти.

Действительно, по диспозиции в начале восьмого часа утра колонны генералов Дохтурова, Ланжерона и Пржибышевского (он в ходе битвы сдался в плен и был разжалован в рядовые), выстроясь в две линии каждая, должны были спуститься с праценских высот и, соединясь с силами Буксгевдена, атаковать правый фланг французов. Все это Ланжерон прекрасно знал, но надеялся, что в последний момент император все-таки переменит решение. И вот все надежды рухнули — Александр подписал смертный приговор своей армии.

Ланжерон дико побледнел, в зеленовато-серых глазах его, обычно добродушно-игривых, зажегся злой огонек. Но через

двадцать минут колонна Ланжерона уже начала спуск с Праценских высот. Она двигалась вслед за колонной Дохтурова, спускаясь в свою могилу. И Ланжерон это знал как никто другой.

На высотах осталась колонна Коловрата — Милорадовича. Пройдет всего несколько часов, и Кутузов под давлением императора отдаст приказ колонне Коловрата — Милорадовича оставить Праценские высоты. Когда граф Ланжерон узнает об этом, то он, храбрый, мужественный, пылкий, заплачет и даже не попробует скрыть своих слез. Приказ Кутузова означал неминуемое поражение войск союзников. Но пока колонна Коловрата — Милорадовича еще оставалась на высотах.

Граф Милорадович, бравый, румяный, усатый, шутил с адъютантами (он вообще известен был в армии как рассказчик анекдотов весьма игривого свойства) и пил чай с ромом. Он был в отличнейшем расположении духа. Генерал Иван Коловрат заметно нервничал, но уход основных сил с Працена, видимо, отнюдь не воспринимал в трагическом свете.

То, что колонна осталась на вершине холма в одиночестве, то, что они лишились поддержки, кажется, его не смущало. Просто испытывал некоторое волнение, как всегда перед делом. Он подергивал свои густые седые усы и молча курил трубку, отойдя в сторонку от Милорадовича, который был окружен веселой стайкой адъютантов.

Поведение Милорадовича казалось Ивану Петровичу Коловрату совершенно легкомысленным, но он только осуждающе смотрел в его сторону и довольно сердито курил трубку. Иван Петрович был старше по званию и старше годами, но ему казалось неприличным делать замечания графу Милорадовичу, бойкому, энергичному, самоуверенному, увешанному орденами. Он даже слегка побаивался этого языкастого дамского любезника.

Офицеры и солдаты разбрелись по вершине холма, разбившись на небольшие группки. Кто точил лясы, кто лег вздремнуть, кто закусывал, но спокойствия не было. Бездействие томило. Снизу, из лощины раздавалась, ружейная стрельба, было слышно, как посвистывали ядра. Но не видно было ничего: туман все еще лежал густо.

Император Франции стоял в это время на высоте, которая была расположена северо-западнее деревеньки Шляпаниц. Он был окружен несколькими маршалами. Выглядел он совершенно невозмутимым, в лице его даже было что-то каменное. Маршалы же (это были Мюрат, Сульт и Бернадот) явно нервничали, подпрыгивали; можно сказать, что они били копытом, как молодые лошади.

Наполеон хранил молчание, и вдруг он сказал, спокойно, тихо,

ни кого не глядя:

— Если русские покинут Праценские высоты для обхода справа, они погибнут безвозвратно.

Маршалы загалдели, стали предлагать поскорее захватить высоты. Император Франции отмахнулся от них как от назойливых мух, а потом, медленно расставляя слова, сказал:

— Подождем еще. Имейте в виду, господа, когда неприятель делает ложное движение, мы никоим образом не должны прерывать его.

Маршалы слушали, затаив дыхание, но в их напрягшихся лицах было заметно разочарование — они не могли больше ждать.

Но вот колонна Коловрата — Милорадовича двинулась вниз, освобождая высоты. По приказу Александра она направлялась к главным силам для усиления флангового удара. На высотах была оставлена рота Апшеронского пехотного полка и рота гренадер.

Наполеон тут же воспользовался этим просчетом и перешел от обороны к наступлению. Император бросил на высоты ударный корпус маршала Сульта. Он сказал ему торопливой скороговоркой:

— Отправляйтесь, маршал, и немедленно. Вот теперь нужно спешить, очень спешить. Иначе мы упустим свой шанс на победу. Пока он есть.

Маршал сам повел отряд. Красные мундиры французов просвечивали сквозь туман кровавыми пятнами, бешено скачущими кровавыми пятнами, от коих рябило в глазах.

Сульт стремительно овладел Праценом и этим рассек русско-австрийский фронт надвое. В брешь, пробитую Сультом, устремился корпус маршала Бернадота. Теперь французы могли обойти и окружить главные силы русских и австрийцев. Самые худшие предчувствия графа Ланжерона решительнейшим образом сбывались.

Вот как все происходило. Французы вынырнули из клочковатого тумана и удушливой дымки боя и под треск барабанов бросились к Працену. Вскоре они появились у подножия высот, поднялись по склону и оказались на вершине. Вскарабкавшись в полном вооружении наверх и попав в пределы досягаемости русских, они дали залп и потом бросились в штыки. В отряде, оставленном на Працене, возникла паника. Кавалеристы наезжали на пехоту, давили ее, и она под натиском французов откатывалась назад.

Поняв, что на Працене происходит неладное, генерал Коловрат в обход приказа решил вернуться и отбить Працен. Его смертельно усталые голубые глаза теперь были наполнены тревогой. Даже усы выражали недовольство и разочарование. Наконец, он начал понимать, что происходит.

Колонна Коловрата двинулась назад — к Праценским высотам, только что оставленным.

Коловрату пришел на помощь граф Ланжерон. Он как раз овладел деревней Сокольниц. Узнав, что колонна Коловрата двинулась, к Працену, граф взял из своей колонны три полка и кинул их на соединение с Коловратом. Генерал Буксгевден когда узнал об этом просто рассвирепел. Он крикнул своему адъютанту полковнику Сергею Тихомирову:

— Вернуть немедленно. Вы слышите меня? Немедленно вернуть Ланжерона. Он еще попляшет у меня за самоуправство!

А про себя Буксгевден пробормотал:

— Он обязан мне подчиняться. Сейчас же напишу об этом возмутительнейшем поведении государю.

Сергей Тихомиров нагнал Ланжерона, но тот решительно отказался возвращаться. Он даже рассмеялся в ответ. При этом адъютант Буксгевдена испуганно заморгал глазами. Ланжерону показалось даже, что он вот-вот свалится с нетерпеливо подпрыгивавшей лошади. И тут граф сказал уже совершенно серьезно и спокойно:

— Полковник, я не вернусь сейчас. Если Працен не будет наш, мы все погибнем, а оставшиеся в живых покроют себя позором. Неужели не понятно: появление французов на Працене неминуемо означает то, что мы будем в мешке?!

Полковник Тихомиров как-то странно дернул головой (может быть, в знак согласия?) и, ни слова не говоря, уехал прочь.

Конечно, шансы отбить Працен были невелики, но они были, и упускать их никак нельзя было — так полагал Ланжерон. Правда, уже минут через сорок после того, как завязался бой, граф понял, что шансов на самом деле не было.

Захватив Працен, Наполеон отлично понимал, что он получил и выпустить высоты он уже не позволил бы ни за что. Совсем как в анекдоте про Александра Нарышкина, о сыне которого говорили, что он может отдать отбитый им у неприятеля город; папа вступился за сына и сказал: «мой сын в меня, что занял, того не отдаст». Совершенно таков был Наполеон.

Но дело еще и в том, что российский император, отдавая Працен, не знал, что он теряет, а Наполеон, получая Працен, знал, что он приобретает

Тем не менее, какое-то недолгое время у Ланжерона теплилась надежда, что катастрофу можно хотя бы отдалить, именно отдалить, ибо он ясно видел неспособность российского генералитета одолеть Наполеона. «Они тут так неповоротливы — где им справиться с этим авантюристом, с этим хитрюгой, мысль которого скачет как ртуть», — сердито

думал Ланжерон, поднимаясь из лощины к Працену.

Колонна генерала Коловрата, соединяясь с полками Ланжерона, двинулась назад к высотам и открыла огонь, однако из-за большого расстояния пули не долетали до французов. Тем временем гренадеры из корпуса Сульта, не сделав ни единого выстрела, что было необычно и страшно, приблизились к русским на расстояние ста шагов и открыли беглый огонь, разивший наповал.

Французы строились в цепи (резервы подводились постоянно) и усиливали натиск. Остатки колонны Коловрата и потрепанные ланжероновские полки составляли около пятнадцати тысяч человек. Против них действовали две трети наполеоновской армии (это примерно пятьдесят тысяч человек). О возвращении колонны на Працен нечего было и думать.

Внутренне содрогаясь от бешенства, Ланжерон стал отводить свои полки, а Коловрат решил драться до последнего, хоть это и было чистейшее безумие. И его колонна вся полегла у подножия высот.

Собственно, возможность для спасения была. Ежели бы генерал Буксгевден со своей армией не топтался на месте, а попробовал бы продвинуться вперед, а еще лучше было бы, ежели бы он попытался нанести удар по корпусу маршала Сульта, действовавшему со стороны Праценских высот, все могло сложиться иначе. В результате не только была бы сохранена колонна Коловрата — Милорадовича, но, возможно, был бы предотвращен полный разгром русских и австрийцев.

Но Буксгевден вообще был нетороплив, нерешителен, и, кроме того, он никак не хотел содействовать успехам Ланжерона, не хотел приходить к нему на помощь и в душе желал, чтобы три полка, уведенные Ланжероном под Працен, там и остались и чтобы этот французик вернулся ни с чем.

И что же получилось? Сульт, покончив с колонной Коловрата — Милорадовича, установил на высотах 42 орудия и при поддержке артиллерийского огня начал атаку армии Буксгевдена.

«Его неповоротливость слишком дорого обходится России, — думал граф Ланжерон, бредя под градом ядер к деревеньке Аугест. — Форменный осел! Он теряет армию только потому, что не захотел прийти на помощь Коловрату — Милорадовичу и… мне. Горе-вояка! Амбиции ему совершенно затемнили мозги. Но почему мы все теперь должны расплачиваться за это?».

Войска Буксгевдена были отрезаны от главных сил и, под непрестанными атаками неприятеля и картечным огнем, метались из стороны в сторону, пытаясь вырваться из окружения. Буксгевден еще не сразу сообразил, что полностью окружен. А

когда, наконец, понял это, то отдал совершенно безумный приказ о разделении своих сил. «Он, действительно, сошел с ума», — крикнул в ярости Ланжерон своим опешившим адъютантам, — «или хочет погубить всех нас. Только помешанный может отдавать такие приказы»

Часть войск отступила назад, а основные силы повернули направо и попытались прорваться на север. Остатки войск генералов Ланжерона и Дохтурова отходили к деревне Аугест, окруженной прудами и плотинами, которые, кстати, вовсю. Обстреливались батареями французов. Деревню, тем не менее, удалось занять. Но потом подошла дивизия Вандама и отбросила русских к замерзшему озеру Сачан.

Для прикрытия отступления между озерами Сачан и Мениц русские заняли Тельниц и поставили там Ново-Ингерманландский полк.

Ланжерон смог увести своих через деревню Тельниц, а Дохтуров решил прорываться по льду озера. Он не раз водил горстку своих солдат в рукопашную, пытаясь прикрыть ретираду.

Началась страшная, дикая переправа. Под тяжестью тысяч обезумевших людей мост через озеро рухнул, да это и понятно, ведь был он достаточно ветхий и довольно узкий.

Тогда остатки дохтуровских отрядов пытались прорваться по льду и по дамбе между озерами Зачан и Мониц.

Наполеон приказал выдвинуть батарею и открыть огонь ядрами по льду. От тяжести тысяч человеческих и лошадиных тел и от пушечного огня лед треснул, и люди и животные стали падать в ледяную воду.

Над озером стоял какой-то немыслимый, адский рев ужаса, отчаяния, боли. Раздавались стоны, всхлипывания уходящих под воду людей. И еще был сухой треск ядер, прорубавших лед. Когда рев на какие-то мгновения прекращался, то ломающийся в разных местах лед был слышен очень явственно и напоминал жуткий зубовный скрежет.

Все это напоминало френетическую готику — литературу ужасов, но Ланжерону в этот момент было не до литературных ассоциаций.

Он знал, что у озера происходит самая настоящая бойня, дикая и кровавая, но, прежде всего, он думал о спасении своего отряда, а еще о том, что этот человек, его командующий, дал возможность врагу окружить себя буквально со всех сторон, что он погубил свою армию нерешительностью, военной несообразительностью и неумением предугадывать ход противника, неспособностью и нежеланием его понять.

И еще думал Ланжерон, ведя свой отряд под градом ядер: при

этом, будучи обласканным императором, он, видимо, считает себя правым, и не только он — его еще наградят (в самом деле, за Аустерлиц генерал от инфантерии Буксгевден получил орден св. Владимира второй степени) вместо того, чтобы разжаловать в рядовые и навсегда, именно навсегда запретить командовать даже взводом солдат. Вообще острое чувство произошедшей огромной несправедливости — это было ужаснее и пострашнее пролетающих ядер.

О российском императоре, которого он тогда считал своим другом, и его значительной доле участия в этой несправедливости граф старался сейчас не размышлять, насколько это было в его силах. Но перед глазами у него стояло лицо императорского любимца Пети Долгорукова («наглого молокососа», как он говорил), и волна ярости поднималась в нем все сильнее.

Наполеон одержал при Аустерлице сокрушительную победу. Причем, с российской стороны, в частности, пострадала колонна, которой командовал граф Ланжерон. Из-за медлительности генерала Буксгевдена и не отступившего, ему не удалось совершить обход французской армии. Будучи не поддержанным Буксгевденом, он был наголову разбит при атаках Праценских высот и с большим трудом отступил к деревне Аугест, так как французы зашли ему в тыл.

Александр I был в бешенстве из-за поражения русской армии и хотел поначалу свалить значительную волю вины на Ланжерона, дабы спасти репутацию нескольких своих фаворитов, нашептавших ему план сражения.

«Император — писал генерал Ливен Ланжерону — не доволен Вашими распоряжениями, но, щадя вашу чувствительность, позволяет вам просить об увольнении от службы». Однако гнев Александра I продолжался не долго, и уже 12-го апреля 1806-го года, в виду продолжавшейся войны с Наполеоном в Пруссии, Ланжерон был назначен состоящим в армии, но деятельного участия в этой войне не принимал.

Картинка. ПРЕДИСТОРИЯ АУСТЕРЛИЦА

Стоял ледяной февраль 1830-го года. Сгустились гнусные, мрачные петербургские сумерки. Граф Ланжерон, несмотря на 40 лет жизни в России, так и не смог к ним привыкнуть. Они всегда давили на него, как бы вползали в него, опутывали сердце, подбирались к дыхательным путям, душили.

Граф сидел в кресле, большом, поместительном, удобном. На коленях у него лежала книга. Она была раскрыта; однако граф ее не читал. Он пытался бороться с подступавшими сумерками. Он делал некие внутренние телодвижения, дабы оттолкнуть их от себя.

Вошел лакей. Доложил о приходе князя Петра Анлреевича Вяземского. Тут же появился и сам князь, слегка согнувшийся, лысоватый и довольно курносый. Облик его в целом был малопривлекателен, но все спасали глаза — они были довольно подслеповатые и блеклые, но излучали при этом такую блестящую игру ума, что комната сразу же осветилась, и сумерки куда-то отступили.

— Граф, — обратился к Ланжерону князь Вяземский. — не станем откладывать дела в долгий ящик. Вы обещали рассказать мне о князе Петре Петровиче Долгорукове и его значении в первые годы правления Александра I. Для меня чрезвычайно интересна эта фигура, и я хотел бы включить хотя бы некоторые материалы о ней в свою «Старую записную книжку». Ради бога, поведайте мне, что знаете.

— С удовольствием, князь. Я и лично знал князя Петра и собрал о нем кое-какие материалы — хочу использовать их при составлении своих записок. Так вот, вы, вероятно, знаете, что он был сыном генерала от инфантерии Петра Петровича Долгорукова, московского генерал-губернатора.

Вяземский, улыбнувшись, кивнул в знак согласия.

— И по рождению и по воспитанию князь Петр принадлежал к самим верхам общества. Как у вас тут заведено, он был зачислен в гвардию чуть ли не в день своего рождения. И к пятнадцати годам он был уже капитаном, а к девятнадцати — полковником. Для вас это, может быть, и в порядке вещей, а для меня тут налицо лишь чистое безобразие. Он начал служить, но гарнизонная служба ему показалась скучной, а он рвался к деятельности, к власти. Князь стал забрасывать прошениями императора Павла. Тому очень не понравились ни тон, ни содержание этих писем — и, на мой взгляд, совершенно справедливо — лишь наглость самонадеянного молокососа. Но тут Долгоруков вошел в доверие к наследнику

престола великому князю Александру и тот уговорил венценосного папочку. И в результате князь Петр в 21 год стал генерал-адъютантом.

Было видно, что граф Ланжерон разволновался. Он и сам это почувствовал и решил сделать паузу. Он предложил гостю стакан мадеры и сам с удовольствием сделал глоток. Затем граф продолжал говорить чуть спокойнее:

— Может быть в том, о чем я сейчас говорю, но только имейте в виду, что я говорю с учетом того, что сей князь вскоре натворил.

— Граф, вы напрасно видите во мне оппонента. Я целиком на вашей стороне и говорю это совершенно искренне.

При этих словах Ланжерон радостно улыбнулся и совершенно спокойно продолжал:

— С воцарением Александра I Долгоруков выдвигается резко вперед. От этого мальчишки, который сам толком мало что знает, во многом теперь зависят на высшие государственные посты. Для Екатерины важно было, чтоб ты был хорошим любовником, и это качество великолепным образом вознаграждалось, хотя и за счет казны. А при Александре начало твориться нечто совсем несусветное, находящееся за пределами всякой логики. Император кидается исполнять прихоти мальчишки, а мальчишка и сам не знает, что ему может взбрести в голову. Это же хаос, князь, это же настоящий хаос.

Тут на некрасивом, но выразительном лице Вяземского проявилось крайнее изумление, и он заметил Ланжерону:

— Знаете, граф, это весьма неожиданный поворот мысли. Для меня во всяком случае. Прежде я позитивно оценивал начало Александровского царствования (оно сулило надежды) и довольно негативно его финал. Но, кажется, вы меня убедили: начало тоже было ужасным по степени своей противозаконности.

— Князь, я счастлив; что смог убедить вас. Но я хотел бы продолжить свой рассказ. Именно страшно легкомысленное поведение Петра Долгорукова во многом предопределило, что Аустерлиц вообще был. Потом он участвовал в этом сражении. Может быть, неплохо воевал (он был в колонне Петра Ивановича Багратиона). Но император дал ему впоследствии благодарственный рескрипт и орден Георгия 3-й степени, дал именно за Аустерлиц — это было воспринято в русских военных кругах как верх цинизма, а Александр, собственно, и есть, циник, говорю вам это как человек, близко знавший его. Но вернемся к Аустерлицу. То было катастрофа для русской армии. Награждать за нее возмутительно. Второе. Сражение вообще могло бы не состояться, если бы не предельно наглое поведение Долгорукова в

ставке Наполеона. Его нельзя было награждать за Аустерлиц, но его наградили. А вину попытались свалить на других, прежде всего на иностранцев, на меня в частности.

— Граф, — попросил Вяземский — а не могли бы вы подробнее рассказать о миссии Долгорукова в ставке Наполеона?

Вяземский примерил на себя маску послушного ученика, каковым он никогда не был, но сейчас эта маска была для него очень удобна. Ланжерон был Вяземскому как личность в высшей степени любопытен и он хотел его разглядеть буквально со всех сторон. Вот он и предпочитал молчать и слушать, лукаво прикидываясь малоосведомленным.

Ланжерон же все принимал за чистую монету (он вообще был горяч и крайне доверчив). Лицо его при вопросе князя Вяземского осветилось искренней радостью, и он тут же воскликнул:

— Почту за честь, дорогой князь. Но это отдельная история, отдельный, так сказать, сюжет. Вы согласны все выслушать?

Вяземский одобрительно кивнул своей лысоватой головой, но хитрой головой, только топорщились зачесанные на висках волосы. А Ланжерон, довольный, продолжал свой рассказ:

— Император Александр все более поддавался влиянию Петра Долгорукова. Несмотря на присутствие в главной квартире опытного военачальника князя М. И. Кутузова, Александр отдавал предпочтение советам своего фаворита. Наблюдать это было неприятно и даже оскорбительно. Именно Долгорукова, несмотря на наличие и других кандидатур, выбрал император для ведения последних перед Аустерлицем переговоров. Молодой князь на аудиенции у Наполеона вел себя вызывающе, нахально и высокомерно. Более того, именно легкомысленно-самоуверенное донесение князя, вернувшегося в главную квартиру, собственно, и вызвало решение союзников атаковать французов на другой день. После аустерлицкой катастрофы нападкам на князя не было конца. В Россию все это не очень-то могло попасть, но в Европе циркулировало весьма активно. В иностранных газетах стали появляться статьи (выходили и отдельные брошюры), где резко осуждали Долгорукова и выставляли его виновником понесенного поражения. Но князь не хотел брать на себя ответственность за аустерлицкую катастрофу. С дозволения Александра и при его поощрении он выпустил две оправдательные записки: 1) Observations sur les rapports des gazettes, concernant les derniers èvènements dans la Moravie en Dècembre 2) Lettre d'un officier russe sur les derniers évenements militaries en Moravie en Dècembre 1805. Обе эти брошюрки, милейший князь, являются библиографической редкостью, но у меня они есть.

Произнося эти слова, граф Ланжерон самодовольно улыбнулся,

а князь Вяземский ухмыльнулся в воротник — брошюрки Петра Долгорукова преспокойненько лежали в кабинете в его родовом имении Остафьево. Сумев стереть ухмылку с лица, он поднял голову и спросил:

— Хорошо, граф, со всем этим разобрались. Но мне вот что интересно: как вы в целом оцениваете личность князя Долгорукова? И чем можно объяснить его ослепительное возвышение?

— У меня есть следующие соображения и соображения отнюдь не голословные, любезный Петр Андреевич. Я видел, как император прибыл в действующую армию со своей свитой. Я видел, как вели себя они и как относились к ним. Александр все время соперничал с Наполеоном и хотел представить себя как крупного полководца. Любимцы ему беззастенчиво подыгрывали. Но армия фактически не приняла Александра — полководца. Приезд императора в армию не принес никакой пользы, но причинил большой вред. Особенно вредно было то, что вместе с Александром на театр военных действий прибыли его любимцы. Будучи совершенно не компетентными, они постоянно вмешивались в дела военного управления. Князь, это было совершенно ужасно и обещало весьма печальные последствия для России. Так, собственно, и произошло.

Былые картины пронеслись перед глазами престарелого графа Ланжерона. Голос его задрожал. По лицу пробежала легкая судорога. Он не мог более говорить. Князь Вяземский довольно резво подбежал к столику, налил из графина, стоявшего тут же, воды в хрустальный стакан, украшенный серебряной нашлепкой в виде герба Ланжеронов, и бегом, сильно расплескивая, поднес графу.

— Спасибо, князь. Вы очень любезны — отвечал тот и, собравшись с силами, продолжал:

— Долгоруков, будучи в 1805-м году одним из главных фаворитов, доказал, что активность может быть глубоко разрушительной, если ее не сопровождает самокритика. Я никогда не видел человека столь юного возраста с такими непомерно раздутыми амбициями, столь беспредельно наглого. Благоволение императора эту наглость усиливало в стократном размере. Ощущая это благоволение, Долгоруков становился совершенно безнаказанным. Он прямо нападал на все, что могло послужить для него препятствием. Он не уважал ни индивидуальности, ни репутации. Он ругал, унижал, клеветал публично на тех, чьи заслуги его бесили. Он не скрывал своего страстного желания деспотически править, пользуясь особым расположением своего повелителя. Это был человек, генерал, подданный, гражданин, столь же опасный для своего отечества, как и для общества. Как вы, вероятно, знаете, он умер в декабре 1806-го года в возрасте 29

лет. В обществе никто о нем не сожалел. Его смерть есть благодеяние для России, ниспосланное небом.

— Граф, что же получается? — заметил князь Вяземский, внимательно глядя на Ланжерона. — Это человек-монстр, ошибка природы и, значит, проблема есть, но не нам с вами ее решать.

— Монструозность князя Долгорукова, действительно, порождена болезнью, которая связана, однако, не природой, а укладом нашего общества. Князь был заражен болезнью Потемкина — болезнью фаворитизма. Болезнь эта расцвела пышным цветом в царствование незабвенной Екатерины, но и при императоре Александре в этом плане не произошло перемен. Особенно возмутительны те грубые, циничные, чисто азиатские формы, в которые этот фаворитизм облекается, формы крайне обидные для человеческого достоинства.

Граф Ланжерон опять стал нервничать, Глаза его лихорадочно заблестели. Казалось, они стали еще более выпуклыми, настолько выпуклыми, что вот-вот выскочат из орбит.

Граф неистовствовал, граф страдал: в сердце его переплелись возмущение и боль.

ДОКУМЕНТ

Донесение о движениях второй русской пехотной колонны, под начальством генерал-лейтенанта графа Ланжерона, в сражении при Аустерлице 2 декабря 1805 года, посланное его величеству императору всероссийскому:

2-го декабря 1805-го года, по диспозиции, сообщенной нам генералом Вейротером у его высокопревосходительства генерала Кутузова в Крженовице, в 2 часа ночи, и копию с которой я получил на биваке в 6 часов утра, я собрал в 7 часов утра мою колонну, бивакировавшую в двух линиях на Праценских высотах…

Движение моей колонны было немного задержано кавалерийским корпусом, расположившимся ночью по ошибке на Праценских высотах и возвращавшимся на место, назначенное ему по диспозиции, на правом фланге, близ авангарда князя Багратиона.

Я разрезал эту кавалерию и, двигаясь левым флангом, спустился в следующем порядке с Праценских высот, повсюду очень возвышенных и в особенности со стороны Сокольница, где они почти остроконечные…

Спустившись на равнину, находящуюся между Праценскими высотами, деревнею Аугест, каналами Аугеста, озером Мельница и ручьем и болотистым оврагом, вдоль которого расположены деревни Тельниц, Сокольниц, Кобельниц, Шлсапаниц, я увидал впереди Аугеста первую колонну, под начальством генерал-лейтенанта Дохтурова, при которой находился генерал-от-инфантерии Буксгевден. Так как она стояла биваком вместе с моей колонной на Праценских высотах, то, благодаря этому, теперь я находился не далее 300 шагов от графа Буксгевдена и поехал сказать ему, что третья колонна еще не показывалась. Он мне ответил, что это ничего не значит, и приказал все время держаться на высоте его колонны…

Между тем, все еще не видя третьей колонны генерал-лейтенанта Прибышевского, которая должна была быть правее меня, я послал офицера австрийского генерального штаба, прикомандированного к моей колонне, барона Валленштедта, узнать о ее движении, а сам поехал на правом фланге своей колонны к Сокольницу.

Я не видел больших сил, сосредоточенных против меня, но только некоторые легкие войска и стрелков, которые могли беспокоить мой правый фланг. Я отделил против них 8-й егерский

полк, приказал его 3-му батальону рассыпаться в цепь на моем правом фланге и поддержать егерей гренадерским батальоном Выборгского полка.

Неприятельские стрелки были отброшены. Показалась голова колонны Прибышевского (она была задержана тою же кавалериею, которая помешала и мне), и я приказал 8-му Егерскому полку и Выборгскому батальону снова стать в голове колонны. Было около девяти часов утра. Между моей колонной и колоннами Дохтурова и Прибышевского были интервалы не более версты…

Следуя диспозиции, я шел между Тельницем и Сокольницем. 8-й Егерский полк перешел ручей у конца этой последней деревни, которая очень длинна. За ним следовала голова моей колонны и в то же время генерал Миллер с двумя батальонами 7-го Егерского полка, образуя голову колонны Прибышевского, атаковал Сокольниц и проник туда.

Легкость, с которою мы заняли деревни Тельниц и Сокольниц, мне показала (и это мнение потом было вполне подтверждено французскими реляциями), что французские войска, расположенные в начале сражения от Тельница до Кобельница, не были значительны и не составляли даже шестой части 63-х батальонов (более 35 тысяч человек), их атаковавших: я видел мало орудий, мало линейных войск и мало кавалерии.

Наполеон, всецело поглощенный прорывом нашего центра, направил в 8 часов утра большую часть своих сил к Пунтовицу и Працену и атаковать на марше 4-ю колонну, под начальством генералов графа Колловрата и Милорадовича, и только более трех часов спустя после начала сражения французские войска, опрокинувшие эту колонну и их резервы, расположенные у Тураса, Кобельница и пр., подкрепили правый фланг.

Сначала мы имели против себя на наием левом фланге только слабый отряд в 6–8 батальонов, численностью от 4 000 до 5 000 человек. Но около девяти часов утра маршал Даву, находившийся в монастыре Райерн, в 4–5 верстах от Тельница, прибыл на подкрепление этих восьми баталионов с 4 000 человек, назначенными, чтобы атаковать нас или, по крайней мере, тревожить нас с тыла после того, как мы проникли бы в Турасский лес. Так как нам это не удалось, Даву присоединился к войскам, оборонявшим Тельниц и Сокольниц.

Около 10-ти часов утра один офицер С.-Петербургского драгунского полка прибыл доложить, что подполковник Балк с двумя эскадронами этого полка и сотнею казаков полка Исаева прислан генералом Кутузовым в мое распоряжение и спросил о приказаниях. Я приказал ему передать своему начальнику, чтобы тот оставался до получения нового приказания на Праценских

высотах и наблюдал за неприятелем, посылая мне донесения (с этих высот можно было видеть большую часть французской армии). Тот же офицер явился через полчаса мне доложить, что видны французские колонны, дебуширующие из Працена и направляющиеся на хвосты наших колонн.

Это донесение мне показалось невероятным. Видя вправо от себя колонну Прибышевского, прошедшую через Працен, зная, что колонна Коловрата и Милорадовича была правее Прибышевского и тоже должна была пройти через Працен, чтобы идти на Кобельниц, мне показалось неправдоподобным, чтобы французы были уже в лагере, из которохго мы только что ушли, и я думал, что или подполковник Балк принял австрийцев за французов, или последние направили между нашими колоннами несколько охотников, чтобы произвести тревогу в тылу армии (средство, которое наполеон часто употреблял), и я думал, что в этом случае драгун и казаков подполковника Балка будет достаточно, чтобы прогнать их. Я отправил к нему присланному им офицера с приказанием вернуться с более обстоятельным донесением и поручить подполковнику Балку точнее удостовериться в доносимом. Тогда мне казалось более важным, следуя диспозиции, развивать успех в Сокольнице и поддерживать Дохтурова и Прибышевского.

Минуту спустя граф Каменский прислал мне донесение, что французы решительно занимали Праценские высоты и просил приказаний.

В это время я находился в деревне Сокольниц, которую моя колонна прошла, выбив оборонявшие ее войска. Второе донесение, вполне согласное с первым, мне показалось чрезвычайно важным, и я, ни минуты не колеблясь, поехал к графу Каменскому. Праценские высоты были настолько интересны в этот момент, что я решил, что если нам не удастся прогнать оттуда французов, то не только сражение будет проиграно, но и три левофланговые колонны будут совершенно окружены и уничтожены. Кроме того, я не мог сообразить, каким образом французы могли очутиться в тылу у нас, не зная еще о несчастии с колонной Милорадовича и не имея возможности получать ни приказания, ни донесения (будучи отрезан от нее); генералу Олсуфьеву я поручил продолжать атаку впереди Сокольница.

Это было ошибочно; я это признаю; я должен бы был тотчас остановить атаку этой деревни, оставить егерей и три баталиона с этой стороны ручья и с остальными шестью баталионами возвратиться на Праценские высоты, предупредив графа Буксгевдена (от которого я не получучил ни одного приказания, не видал ни одного адъютанта с самого начала сражения и которого

я предполагал в Тельнице), так как времени было слишком недостаточно, чтобы ехать объясняться с ним лично; но этот маневр, совершенно противный диспозиции, останавливал ее действие; правый фланг Дохтурова и левый Прибышевского сделались бы открытыми и, кроме того, мое подчиненное положение не позволяло мне принять столь крутое решение. Наконец, я все убеждал себя и должен был убеждать, что французы не могли быть сильны близ Працена, и я полагал остаться только минуту у графа Каменского.

Я скоро нашел его, но прежде чем дошел до него, этот генерал, видя неминуемую гибель и понимая так же, как я, важность Праценских высот, приказал, не ожидая моих указаний, своей бригаде, быстро снова взобравшейся на высоты, переменить фронт, занять гребень и этим остановить французов; маневр смелый и решительный.

Я ему выразил свое удовольствие и приказал удерживаться на высотах во что бы то ни стало, принимать все время понемногу вправо, чтобы прикрыть Аугест и ожидать подкреплений.

Вдали, близ Остиераде и Шбечау, на правом фланге графа Каменского, я видел несколько баталионов, которые рассеивались и, казалось, отступали. Я послал собрать сведения, и мне донесли, что это часть австрийцев четвертой колонны, отступавших и преследуемых французами. Я не мог понять, каким образом эти австрийцы находились так далеко от назначенного им пункта атаки. Но вскоре я узнал, что центр был прорван в начале сражения, четвертая колонна отрезана, рассеяна, отчасти отброшена к Аустерлицу и сообщения ее с нами до сего момента прерваны.

Несколько русских и австрийских адъютантов, между ними, я думаю, граф Шатек, адъютант князя Шварценберга, передали мне подробности нашего несчастия и отправились предупредить об этом графа Буксгевдена, по крайней мере, я об этом их просил, и я видел их едущими к нему (было 11 часов)…

Граф Буксгевден в это время должен был знать, что мы были отрезаны и окружены; впрочем, он легко мог это видеть, так как находился всего в 1½ верстах от графа Каменского и видел передвижения и огонь последнего; кроме того, он мог заключить, что французы предупредили нашу атаку, что, следовательно, отданная диспозиция не может более быть исполнена и что успех перед Тельницем не приводил ни к чему другому, кроме риска подвергнуть весь левый фланг опасности быть еще более окруженным и раздавленным… Если бы этот генерал подумал об этом и принял в этот момент энергическое решение, требовавшееся обстановкой, если бы приказал генералам

Дохтурову и Олсуфьеву отступить из деревень Тельниц и Сокольниц, а авангарду Кинмайера, пяти баталионам егерей и шести линейным, представлявшим более почтенную массу, чем бывшая перед ним, занять берег труднопроходимого оврага ручья, если бы он приказал сломать мосты у Сокольниц и быстро двинулся с 15-ю баталионами своей колонны, 9-ю — моей и 12-ю — колонны Прибышевского на Праценские высоты, то без всякого сомнения он прогнал бы оттуда французов, отбросил бы их в Пунтовиц и если бы не одержал победы, то по меньшей мере удержал бы позицию, занимаемую нами накануне сражения или обеспечил бы отступление.

Никогда обстановка не указывала более необходимого и более простого решения, чем то, что должен был сделать граф Буксгевден; никогда ни одному генералу не представлялось более удобного случая поправить катастрофу, уже совершившуюся, и покрыть себя славою, выигрывая, быть может, потерянное сражение: его непонятное бездействие является одною из главных причин потери сражения.

Французские колонны, остановленные бригадою графа Каменского, развернулись в 300 шагах от нее под картечным огнем и построились на два фаса: один — против этой бригады, а другой — против австрийцев; последние собрались и устроились позади графа Каменского и стреляли снизу вверх и с малою действительностью. Французы находились значительно выше них и немного выше русских; как только последние развернулись, французы открыли огонь.

Так как к несчастию мне поставили в необходимость говорить о себе (чего до сего времени мне не приходилось), то я скажу громко, то я скажу громко, что хотя храбрость русских офицеров и солдат и хорошо известна, я был достоин ими командовать и мой пример и пример графа Каменского не мало способствовали восстановлению порядка; в ужасном положении, в котором находились эти шесть баталионов, обойденные и атакованные с тыла, отрезанные от своей колонны, было бы простительно, быть может, и более закаленным и испытанным войскам смутиться на один момент и даже быть слегка оттесненными.

Известно впечатление, которое может произвести в бою одно только слово «мы отрезаны», а мы были действительно отрезаны, мы дрались повернувшись направо кругом, против неприятеля, построившего свой боевой порядок в том самом лагере, который мы оставили всего три часа назад. Между тем, мы не только сохранили фронт в порядке, но еще, заметив нескольких человек в одном баталионе, нагибавших головы при пролете снарядов, я им крикнул: «голову выше, помните, что вы русские гренадеры». С этой

минуты ни один солдат не позволил себе этого машинального движения, свойственного всем, кто первый раз бывает под огнем, а в Фанагорийском полку не было и десятой части солдат, бывших прежде на войне, в моем же только 100 или 150 солдат и пять офицеров из 50-ти.

Чтобы противопоставить их французам и воодушевить наших солдат и не считая, впрочем, неприятеля таким сильным, каким он был в действительности (позиция его первой линии скрывала от меня прочие), я решил идти вперед. Команда была исполнена, как на ученьи. Французы отступили. Первый баталион Фанагорийского полка, под начальством отличного офицера, майора Брандта, раненого, подошел так близко к французам, что взял два орудия, брошенные ими. Но французские генералы и офицеры вернули своих солдат и поддержали их второй линией, которую мы только тогда увидали, и наши баталионы, в свою очередь, отступили и заняли свою прежнюю позицию. Взятые два орудия были брошены. Легкость, с которою наши шесть баталионов, построенные в одну линию, оттеснили французов, считавших нас значительно сильнее, чем мы были, доказывает мне, что если бы мы имели некоторые войска из тех, которые бесполезно стояли в 1½ верстах, мы отбросили бы французов до Пунтовица и отбили бы Праценские высоты.

Французы подошли к нам на 200 шагов и открыли очень сильный ружейный огонь, очень хорошо направленный и весьма убийственный. Наши солдаты отвечали менее хорошо направленным батальным огнем. Я хотел прекратить этот огонь, чтобы стрелять по-баталионно, но мне это не удалось, несмотря на усилия графа Каменского и подполковника Богданова, доведшего свою храбрость до того, что ходил перед фронтом и поднимал своей шпагой ружья наших солдат.

Огонь продолжался около 1½ часов. Я оставался почти все это время с графом Каменским между первым и вторым баталионами его полка, где был самый сильный огонь. Это было еще одной ошибкой с моей стороны, я с этим согласен. Лучше было бы мне отправиться к графу Буксгевдену, чтобы постараться склонить его сделать, наконец, то, что я считал слишком очевидным для того, чтобы он этого не сделал. Я имел, может быть, простительную слабость колебаться уходить из-под такого ужасного огня. Я был скорее солдатом, чем генералом (это было первый раз в моей жизни, что я командовал в этом чине) и на самом деле все спасение левого фланга зависело от этих шести баталионов, имевших против себя четвертные силы, в чем я скоро убедился.

Я также могу свободно заявить, что эти шесть баталионов

принадлежат к числу частей, наиболее долго дравшихся в этом деле и с наибольшим успехом удерживавшихся на своих позициях. Их сопротивление оказало услугу огромной важности колоннам левого фланга и позволило бы восстановить бой, если бы их поддержали.

Около 12 ½ часов я увидел, что граф Буксгевден ничего не делал для поддержания меня, несмотря на все посланные ему донесения и на то, что бригада графа Каменского, обойденная противником, потерявшая уже более 1 200 человек убитыми и более 30-ти офицеров выбывшими из строя, не могла долго держаться.

Я вернулся в деревню Сокольниц, чтобы оттуда взять подкрепления. Тогда я сделал то, что должен был сделать и сделал бы давно, если бы я мог предвидеть бездействие графа Буксгевдена. Я вывел из деревни два баталиона Курского полка и послал их на помощь графу Каменскому. Я также вывел из части Сокольниц, ближайшей к Тельницу, 8-й Егерский и Выборгский полки, при которых находились генерал Олсуфьев и полковник Лаптев. А Пермский полк и один баталион Курского, бывшие в другом конце деревни и присоединившиеся к колонне Прибышевского, подверглись ее участи: отрезанная колоннами противника, подошедшими из Працена, атакованная сильною кавалериею и резервами, прибывшими из Тураса, Кобельница и других пунктов, эта несчастная колонна была положительно уничтожена.

Одна французская колонна овладела замком Сокольниц и правою частью деревни; другая — отбросила в пруды, находящиеся впереди Сокольница, несколько баталионов, хотевших отступить, и когда я решил пройти еще раз через эту деревню с генералом Олсуфьевым и вторым баталионом Выборгского полка, чтобы освободить Пермский и Курский баталионы, мне это не удалось.

Французы, укрепившиеся в домах, открыли ужасный огонь. Дрались также и штыками. В одну минуту мы потеряли много людей и, не имея достаточно сил для овладения вновь деревнею, генерал Олсуфьев и я были принуждены отступить.

Я собрал 8-й Егерский и Выборгский полки и построил их перед деревнею. Я выдвинул на позицию перед мостом орудия Выборгского полка. Тогда французы остановились. А я подъехал в 100 шагах от деревни к графу Буксгевдену, находившемуся еще на высоте, где стояли батареи графа Сиверса, т. е. на том же месте, где он был в начале сражения и где я никак не предполагал его найти.

Два баталиона Курского полка, посланные мною на помощь графу Каменскому, подошли к нему слишком поздно. Французы, получившие значительное подкрепление, обошли очень сильной стрелковой и кавалерийской колоннами Ряжский полк, бывший на

левом фланге бригады графа Каменского, и взяли сбоку его третий баталион, чем принудили его выйти из боевого порядка и оставит' позицию.

Тогда граф Каменский сам вынужден был отступить своим правым флангом. Следуя приказаниям генерала Кутузова, бывшего в это время с австрийцами близ Праценских высот, он прикрыл его отступление. Австрийцы также находились в полном отступлении на Аустиераде и Шбечау.

Когда два баталиона Курского полка приблизились к Праценским высотам, французы, занимавшие их уже вполне, спустились на равнину, атаковали их значительно превосходящими силами и окружили. Баталионы защищались отчаянно, неподавленные, наконец, числом, они были смяты, рассеяны и отброшены на первую колонну.

Граф Буксгевден получил от генерала Кутузова приказание отступать. Тогда он приказал повернуться кругом своим двум батареям и двенадцати баталионам, не сделавшим почти ни одного выстрела, и отошел к Аугесту. Когда он был в полуверсте от этой деревни и в ¾ версты от двух баталионов Курского полка, то он видел движение последних, видел их поражение, не отдал никакого приказания и, несмотря на мои настояния, никого не прислал к ним на помощь.

Когда я присоединился к нему, отчаяние, в котором я находился, и гнев, по меньшей мере, простительный, вызванный тем, что меня не поддержали, не позволили мне сдерживать все мои выражения. Граф Буксгевден, кажется, мне этого не забыл. Австрийский капитан Юрцик (Yurtziek), находившийся при нем и бывший свидетелем боя Курского полка, выразился, кажется, еще сильнее, чем я. Артиллерийский генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский, тоже бывший с нами, был свидетелем этой сцены.

Отступление через Аугест и Шбечау, т. е. по той же дороге, по которой мы пришли, нам было отрезано. Нам оставалось отступать только через болота и каналы, находящиеся между деревнями Аугест и Тельниц.

В это время большая масса французской кавалерии спустилась с Працена и атаковала колонну графа Буксгевдена и остатки моей. Граф Сиверс отбил ее огнем своих батарей в самый критический момент. Мы все восхищались смелостью и порядком этих двух храбрых артиллерийских рот и их начальником; артиллерия маневрировала как на ученьи.

Близ Аугеста, чрез глубокий и довольно широкий канал, был плохой мост, по которому нам неизбежно предстояло пройти. Граф Буксгевден со всем своим штабом перешел по нему одним из первых и удалился, не заботясь ни о сборе своих войск, ни о том,

чтобы расположить их вдоль канала и здесь остановить французов. Одно австрийское орудие, следовавшее за Буксгевденом, проломило мост, и наши орудия остались без пути отступления.

Если бы французы их преследовали, что они могли и должны были сделать, они изрубили бы или взяли бы в плен более 20 000 человек. Я не понимаю их бездействия и его невозможно объяснить. Единственным средством их остановить было остановиться самим, сохранить хладнокровие и неустрашимость, восстановить порядок в войсках, занять берег канала, прикрыть огнем пехоты переправу орудий и подождать ночи, которая была недалеко. Граф Буксгевден не сделал и не приказал ничего подобного.

Французская батарея, выехавшая на высоту выше деревни Аугест, сильно обстреливала нас и перебила много людей. Одна французская колонна атаковала деревню Аугест. Кавалерия, отбитая графом Сиверсом, собралась и готовилась снова нас атаковать. 8-й Егерский и Выборгский полки были принуждены оставить небольшую высоту близ Сокольница, где я их построил, и французы, выйдя из деревни, их преследовали. Было 3½ часа пополудни. В это время никем не управляемые войска увидели, что их генерал подал им непростительный пример отступления. Смятение охватило наши колонны. Они бросились в каналы, перешли через них в страшном беспорядке и бросили на равнине более 60-ти орудий и всех лошадей, чего не случилось бы, если бы мы сохранили Праценские высоты или если бы, переправившись через каналы, заняли противоположный берег…

Я оставался одним из последних с тремя офицерами Выборгского полка, двумя моими адъютантами и несколькими солдатами 8-го Егерского и Выборгского полков, которых я собрал с трудом близ моста. Я потерял в канале мою еще в Сокольнице раненую лошадь, но ушел с этими офицерами только тогда, когда французы подошли на 30 шагов.

Мы шли всю ночь и только в 4 часа утра присоединились к остаткам армии на шоссе в Венгрию, близ деревни Коберщиц.

От Аугеста французы нас не преследовали. Они остановились на каналах и ограничились преследованием огнем. Близ Тельница они наступали успешнее, но генерал Дохтуров со своим Московским полком, сохраненным им в порядке после очищения Тельница, прикрыл отступление, благодаря своему хладнокровию, храбрости и знаниям, которые он обнаруживал при всяком удобном случае.

Вот точные подробности о моем поведении в сражении при Аустерлице, подробности, за достоверность которых служит порукой моя честь, и в свидетели которой я призываю всех генералов и офицеров, бывших в этот день под моим начальством.

Я не скрыл своих ошибок, но, находясь в самом ужасном

положении, в котором только может быть генерал, будучи обойден, отрезан, атакован в одно и то же время с тыла, с фланга и с фронта, я сделал все, что от меня зависело, чтобы защищаться, удерживаться и даже восстановить дело, если бы не был оставлен, и я точно исполнил свой долг.

Глава третья

В 1807-м году полуопальный генерал Ланжерон, на которого император попытался свалить вину за Аустерлиц, был отправлен в Дунайскую армию, действовавшую против турок.

В 1808-м году он был назначен командовать корпусом, охранявшем Бесарабию, а в 1809-м году ему был отдан корпус, в задачу которого входило наблюдение за крепостью Измаил. Затем Ланжерону были отданы под начало резервные войска Молдавской армии.

Зная, что у Ланжерона не особенно много войск, турки отрядом в 15 000 солдат решили двинуться на Бухарест и овладеть им. Ланжерон, собрав имевшиеся у него под рукою войска, наголову разбил неприятеля. Визирь вынужден был отступить к силам главной армии турок. За это сражение Ланжерон был награжден орденом святого Владимира 2-й степени.

Затем Ланжерон получил приказание двинуться к Силистрии. Отразив сильную вылазку турок, Ланжерон 30-го мая 1810-го года овладел Силистриею.

Ланжерон двинулся дальше и опять разбил турок, за что был награжден орденом святого Георгия 3-й степени. Потом Ланжерон блокировал Рущук, который сдался ему 15-го сентября 1810-го года. Взятие Рущука доставило Ланжерону орден святого Александра Невского.

По окончании военных действий Ланжерон вступил во временное командование всею Молдавскою армией. Турки, подстрекаемые Францией, не хотели даже слышать о мире.

В апреле 1811 года на Дунай прибыл новый главнокомандующий граф М. И. Кутузов и открыл наступательные действия.

22 июня 1811 года турки опять потерпели сильное поражение под Рущуком. Ланжерон, командуя центром армии, принимал большое участие в уничтожении турецких войск. За это сражение он был произведен в генералы от инфантерии и награжден орденом св. Владимира 1-й степени.

После поражения турок под Рущуком значительных военных действий уже не было. Начались мирные переговоры, закончившиеся Бухарестским миром 1812-го года. М. И. Кутузов был отозван для борьбы с Наполеоном, а возмущенный и обиженный Ланжерон был оставлен в составе Молдавской армии, оставлен на бездействие. Он, столь яро ненавидевший узурпатора французского королевского трона, так рвался с ним на борьбу и

был просто оскорблен решением Александра I.

По окончании войны и заключении мира с Турцией Молдавская армия, в которой состоял Ланжерон, должна была двинуться к западным границам и преградить Наполеону отступление из России.

В самый день Бородинской битвы 26-го августа 1812-го года Молдавская армия перешла за реку Сереть и после целого ряда стычек с французами 5-го ноября приблизилась к Минску, где стало известно о поражениях Наполеона при Тарутине, Малоярославце и Красном.

Молдавская армия двинулась к реке Березина, чтобы преградить дальнейшее отступление французам. Это не удалось (части наполеоновских войск удалось прорваться), но Молдавская армия настойчивее других преследовала французов до реки Неман и окончательно уничтожила великую армию.

Картинка. ГОРОДИШКО БОРИСОВ

9 *ноября 1812 года часть кавалерийского корпуса генерал-майора графа Ламберта была отправлен к городу Борисов, стоявшему на речке Березина. На рассвете Ламберта вызвал к себе генерал Тормасов. Собственно, граф Ламберт несколько месяцев формально уже не подчинялся генералу, но на зов его тут же явился.*

Еще в марте части Молдавской армии из Варшавского округа были переброшены на Волынь. На основе этих соединений как раз и была сформирована 3-я Западная армия генерала Тормасова. Но в сентябре этого же года ее соединили с прибывшей с юга Дунайской армией. Общее командование принял адмирал Чичагов. Но граф Ламберт настолько презирал адмирала за медлительность и нерешительность, что по-прежнему предпочитал исполнять распоряжения генерала Тормасова.

— Карл Осипович, голубчик — обратился генерал Тормасов ранним ноябрьским утром 1812-го года к графу Ламберту, — поезжайте немедленно и захватите город Борисов, немедленно. И особое внимание обратите на переправу — она нам позарез нужна. — И добавил, перейдя на шепот: — Не исключено, что ее захочет использовать для своего бегства Бонапарт. Торопитесь! Нужно отрезать ему путь к отступлению. Наберите удальцов из своего авангарда и поезжайте с богом! Граф, я очень надеюсь на вас.

Тормасов подошел к Ламберту, облобызал его троекратно, перекрестил и отпустил, глядя вслед стремительно удалявшемуся графу с какой-то особой, отцовской, что ли нежностью.

За дверьми тормасовского кабинета командующего авангардом 3-й армии ожидал его адъютант, большой, широкий, с торчащими розовыми щеками.

— Ну что — кинулся он к графу — за чем вызывал?

— Едем брать Борисов. Надо захватить переправу — отвечал Ламберт, звучно целуя адъютанта в губы.

В адъютантах при графе бессменно состояла его супруга. Ульяна Михайловна. Все свое детство она провела в походах со своим отцом суворовским генералом Деевым, а выйдя замуж, безотлучно сопровождала своего обожаемого Карла Осиповича.

Через двадцать минут после окончания разговора с генералом Тормасовым граф Ламберт во главе отряда добровольцев (двинуть весь кавалерийский корпус нельзя было без распоряжения адмирала Чичагова, а оно пришло слишком поздно), набранных из его авангарда, выезжал из Минска, в котором был расквартирован

штаб 3-й армии. До Борисова было 60 километров. Отряд шел рысью. Никто не издавал ни звука — и отнюдь не из страха перед возможным неприятелем, просто все экономили силы перед тяжелым боем — копыта лошадей только шлепали по невозможной ноябрьской грязи.

Борисов обороняли польские дивизии наполеоновской армии, которыми командовали генералы Домбровский и Брониковский.

Ламберта встретила густая пехотная цепь польских стрелков. Не переводя дыхания, отряд рванул и прорвал ее, оказавшись перед широко растянувшейся кавалерийской цепью. Отряду пришлось рассредоточиться вдоль линии, заданной поляками. В результате на одного русского пришлось по нескольку поляков.

Три раза граф водил своих ребят в атаку. Прорубив первую линию, они наталкивались на несколько кавалерийских каре, и каждый раз нападение захлебывалось — приходилось отступать. Во время третьей атаки граф был ранен, и русские дрогнули. Началось бегство. Но тут графиня Ульяна Михайловна истошным голосом завопила, оглашая своим ревом окрестности Борисова:

— Дети, неужели вы оставите вашего раненого генерала?

И кавалеристы корпуса Ламберта вернулись за графом, но ни о каком наступлении, естественно, уже речи не было. Однако тут случилось непредвиденное, совершенно непредвиденное.

Волею судьбы графу Ламберту пришел на помощь другой французский роялист — граф Ланжерон, подъезжавший со своим отрядом к Борисову. Прибытие его отряда позволило успешно завершить дело. Не выдержав четвертый совместный натиск русских, поляки оставили оборонительное укрепление, преграждавшее дорогу на мост, и отступили за реку. Взятие Борисова фактически закрывало войскам Наполеона путь на запад.

Граф Ланжерон со своими адъютантами и граф Ламберт с Ульяной Михайловной остановились в замке. Ланжерон объехал весь городок и обнаружил, что главная улица берет начало от замка, проходит мимо торговой площади и вливается в тракт. Осмотрел граф и порт, выстроенный в 1807-м году, а потом, прихватив 20 солдат из своего кавалерийского корпуса, отправился осматривать переправы. Одна (левый берег) была у реки Студенки, в пятнадцати километрах от Борисова, — там Ланжерон оставил для охраны десяток своих кавалеристов, а вторая, в семи километрах от Борисова, находилась у деревни Брили (правый берег) — там он оставил второй десяток.

А вечером в замке Ульяна Михайловна устроила для офицеров ужин. В бою она была бесстрашна, но в обществе страсть как пуглива. Ланжерона она боялась до ужаса. От его галантных, но

совершенно невинных ухаживаний чуть в обморок не падала, что Ланжерона весьма забавляло, впрочем, как и Ламберта, который начал постепенно приходить в себя и уже был расположен опять к шуткам.

На следующее утро при въезде в Борисов отряд графа со своим отрядом уехал, а через два дня отправился в Минск со своей боевой графиней и граф Ламберт — его срочно призвал к себе адмирал Чичагов, видимо, собираясь послать его в Борисов. Остатки своего отряда Ламберт оставил под началом полковника Сергея Воронецкого.

А 12-го ноября 1812-го года русские уже были выбиты из Борисова подошедшими к городу частями корпуса наполеоновского маршала Удино. Это создавало лазейку для императора Франции. Великая армия была разбита, но он все-таки смог улизнуть.

Граф Ланжерон рычал от бешенства, когда узнал, что Борисов отвоеван французами. Он даже крикнул в сердцах своему адъютанту:

— Ну как можно быть таким тряпкой? Ну что стоило ему послать в Борисов хотя бы несколько дивизий, а лучше всего целый корпус? И как можно такому ничтожеству отдавать под начало такую огромную армию?

Эти вопросы, на самом деле были обращены совсем не к адъютанту, а обращены они были к командующему 3-й Западной армией адмиралу Чичагову и к императору российскому Александру I. Но они ничего не слышали, а адъютант словами графа был страшно напуган.

С началом похода 1813-го года Ланжерон вступил в пределы Пруссии и блокировал с небольшим отрядом крепость Торн, которая после упорной семидневной обороны 6 (18) апреля сдалась Ланжерону. Сдача Торна доставила Ланжерону орден св. Георгия 2-й степени, а также прусские ордена Черного и Красного Орла и пять тысяч рублей ассигнациями. Проникнув после этого в Саксонию, он присоединился к главной русской армии и принял командование над западною армией.

Осенний поход 1813-го года Ланжерон начал во главе 42-тысячного корпуса в составе Силезской армии Блюхера. В сражении под Кацбахом его корпус составлял левое крыло русско-прусских войск и при преследовании французов отбил 22 орудия и принудил дивизию Пюжо сложить оружие. За участие в делах Силезской армии ему было пожаловано вензельное изображение Высочайшего имени на эполеты и тридцать тысяч рублей.

4 октября корпус Ланжерона дрался близ села Видерич. 6 октября он воевал под началом наследного принца шведского.

Затем Ланжерону было приказано захватить селение Шенфельд, занятое корпусами Мармона и Сугама. Противник был выбит из селения, и Ланжерону, единственному из всех союзных генералов, удалось прорвать расположение французской армии под Лейпцигом. Ночью корпус Ланжерона был переведен к Галесскому предместью. Наутро он овладел находившимся там редутом. Его батальоны ворвались в Лейпциг.

Картинка. ГОРОДИШКО ЛЕЙПЦИГ. «БИТВА НАРОДОВ»

***16-го** октября 1813-го года французские кирасиры и драгуны, поддерживаемые пехотой, смяли русско-прусскую линию, опрокинули гвардейскую кавалерийскую дивизию русских и прорвали центр союзников. Натиск был неожиданным и сильным.*

Преследуя бегущих, французские драгуны едва не захватили в плен российского и прусского императоров — они оказались всего в 800 шагах от ставки союзников.

Наполеон уже торжествовал победу и приказал городским властям Лейпцига звонить в колокола. Но император Франции на сей раз слегка поторопился — битва еще не закончилась.

То, что он едва не оказался в плену, произвело на Александра I сильное впечатление. Он приказал ввести в бой батарею Ивана Сухоханета, русскую дивизию Николая Раевского и прусскую бригаду Клейста. До подхода подкрепления неприятеля сдерживали рота русской артиллерии и лейб-казаки из конвоя Александра I.

Наполеон уже приказал бросить вперед императорскую гвардию, пешую и конную, но потом ему пришлось откорректировать свое решение. Часть своей гвардии он бросил на помощь князю Ю.Понятовскому, которого теснили австрийцы. Гвардейцы пошли в атаку, и австрийцы дрогнули. Генерал Мервельд попал в плен к французам. Так обстояли дела в центре.

Пока рота артиллерии и лейб-казаки прикрывали российского императора, генерал Блюхер упорно атаковал маршала Мармона. Деревни Микери и Видерич переходили из рук в руки в этот день неоднократно.

Генерал Ланжерон со своим корпусом был весьма активен и напорист. Он несколько раз в этот день брал деревню Видерич и, наконец, взял ее окончательно. Пленных поселили в магистрате — большом двухэтажном каменном доме, решив, что по отдельным избам селить их не так надежно и потребовалось бы слишком много охраны, ведь тогда пришлось бы ставить солдат около каждой избы с пленными, а их ведь, слава богу, набралось 1200 человек. В общем, Ланжерон распорядился отдать пленным магистрат.

Сам граф вместе со своими адъютантами заночевал в музейчике истории сельца Видерич, который был расположен в старой деревенской церкви. После плотного ужина, который на огромной квадратной повозке привезла экономка бургомистра (на козлах сидел сам герр бургомистр), адъютанты тут же

отправились спать.

Граф же Ланжерон пошел в маленький кабинетик директора музея, весь заваленный географическими атласами и старыми альманахами. Сел за ветхий и какой-то кособокий письменный стол, достал стопку листков, аккуратно очиненный карандаш и принялся за писание дневника, подробнейшим образом фиксируя все схватки за деревню Видерич. А потом еще набросал несколько сцен для своей новой трагедии.

В ночь с 16-го на 17-е октября к Лейпцигу подошли свежие силы — армии Бернадота и Бенигсена, но теперь войска союзников сильно превосходили наполеоновские. Шанс на победу императором Фоанции явно был упущен. Теперь уже центр русско-прусских позиций было не прорвать.

Ранним утром 17-го октября Наполеон вызвал к себе пленного генерала Мервельда. Император выглядел спокойным, даже самоуверенным, но как-то слишком уж был тороплив. Но, не зная о перевесе сил союзников, австриец ничего не понял в неподвижном, закрытом лице корсиканца, в его непроницаемом взгляде.

— Генерал, — с ходу обратился к нему император, — я отпускаю вас, но только как вестника мира. Прошу вас передать императорам России и Пруссии, что я готов прекратить военные действия и того же ожидаю от них.

Генерал Мервельд честно выполнил возложенное на него поручение. Однако никакого ответа Наполеон так и не получил. Российский и прусский императоры хранили молчание. К ночи 17-го октября Наполеон приказал стянуть все свои войска как можно ближе е Лейпцигу.

17-го октября боевых действий не было, в основном, в этот день убирали раненных и хоронили убитых. Граф же Ланжерон с утра допросил нескольких пленных (в их числе и генерала Жубера), а затем засел на весь день в кабинетике директора музея, целиком отдавшись сочинению трагедии. Назвать ее он решил «Мизаниелло», выведя в ней реальное историческое лицо — рыбака Томазо Аниелло (Мазаниелло — это его кличка), вождя народного бунта; место действия — Неаполь, 1647 год. Графу удалось написать несколько сцен. Он насилу совладал с александрийским стихом, но все-таки совладал, и был собой очень доволен.

Но как ни приятно было творить, надо было возвращаться к войне с Наполеоном.

18-го октября в 8 часов утра русско-прусские войска пошли в наступление. На левом фланге французов корпус графа Ланжерона неоднократно штурмовал деревню Шенфельд, дома и кладбище которой, обнесенные каменной стеной, были замечательнейшим образом приспособлены к обороне. Дважды Ланжерона

отбрасывали — он в третий раз повел своих солдат в штыки. После страшной рукопашной схватки селение было захвачено, наконец, русскими. Однако посланные маршалом Мармоном дополнительные отряды выбили русских с занятой позиции. И Ланжерон опять повел в атаку своих солдат — теперь уже против свежих сил неприятеля. И деревня Шнефельд была окончательно взята.

Бой продолжался до позднего вечера. Французы смогли удержать все ключевые позиции линии обороны. Но армия была измучена, переломить ход сражения не было никакой возможности, и в течение ночи Наполеон снял свои войска и увел их с поля битвы — он двинул их на Лейпциг.

На рассвете ошеломленные союзники обнаружили, что противник исчез. Тут же императоры отдали приказ идти на Лейпциг. Русско-прусско-австрийские войска, готовившиеся к продолжению битвы на поле, вдруг были поставлены перед необходимостью кровавого штурма.

Защиту города император Франции поручил армиям маршалов Понятовского и Макдональда. Из трудового люда Лейпцига было набрано несколько строительных отрядов, во главе каждого из которых был поставлен капрал Старой гвардии. В течение ночи эти отряды проделали в стенах бойницы. На проспектах, перекрестках, скверах, парках к утру были рассыпаны стрелки и расставлены орудия.

Численный перевес, который имеет решающее в сражении на поле, тут уже не имел столь определяющего значения. И легкая, красивая победа делалась невозможной — теперь, она могла быть только кровавой.

— Дело — дерьмо, — зло и раздраженно крикнул граф Ланжерон своему любимому адъютанту подполковнику Андрею Римскому-Корсакову, когда они шли на рысях во главе колонны, двигаясь в направлении Лейпцига. — Это надо было предвидеть. Это мы обязаны были предвидеть. О! Что за страшное сочетание: он предельно жесток и хитер, а мы — опять же предельно — тупы и ленивы, когда приходится шевелить головой. На нашу неповоротливость он и рассчитывает, и не прогадывает, дьявол. Наша лень и тупость — это главный козырь Бонапарта. Господи, сколько народу сейчас там поляжет, сколько крови русской прольется, но до этого, кажется, никому нет дела. Вперед, граф. Имейте в виду, что ведем наших ребят на верную гибель.

День выдался солнечный, теплый, ласковый, но настроение у Ланжерона было мрачнее некуда. Ему было до боли жалко своих солдат.

Штурм Лейпцига, как и предполагал Ланжерон, был жесток и

дик. Из предместий города французов удалось выбить лишь после каскада штыковых атак. Корпус Ланжерона прорвался к Галлесскому предместью, но захватить его сразу не смог. Только на утро ланжероновцы овладели находившимся там редутом и взяли под контроль предместье. И тут произошло событие, фактически предопределившее разгром армии Наполеона.

Ланжерон во главе маленького передового отряда к Эльстерскому мосту. Французы решили, что это основные силы русских и в панике подожгли запальные фитили. В небо резко взметнулись языки пламени. Все заволокло дымом. Раздался взрыв, и в воду рухнули изуродованные останки моста.

К этому времени по ту сторону реки оказалась лишь половина наполеоновской армии. 28 тысяч человек еще не успели переправиться. После взрыва моста все они оказались отрезанными от своих. В ужасе солдаты стали бросаться в воду, но они либо тонули, либо погибали от русских пуль. Маршал Понятовский, готовя отступление, бросился на коне в воду и утонул.

Царили ужас и паника, почти как у озера Сачан при Аустерлице, когда выдвинутая по приказанию Наполеона батарея безжалостно била по кидающимся в воду русским солдатам и офицерам. Ланжерон отличнейшим образом помнил бегство остатков своей разбитой колонны, обстреливаемой французскими ядрами, к плотинам Аугеста и далее. Он помнил доносившиеся с озера дикие, нечеловеческие стоны.

А это был Аустерлиц Наполеона. Это было законное возмездие, настигшее наконец сего авантюриста.

В общем-то, половина наполеоновской армии была отдана на истребление союзникам. Было уничтожено до тринадцати тысяч французских солдат и офицеров. Одиннадцать тысяч попало в плен. Было захвачено также двадцать дивизионных и бригадных генералов.

Благодаря дерзкому поступку Ланжерона армия Наполеона была рассечена надвое и разбита.

Граф явился героем «битвы народов», как назвали Лейпцигское сражение. А Александр I дал орден Андрея Первозванного генералам Платову и Милорадовичу.

Это было несправедливо. Ланжерон, столь сильно способствовавший поражению непобедимого дотоле Наполеона, чувствовал себя оскорбленным.

Ланжерон считал, что Лейпцигом он вполне отыграл Аустерлиц, ответственность за который на самом деле должны нести император и его любимчики. Важным он считал и то, что первому серьезному поражению Наполеона способствовал именно француз. Однако Александр I не пожелал всего этого заметить.

Но в корпусе графа поздравляли и чествовали. Командиры дивизий поднесли ему по ящику шампанского от каждой дивизии.

В здании ратуши офицеры корпуса в честь графа устроили пирушку. А глубокой ночью он засел за продолжение своей трагедии. Дело шло на лад — первый акт был завершен.

За Лейпцигскую битву Ланжерон получил от шведского короля орден Меча 1-й степени, а от русского императора бриллиантовые знаки к ордену св. Александра Невского.

Картинка. В НОЧНОМ ЛЕЙПЦИГЕ

Накрапывал дождь. Все вокруг казалось грязно-серым, расползающимся, мутным.

Ланжерон вернулся с вечерней прогулки по разгромленному и разграбленному Лейпцигу. Город лежал в руинах. Между тем, был шанс сберечь его великолепие. Этот холодный, безжалостный авантюрист пожертвовал Лейпцигом и жизнью ни в чем не повинных обывателей. Он уже не мог одержать победу на поле сражения и тогда он совершенно по-варварски перенес боевые действия в город. В общем, граф был доволен победой и одновременно сердит.

Еще он размышлял о справедливости и несправедливости, о том, что император, будучи умным, тонким, широко образованным человеком, почитая себя в высшей степени благородным, почему-то раздает тем, кто этого совершенно не заслуживает и обходит повышением тех, кто по-настоящему верен ему и России. Что же заставляет его так поступать? Неужели личные симпатии и привязанности настолько перевешивают соображения государственные? Неужели император настолько антигосударственный человек?

Граф был в полном недоумении, хоть он и знал Александра Павловича не один год.

Быстро скинув шинель и стянув мокрые сапоги, он прошел в кабинет. Из соседней комнатки раздавался храп адъютанта. Ланжерон прикрыл дверь и сел к столу. Он уже думал о продолжении своей трагедии «Мазаниелло».

Ему закоренелому роялисту было очевидно теперь, что монархи порой невольно создают такие ситуации, которые делают бунт совершенно оправданным и даже неизбежным.

Открытое благоволение к любимчикам, щедрое награждение лиц — и не только чинами, но и поместьями, дворцами, золотом — выглядит так невинно, но последствия тут могут быть самые непредсказуемые. Подданные могут потерять веру в своего монарха, который в их глазах олицетворяет закон и справедливость.

Граф встал и прошелся по кабинету. Он выглядел озабоченным, смущенным и расстроенным.

Да, Александр Павлович играет в очень опасные игры. Он должен был бы соблюсти хотя бы видимость законности. Армия может и не простить тех слабостей, которые он смеет обнаруживать публично и не стесняясь.

Постепенно Ланжерон успокоился и сел к столу. И скоро из-под

его пера полился плавный александрийский стих.

Неаполитанский бунтарь рыбак Мазаниелло начинал выглядеть все более симпатичным и привлекательным, в чем, кажется, была несомненная заслуга российского императора Александра, бессовестно потакавшего своим обнаглевшим любимцам.

Начинало светать. Трагедия подвинулась за ночь вперед на целых пять сцен.

Граф отправился пару часиков соснуть безмерно усталый, но весьма довольный тем, что уже близится к завершению третий акт. Он мечтал разделаться со своей трагедией до взятия Парижа, которое представлялось ему и неизбежным и скорым.

Ланжерон страстно рвался во Францию, дабы ее поскорее можно было освободить от этого авантюриста, который принес его родине столько несчастий.

Граф собирался встретить победу над своим заклятым врагом, над этим узурпатором своей тираноборческой трагедией.

Собственно, так потом и получилось. Только геройство Ланжерона на высотах Монмартра намного превышает все достоинства поэтические достоинства трагедии «Мазаниелло». Да и гениальный ланжероновский натиск у Аркольского моста, который привел фактически к уничтожению основной части наполеновской армии, — это стоит немалого. Император Александр Павлович хотел сломить Наполеона, отомстить ему за Аустерлиц, но сделал это граф Ланжерон.

По окончании преследования французов у Рейна Ланжерон со своим корпусом участвовал в блокаде Касселя. Немедленно по взятии Лейпцига силезская армия была направлена преследовать Наполеона, но осенняя распутица приостановила на девять недель дальнейшее движение армий.

20 декабря 1813 года (1 января 1814 г.) Ланжерон перешел Рейн у Бингена, занял этот город и 23 декабря начал осаду Майнца (закончена она была 31 января). После этого он двинулся по направлению к Франции на присоединение к армии Блюхера, с которой принял участие в сражениях под Краоном и Лаоном.

11-го февраля 1814-го года прибыл в Витри, а затем через Вертю и Эпернэ отправился к Суассону.

Ланжерон принимал участие в сражении при Суассоне, занял Сен-Кентен и после сражения при Фер-Шампенуазе двинулся к Парижу.

29-го марта он берет Ле Бурже и отражает яростное наступление французов у Ля Виллет, а днем позже вместе с генералом Рудзевичем захватывает Монмартр.

Император Александр приказал Ланжерону овладеть высотами Монмартра, и Ланжерон исполнил это, несмотря на отчаянное сопротивление французов. Последствием занятия высот Монмартра была капитуляция Парижа.

Ланжерон получил от императора Александра орден св. Андрея Первозванного, а от австрийского императора крест Марии-Терезии.

Картинка. ШТУРМ ПАРИЖА

День 13-го марта 1814-го года выдался весьма мокрым. Шел дождь, был он мелкий-мелкий, не очень даже сразу заметный, но зато как зарядил с утра, так уже до поздней ночи не останавливался.

Корпус генерала Ланжерона двигался на Париж. Настроение было веселое, несмотря на то, что дождь не давал передышки. Генерал сказал своему адъютанту-полковнику Теребеневу: «Руки чешутся — так драться хочется». Полковник понимающе кивнул.

Почти всю войну Ланжерон император продержал его в Молдавии, где после Бухарестского мира 1812 года военных действий почти уже не велось. Александр все еще дулся, все еще хотел свалить на одного графа вину за Аустерлиц, все еще выгораживал своего любимчика, давно покоящегося в могиле. Сознание этой несправедливости приводило Ланжерона в состояние крайнего бешенства. Его смуглое лицо буквально становилось пепельно-серым, а глаза превращались в горящие угли, когда он вспоминал, где он находится, а находился он в Дунайской армии, вместо того, чтобы бить этого узурпатора, захватившего французский трон.

Но теперь граф получил свой шанс, и он знал, что он его не упустит. И даже дождь не мог его остудить — лицо Ланжерона пылало жаром.

Корпус двигался бегом, сопротивления нигде не было, но у Фер-Шампенуаза неожиданно произошел двойной бой.

На соединение с основными силами Наполеона шли корпуса Мармона и Мортье. Отряд конной гвардии неожиданно напоролся на них. Началась стычка, перешедшая в настоящее сражение. Но потом подошли дивизии Пакто и Аме, которые тоже шли на соединение с Наполеоном. Они появились на поле сражения совсем вечером, когда разгром Мармона и Мортье был предрешен.

Ланжерон с головной частью своего корпуса, разделившейся на несколько отдельных соединений, врезался в неприятельские каре. Однако французы, несмотря на безвыходность ситуации, не хотели сдаваться. Начался рукопашный бой, перешедший в резню. Ланжерон рубился бешено (адъютант Теребенев едва поспевал за ним) — кажется, он хотел разом отработать все свое молдавское сидение. Но тут в каре въехал с лейб-казачьим полком сам император Александр и остановил резню.

За ужином, в коем принимали участие и пленные генералы Пакто и Аме, генерал-адъютант Волконский, не в силах скрыть изумление, спросил:

— Ваше величество, зачем вы сделали это? Вы ведь рисковали своей жизнью…

Александр Павлович обворожительно улыбнулся и, чуть помедлив, весомо сказал, показывая взглядом на пленных:

— Я хотел пощадить их.

И тут же перевел взгляд на Ланжерона, но он уже был явно укоризненный.

Граф промолчал. Да и что тут можно было возразить? — «Ваше величество, я тоже люблю и жалею французов». Император сделал хитрый ход. Парировать было нечем. Но, уже укладываясь, Ланжерон все-таки выдвинул перед адъютантом свою версию событий:

— Государь не желал моей победы при Фер-Шампенуазе.

Полковник Теребенев понимающе кивнул.

Император Александр выбрал для себя и своей свиты в качестве места ночлега замок Бонди, находившийся в семи верстах от Парижа. Ланжерон со своим корпусом шел прямо на Париж. Мармон и Мортье, отойдя от Фер-Шампенуаза, подошли к Парижу с. южной стороны. Произошло это 17-го марта 1814-го года. В этот же день российский император прибыл в замок Бонди и с большим удобством там устроился.

18-го марта 1814-го началось сражение за Париж. 19-го марта он капитулировал. Пока договаривались с французскими маршалами о сдаче Парижа, император Александр объезжал войска, расположенные вблизи Бельвиля и Шомона, и поздравлял их с победой. Он весь сиял. Лицо его светилось нескрываемой радостью. Действительно, город почти весь был взят, но на монмартрских высотах стояли артиллерийские батареи, и они стреляли. Переговоры шли, император поздравлял, а батареи продолжали стрелять. И вдруг канонада смолкла. Воцарилась тишина. Париж замер. Граф Ланжерон во главе ударной колонны захватил высоты Монмартра, занятые остатками корпусов маршалов Мюрата и Мармона, составлявшими около двадцати пяти тысяч человек. Французы оборонялись исступленно: пока они сохраняли контроль над высотами, Париж нельзя было считать захваченным.

На следующий день при въезде в столицу Франции император Александр подъехал к головной колонне корпуса графа Ланжерона. Граф стоял, окруженный своими адъютантами. Он им о чем-то рассказывал. Они, утирая невольные слезы, дико хохотали. И вдруг смех резко оборвался — адъютанты заметили стремительно подбегающего императора. Ланжерон резко обернулся, но Александр уже стоял рядом.

Он лукаво и одновременно торжественно улыбался. В руке его

было что-то зажато. Лица адъютантов все еще были неестественно вытянуты. Ланжерон смотрел спокойно, но выжидательно.

— Mr. le Comte (господин граф) — сказал император, прямо глядя в выразительные зеленовато-карие глаза Ланжерона: он хотел найти в них волнение, но не находил его и был явно разочарован.

Все так же глядя графу в глаза, ни на миг не отрываясь от них, Александр разжал руку — на ладони его оказался орден Андрея Первозванного. В лице Ланжерона не выразилось буквально ничего, но по лицам адъютантов пробежала легкая дрожь.

Уже не столь лукаво, но по-прежнему торжественно император продолжал:

— Vou avez perdu cela à la hauteur de Monmartre, et je l'ai trouvé (âы потеряли это на высоте Монмартра, а я это нашел).

Граф Ланжерон вполне оценил императорский каламбур — он вздрогнул от нанесенного ему оскорбления. Граф отлично понял изящно упакованный садистский выпад императора, который ясно дал понять, что награждает, но за предательство, за предательство Франции, награждает за то, что французский аристократ помог русскому императору.

Ланжерон сухо, сдержанно поблагодарил Александра и отошел к адъютантам. Они стали поздравлять его. Граф взглянул на них зло и сердито и вдруг увидел на их лицах искреннюю радость — они ничего не поняли.

После семидневного пребывания в окрестностях Парижа, Ланжерон с войсками двинулся обратно в Россию и получил командование четвертым пехотным корпусом, стоявшим в местечке Дубна Волынской губернии, а затем получил под свое начало еще и шестой корпус.

В апреле 1815-го года Ланжерон снова выступил в поход. Он вел колонны из IV и VI пехотных корпусов. Граф дошел до Эльзаса и Лотарингии, где ему была поручена блокада нескольких французских крепостей. Битва при Ватерлоо сделала излишним дальнейшее продвижение русских войск по Франции.

10-го ноября 1815-го года Ланжерон назначается заместителем герцога Ришелье по управлению Новороссийским краем — херсонским военным губернатором и одесским градоначальником, а когда Ришелье возвращается во Францию, вызванный туда Людовиком XVIII, то Ланжерон еще становится гражданским губернатором Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний, а также главнокомандующим бугскими и черноморскими казаками.

Картинка. ЗАГАДКА БАШНИ «КАВАЛЕР»

С *дачи графа Ланжерона на дачу отправлялись обычно морем. На гребном ялике плыли с ланжероновского берега к сходням гавани. Отсюда уже виднелась на холме колоннада театра, построенного по образцу древнегреческого храма.*

Майский вечер в Одессе в 1820-м году был теплый и удивительно нежный. Граф стоял рядом со своим адъютантом князем Римским-Корсаковым, который вел ялик, и что-то очень оживленно ему рассказывал:

— Князь, вот вы говорите о роли Кутузова при взятии Измаила, которая, между тем, была чисто отрицательная в турецкую компанию. Вообще про штурм Измаила теперь пишут и говорят много самой разнообразной чепухи, совершенно не зная многих исторических фактов и, собственно, не желая их узнать.

Князь почтительно кивнул. Ланжерон продолжал горячо доказывать — он не встречал сопротивления, но при этом пылал и вулканизировал:

— Понимаете, Андрей, при штурме Измаила главную задачу должен был решить флот, и вот почему. В западном углу крепости высилась каменная башня — «Кавалер». Установленная на ней артиллерия господствовала над местностью. Не взяв «Кавалер», овладеть крепостью было невозможно. Атака Кутузова на «Кавалер» с суши захлебнулась. «Кавалер» был взят с Дуная казаками под командованием Головатого и гренадерами Эммануила де Рибаса и под общим руководством Иосифа де Рибаса, который первым ворвался на «Кавалер», что как раз и решило исход штурма. А вот выделять де Рибаса не спешили — Потемкин боялся, что великую, сокрушительную победу припишут иностранцу. Вот так-то, милейший.

Изящная колоннада театра вплотную приблизилась. Казалось, вот-вот и ялик въедет прямо в театр.

Ланжерон явился не только преемником, но и действительным продолжателем дел своего соотечественника и друга, герцога Ришелье, который передал ему все свои бумаги и предположения о дальнейшем развитии юга России.

Картинка. «ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ»

1

В *1823-м году Одессе появился опальный литератор Александр Пушкин. Был он маленький, черный, с зеленовато-синими глазами, выражение которых всегда было какое-то странновато-дикое. Ноздри его внушительного носа, всегда выделявшегося — все остальное было у него довольно маленькое, миниатюрное — в минуту гнева или радости всегда широко раздувались. Темные кудри, в обилии окружавшие его небольшую головку, удивительно напоминали рожки чертей.*

Нраву Пушкин был совершенно бешеного. В ярости он не знал удержу. И вообще был он неугомонен, всюду носился, во все влезал, всех мужчин хотел вызвать на дуэль, всех женщин хотел сделать своими любовницами, к первым не испытывая ненависти, а ко вторым зачастую какой-то особой привязанности.

Сладу с ним не было никакого. На окружающих он наводил ужас. Но все-таки более всех страдали от него одесские дамы: любимое занятие Пушкина было хватать их за грудь, и делать это предпочитал он в публичных местах. Матери семейств (особенно те, у кого были дочки на выданье) чуть не теряли сознание, как только вдали появлялась фигурка Пушкина. Кое-кто из них утверждал даже, что в него вселился бес.

Несмотря на тот явный урон, который наносил Пушкин общественному порядку Одессы, губернатор Новороссийского края граф Ланжерон (в городе его уважительно называли Александр Федорович) не только не преследовал его, а наоборот искал с Пушкиным встреч. В обществе недоумевали, но приняли данное обстоятельство к сведению. Впрочем, общих симпатий к Пушкину это не прибавило.

Его громадный ум в Одессе тогда, кажется, оценили немногие. Ланжерон относился к числу этих немногих. Кроме того. Пушкин был просто необходим Ланжерону. Во-первых, Пушкин бывал блистательно, обворожительно остроумен, когда у него не было приступов бешенства. Граф сам был в высшей степени остер на язык и весьма ценил данное качество в других.

Пушкин абсолютно покорил Ланжерона, когда на вопрос губернатора, как ему нравится Одесса, тут же, не раздумывая, ответил: «Граф, Одесса мне летом напоминает песочницу, а зимой чернильницу». В самом деле, летом Одесса вся была буквально пронизана пылью, а осенью и зимой утопала в грязи. Граф смеялся

до истерики, почти рыдал от смеха.

Но еще более, чем собеседник, Пушкин был нужен Ланжерону как слушатель и даже очень нужен. Все дело в том, что граф душил поэта своими французскими трагедиями (одну из них он даже выпустил в Одессе в 1819 году, естественно, на французском, ведь Одесса была тогда во многом французским городом). Он читал Пушкину свои трагедии часами и требовал отклика. Пушкин не раз после этих чтений возвращался к себе в полуобморочном состоянии — во всяком случае, безмерно усталым. И это Пушкин, который мог бегать и прыгать без конца. Так что Ланжерону удавалось его допечь. Но Пушкин не сердился на него.

Граф Ланжерон был в высшей степени интересен поэту. Он был увлекательный собеседник, очень легкий, предельно живой, искрометный. Но более всего он прельщал Пушкина как кладезь исторических познаний, как сокровищница дворцовых тайн.

Кроме того, губернатора и поэта соединила ненависть к императору Александру I. Пушкин в оде «Вольность» обвинил царя в отцеубийстве и в наказание был переведен из Петербурга Юг. Чувства, которые испытывали друг к другу поэт и император, были вполне взаимны — они оба ненавидели друг друга.

Ланжерон же был некогда приятелем Александра, но никогда не был его фаворитом. Граф считал, что император его незаслуженно обходит наградами, что он глубоко несправедлив к нему.

Был даже такой случай. За Лейпцигскую битву (4–6 октября 1813 года) Ланжерон получил от шведского короля орден Меча 1-й степени, а от русского императора бриллиантовые знаки к ордену св. Александра Невского. Он считал себя такою наградой обиженным перед другими (генералы Платов и Милорадович получили за Лейпцигскую битву орден Андрея Первозванного). Ланжерон выразил свою обиду в письме к императору. Александр велел передать Ланжерону, что награждает по заслугам.

Потом Александр встретил в штыки реформаторские проекты Ланжерона. Запретив масонские ложи, он отрицательно стал относиться к масонству Ланжерона, резко отрицательно реагировал на неприятие Новороссийским губернатором русской канцелярской рутины. И, конечно, особенно неприятно было императору, что есть крупный российский администратор, достоверно знающий об его участии в убийстве императора Павла I. Но это как раз то, что чрезвычайно было интересно Пушкину. Он с нескрываемым волнением расспрашивал Ланжерона о заговоре против Павла I. И Ланжерон рассказывал.

Пушкин поселился в Одессе в известнейшем отеле Рено (угол Ришельевской и Дерибасовской улиц); который располагался рядом с итальянским театром. Говорили, что Рено (Rainaud) в прошлом был парикмахер, но сам он называл себя бароном. Обедал Пушкин, как правило, в ресторане Оттона (Autonne), грузного, представительного, предупредительно-любезного француза. Вечера же проводил по-разному, но очень любил бывать на ужинах у графа Ланжерона. Да, приходилось терпеть — в борьбе со сном — слушание его скучнейших трагедий, но зато потом можно было рассчитывать на награду, на рассказ графа о пикантных подробностях из жизни разных исторических лиц. Но особенно любил Пушкин расспрашивать о временах императора Павла. Если в какой-то из вечеров Ланжерон касался историй, касающихся двора Екатерины II, то потом Пушкин все равно наводил его на разговор о несчастном русском императоре, удушенном с согласия своего сына.

Однажды Ланжерон, когда все гости разошлись, поманил Пушкина за собой в кабинет, запер изнутри дверь, подмигнул таинственно одновременно лукаво и, сделав паузу, сказал:

— Мой любезный друг, сегодня вы будете мною довольны. Я вам кое-что сейчас покажу, нечто весьма любопытное.

Взгляд Пушкина, обычно диковато-блуждающий, стал резко осмысленным. Граф подошел к стоящему у окна металлическому шкафу, выкрашенному темно-вишневой краской — под цвет вишневых бархатных штор. Достал из кармана ключ, отпер шкаф, вернулся к Пушкину, торжественно неся изящный сафьяновый портфельчик. Пушкин нервно дернулся: он сгорал от нетерпения. Но Ланжерон, кажется, никуда не спешил. Он достал из кармана другой ключик (совсем крошечный), отпер им портфельчик и аккуратно вынул из него пухлую пачку листков, перевязанных белым шелковым шнурком. Наконец, пачка освобождена от шнурка. Ланжерон начинает внимательно перебирать листки, одновременно вполголоса разговаривая с Пушкиным:

— Мой молодой друг, как вы думаете, чьи это письма? Это письма ко мне Александра Павловича, когда он был еще великим князем. Он бы теперь дорого дал, чтобы этих писем не существовало на свете. А, вот это место. Слушайте: «не император, не благодетель своего отечества, а сущий злодей на троне». Это он об отце. Каков сыночек. А вот еще и опять же обращено ко мне, датировано январем 1801-го года «Я вам пишу мало и редко, потому что я под топором». Это Александр Павлович опять же имел в виду своего отца. Занесенный топор — это император Павел собственной персоной. Меня тогда, признаюсь вам абсолютно честно, слова эти поразили и смыслом

своим и степенью доверия мне великого князя. Все изменилось, милый мой Пушкин. Я не верю государю. Ни на гран не верю. Но тогда все было иначе…

Пушкин был предельно возбужден, но взгляд его был ясный и чистый. Неизвестные исторические факты его всегда возбуждали, заставляя мозг работать с особой интенсивностью (у него вообще был особый вкус к истории). Ланжерон, довольный произведенным впечатлением, продолжал. Говорил он доверительно и крайне просто, совершенно без всякой патетики:

— Вот как он мне писал. Он обращался со мною как со своим другом, все мне поверял, — зато я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф.

Пушкин с полным пониманием улыбнулся. Он слегка дрожал. Глаза его лихорадочно блестели. По свидетельству очевидцев, заговорщик Федор Скарятин задушил императора Павла собственным шарфом. И теперь губернатор, который вот-вот должен был уйти в отставку, открыто уподоблял себя цареубийце. Пушкин был потрясен и одновременно и одновременно восхищен. Теперь он готов был выслушать разом хоть все трагедии графа Ланжерона.

Ланжерон учредил первое в Одессе высшее учебное заведение — Ришельевский лицей (1817 год), народное училище для девочек (1817), греческоекоммерческое училище (1819). Он основал первую в Одессе газету*(«*Messager de la Russie mèridionale»): это были малого формата листки, наполненные, в основном, коммерческой информацией; впрочем, был там и отдел политической хроники.

Именно при Ланжероне в Одессе было разбит ботанический сад, началось строительство Приморского бульвара, и было введено порто-франко, то есть город стал зоной беспошлинной торговли (1817). Вольный порт выработал свои формы общественного быта. Таможенная черта порто-франко отделяла Одессу от всей остальной империи и освобождала ее от характерных признаков деспотии.

Ланжерон был гроссмейстером одесской масонской ложи «Понт Еквсинский», куда он привлек множество чиновников из своей администрации.

Картинка. ТАЙНЫ ВИШНЕВОГО ШКАФА

На улице адмирала де Рибаса (всем известная Дерибасовская) располагался знаменитый Ришельевский лицей — интеллектуальная сокровищница Одессы. Прямиком же напротив лицея находилась ресторация Оттона, самая фешенебельная и дорогая в Одессе (на ней громадными золотыми буквами было выведено: César Automne restaurateur).

По своему совершенно особому значению для города эти заведения во многом были равны друг другу. Кроме того, Ришельевский лицей и ресторацию Оттона объединяло еще и то, что профессора лицея ежедневно обедали у Оттона.

Цезарь Людвигович, как его называли в Одессе, увидев в окно, что из ворот лицея выходит очередной профессор и направляется к нему, начинал ужасно волноваться, бешено суетиться (он даже подпрыгивал от возбуждения). Его маленькая шарообразная фигурка неслась к дверям на какой-то совершенно немыслимой скорости. «Вот оно преклонение перед наукой», — с улыбкой, обнажавшей гряду белейших зубов, любил говаривать в таких случаях Пушкин. Он вообще обожал наблюдать, как Оттон встречает профессоров и любил поболтать с Оттоном о науках, открыто при этом заливаясь смехом.

У Оттона Пушкин перезнакомился со всеми профессорами лицея. Особенно он любил поболтать с Жаном Лораном. Сей уроженец Лозанны жил в Одессе еще с 1805-го года. Поначалу он преподавал в одесской гимназии, но с открытием лицея перешел туда. Ко времени появления в Одессе Пушкина Лоран уже был профессором французской истории и литературы.

Был он маленький (совсем маленький, еще ниже Пушкина). Его крошечная головка была обсыпана мелкими черными кудряшками. При всей своей малорослости, Лоран двигался всегда исключительно сановито, важно, неторопливо. Но Пушкин, называвший, кстати, Лорана «мраморной мухой», умел доводить его до бешенства своими оценками личностей и книг и делал это с величайшим наслаждением.

Стоило, например, Пушкину сказать «Робеспьер — это революция, революция — это свобода», как Лоран тут же начинал тут же дико размахивать руками, непомерно большие уши его в миг становились багрово черными, и он даже начинал заикаться и сильно заикаться. А сколько словесных баталий было у них по поводу Вольтера, которого Лоран на дух не переносил. От славословий Пушкина по адресу Вольтера Лоран готов буквально лезть на стенку. Когда он, доведенный Пушкиным до исступления,

начинал кричать, жизнь в ресторации Оттона совершенно замирала. Публика вскакивала, покидала свои столики и окружала плотным кольцом Пушкина и Лорана. Самого Пушкина беседы с профессором Лораном доводили до состояния полнейшего ликования, которое он и не собирался скрывать.

Частенько захаживал к Оттону Антон Пиллер. Он с первых же дней основания лицея ввел там занятия по итальянской словесности. Это был голубоглазый розовощекий крепыш, немного меланхоличный, весь какой-то замедленный и невыразимо стеснительный. Пушкин его называл «болонский девственник» (Пиллер был родом из Болоньи), но публично он Пиллера обижал в общем-то не так уж часто.

Они не раз мирно и даже задушевно беседовали о Данте Алигьери. Пиллер знал наизусть множество терцин из «Божественной комедии» (особенно из последней, «райской» ее части). И своды ресторации Оттона не раз оглашались звучанием музыки дантовского слова — к ужасу обедающих и страстному ликованию Пушкина. Иногда еще поэт смущал профессора итальянской словесности пересказом скабрезных новеллок Боккаччо. При этом он настолько живописно расписывал детали, что в ресторации прерывался обед — все сбегались послушать. Однако Антон Пиллер не помнил зла: он снабдил Пушкина старинным итальянским изданием «Божественной комедии». И поэт начал знакомиться с Данте в оригинале, пока однажды не ставил профессорский раритет на одесском пляже.

Бывал у Оттона и Яков Десмет — директор Ботанического сада, открытого Ланжероном. Задумав устройство сада, губернатор вызвал его из Франции. Этот веселый, лукавый старичок, большой поклонник вафельного пирога со сливками, апельсинового ликера «Гран Марнье» и весьма фривольных шуток, заходя к Оттону, всегда искал глазами Пушкина и если тот был свободен, присаживался за его столик. Десмет называл его «мой шалун», любил слушать его каламбуры и обожал наблюдать, как Пушкин «заводит» Жана Лорана.

По вечерам заглядывая иногда к графу Ланжерону, Пушкин обычно всегда выделял хотя бы несколько минут для того, чтобы дать шутливый отчет о прошедшем обеде у Оттона. Граф заливался от смеха и иногда звал еще послушать своих адъютантов — подполковников Александра Облеухова и Андрея Римского-Корсакова. Но, как правило, они все-таки беседовали один на один в кабинете графа. У них всегда были свои тайны.

Как-то Пушкин рассказывал графу об очередном своем жесточайшем словесном поединке с Жаном Лораном (обсуждение литературных достоинств поэмы Вольтера «Орлеанская

девственница» сопровождалось таким кипением страстей, что казалось — еще чуть-чуть и ресторация взлетит на воздух. Пушкин расписывал все в лицах, живописно показывая также, как бурно реагировали на происходившее посетители ресторации, разделившиеся на две партии: на тех, кто жалел беднягу Лорана и на тех, кто искренне радовался происходившей буффонаде, а таковых было все-таки большинство.

Граф Ланжерон, вдоволь отсмеявшись, затем неожиданно подмигнул Пушкину и сказал с открытой лукавинкой во взоре:

— Милый мой, а знаете ли вы, что Жан Лоран — наш человек.

— Что вы имеете в виду, граф? — не в силах скрыть недоумение, тут же отреагировал Пушкин.

— А вы вспомните наш вчерашний разговор.

Днем раньше Пушкин рассказывал графу, как в 1821 году в Кишиневе он вступал в масонскую ложу Овидия. Ланжерон же рассказал тогда, в общем, не называя имен, об одесской ложе «Понт Еквсинский», великим мастером которой он являлся, Это была одна из самых многочисленных лож в России — в нее входило более двухсот братьев. Наместным мастером «Понта Еквсинского» был вице-консул Франции в Одессе Адольф Шалле.

— Так вот, любезнейший, — после минутного раздумья продолжил свой рассказ Ланжерон — открою вам тайну: Лоран, над которым вы давеча столь остроумно потешались, член моей ложи. Он вообще человек достойный и старинный масон: впервые он вступил в ложу, еще живя в Лозанне. Вообще вы, видимо, даже не подозреваете, что очень многие ваши знакомцы по ресторации у Оттона входят в «Понт Еквсинский». Помимо людей из моей администрации, там весьма обильно представлены преподаватели Ришельевского лицея и коммерческой гимназии, вообще люди ученые…

Пушкин выглядел совершенно потрясенным и одновременно смотрел с некоторым недоверием. Заметив это, Ланжерон заметил ему:

— Так и быть, покажу вам одну бумагу, отнюдь не подлежащую оглашению.

Граф подошел к окну, близ которого стоял большой металлический шкаф, выкрашенный в вишневый цвет — в тон роскошной бархатной портьере. Аккуратно отомкнув ключиком дверь шкафа, Ланжерон достал оттуда портфельчик (или как он говорил «portefeuille»), оббитый белой шелковой материей, по которой был вышит парусник, плывущий к городу на холме — это был знак ложи «Понт Еквсинский». Из портфельчика Ланжерон достал, несколько большого формата листов, сложенных вдвое, и торжествующе протянул Пушкину. Тот с интересом и опаской

взял их, но взгляд его уже через несколько мгновений явно помутнел.

Протянутые Ланжероном листы содержали список членов ложи «Понт Евксинский». Там Пушкин обнаружил не только Жана Лорана, но и профессора итальянской словесности Антона Пиллера и поклонника апельсинового ликера Якова Десмета, и профессора математики Ришельевского лицея Генриха Виарда и директора коммерческой гимназии Николая Даревского и, наконец, адъютантов графа Александра Облеухова и Андрея Римского-Корсакова.

Полнейшая растерянность Пушкина не укрылась от Ланжерона.

Ласково и одновременно лукаво улыбнувшись, он проговорил, аккуратнейшим образом укладывая листы назад в портфельчик:

— Так что, резвясь, будьте все-таки поосторожней у Оттона, любезный Александр Сергеевич: имейте в виду — там сам собираются люди вполне серьезные.

Тут граф подмигнул Пушкину, и оба они в один голос захохотали.

Масса дел, лежавших на Ланжероне по управлению Одессою и всем южным краем, тяготила его, и он предложил отделить обязанности по управлению краем от обязанностей по заведыванию городом Одессою. 25 мая 1820-го года последовал указ об образовании отдельного Одесского градоначальства, причем за Ланжероном осталась должность главного начальника южных губерний.

В это время Ланжерон представил императору Александру записку об отмене табели о рангах и, в частности, предлагал отменить чины по гражданскому управлению. Ланжерон подал императору еще одну записку. В ней он указывал на излишнюю многосложность канцелярской переписки, на громадное число подписываемых начальниками бумаг, прочесть которые им не под силу и на проистекающий от этого вред для дела (в письме А. С. Пушкина к Е. М. Хитрово, датируемым 1830-м годом, читаем: «Я питаю отвращение к делам и бумагам, как выражается граф Ланжерон»). Император Александр остался весьма недоволен проектами графа Ланжерона.

Картинка. БЕСЕДА ЗА ВЕЧЕРНИМ ЧАЕМ (ПРОЕКТ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА)

Вернувшись после вечерней прогулки, граф Ланжерон и Пушкин сразу же прошли в кабинет. Туда им подали смородиновый чай с бисквитами. Разговор завязался о греческих повстанцах, которым губернатор Новороссийского края не только сочувствовал, но и помогал.

Потом зашла речь о сегодняшнем обеде у Оттона. Пушкин забавно изобразил, как этот пузатый крепыш, увидев, что из Ришельевского лицея вышел профессор математики и физики Генрих Виард и направился в сторону его заведения, даже не ринулся, а полетел встречать профессора. Пушкин показывал, как Оттон отбрасывал стулья, мешавшие его продвижению, и еще довольно точно демонстрировал угодливую улыбку, застывшую на тучном лице ресторатора. Граф буквально трясся от смеха.

На просьбу Ланжерона почитать что-нибудь из новых стихов, Пушкин откликнулся мигом. Лукаво и одновременно многозначительно улыбнувшись, он прочел свою эпиграмму на Александра I «Воспитанный под барабаном». В совершенно особый восторг графа привели строки:

Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал.

Зашла речь о личности императора. Пушкин весьма интересовался причинами его нынешней неприязни к графу (со дня на день ожидалось, что ему предложат уйти в отставку).

— Милый Александр Сергеевич, — отвечал Ланжерон. — Мы с Александром Павловичем взаимно недовольны друг другом, хотя когда-то были довольно близкими друзьями, Он мне поверял многие из своих тайн. Но с тех пор многое изменилось. Я лично очень разочарован в государе. Он оказался человеком коварным и лживым, на самом деле не желающим для своей страны никаких перемен. В 1818 году я представил ему записку, в которой предложил отменить табель о рангах («Projet de suprimer les rangs dans le civil en Russie»). Так государь был просто в бешенстве.

— Еще бы, — захихикал Пушкин. — Я представляю себе реакцию этого бывшего псевдолиберала. Граф, но как вы решились предложить такое?! Это же настоящая революция! Да вы бунтовщик! Да вы представляете, на что вы замахнулись?

Ланжерон, однако, был совершенно серьезен — он совершенно

отмел шутливый тон Пушкина, который обычно поддерживал:

— Любезный друг мой Александр Сергеевич. 28 лет я служу в России и России и за эти годы повидал столько административной дикости, столько злоупотреблений, столько чиновничьего безобразия, что не стало больше сил терпеть. Особенно поучителен был одесский опыт, когда я стал херсонским губернатором и одесским градоначальником. Тут я понял, что надо что-то срочно делать, что необходимы глобальные перемены.

С лица Пушкина вмиг слетела улыбка. Граф же продолжал:

— Я вполне допускаю, что при Петре Великом, в связи с проводимым им преобразовании России, табель о рангах могла иметь значение и пользу, но теперь-то она выродилась, она не только бесполезною, но даже и вредною, источником многих неудобств и злоупотреблений. Милый Александр Сергеевич, вы же числитесь по иностранной коллегии, вы же тоже чиновник, вы что не видите что главные посты находятся в руках недостойных выскочек?

Пушкин молча кивнул. Он был серьезен как никогда. Но Ланжерон даже как будто не смотрел в его сторону. Казалось, что мысли непроизвольно вспыхивают в нем и вырываются в виде огоньков пламени. Граф был в страшном гневе — в гневе на российскую административную систему:

— Эти писаки, вырвавшиеся из лакейской, без настоящего воспитания, без убеждений, без совести. Казнокрадство, взяточничество, разграбление беззащитных для них не может считаться преступлением. Более того, они убеждены, что именно так и нужно действовать. С самого детства эти люди привыкли к разным крючкам и интригам, к двусмысленному толкованию законов. Они посвящены во все тайны злоупотреблений и, достигая постепенно высших чинов, соединяют в своих руках главную часть администрации. Можно ли…

Тут Ланжерон, кажется, вспомнил о Пушкине — во всяком случае, он обернулся в его сторону и, не снижая интонации, довольно грозно продолжал: — От таких людей ожидать справедливости? Этот презренный люд имеет только одну цель — подыматься все выше в чинах путем разного рода мошенничеств и достигнуть благосостояния.

И потом сказал уже, прямо обращаясь к Пушкину:

— Вот что есть табель о рангах в действительности. Прямо так я и написал государю. При этом я отметил то, что, занимая одно из самых высоких мест в администрации, я могу вполне отчетливо судить о размерах подлости и безнравственности чиновников. Самое пылкое воображение не в состоянии выдумать то, что можно видеть на деле.

— Граф, но нужно быть не очень смелым, а отчаянно смелым, чтобы написать так императору.

— Любезнейший, — довольно холодно заметил Ланжерон. — Я брал Измаил. Бояться ли мне человека, который, как вы пишете, «в двенадцатом году бежал»?

Пушкин улыбнулся, но ничего не ответил. Ланжерон же продолжал, предварительно попросив, чтобы принесли еще бисквитов и чая:

— Я писал государю, что отмена табели о рангах есть единственное средство улучшения нравов служащих, единственное средство оздоровления российской административной системы. Это мера, может быть, и крутая, но неизбежная. Но как выяснилось, император, имеющий репутацию реформатора, панически боится перемен. Он не желает знать об истинном положении вещей, а оно катастрофическое, мой юный друг. Я это вижу каждый день и страдаю, что не в моих силах изменение сложившейся системы. Кажется, единственное, что меня может успокоить, — это отставка, хотя я себя и чувствую полным сил. Ладно, примемся за чай, а то мы что-то совсем забыли о нем.

Когда были обнаружены беспорядки в управлении новороссийским краем, то Ланжерону негласно было приказано проситься в отставку. 15 мая 1823-го года он по болезни был уволен от всех занимаемых им должностей.

Картинка. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. МАЙ 1835 г.

— В *бытность свою хозяином Новороссийского края граф Ланжерон жил на… Ланжероновской улице. Да, да. Именно так. Я не ошибся, любезный князь.*

Петр Андреевич Вяземский вопросительно поднял брови. Пушкин же продолжал рассказ о своих встречах с графом Ланжероном в Одессе весной 1823-го года:

— Все дело в том… Это в высшей степени удивительно, но, кажется, с 1817-го года улица, на которой он жил в Одессе, была названа его собственным именем. Так что я не раз гулял с Ланжероном по Ланжероновской. И сам Ланжерон, представьте себе, каждый день ходил по Ланжероновской.

При этих словах Пушкин радостно заржал. Вяземский же улыбнулся, смешно мотнув лысой головой. Потом он спросил, и умные, любопытные глаза его живо блеснули:

— А дома вы бывали у него?

— Конечно — тут же отреагировал Пушкин. — И неоднократно. Граф жил в двухэтажном особняке, украшенном портиком и четырьмя колоннами. Рядом находилось казино, куда я наведывался частенько. Спустив то немногое, что у меня было, я заглядывал к графу на вечерний чай. Я с наслаждением скоротал с Ланжероном не один вечер. Он не просто был любезный и забавный собеседник Он обладал поистине неисчерпаемыми познаниями в сфере дворцовых и политических тайн. Граф рассказал мне не мало забавного и поучительного о временах Екатерины и императора Павла, давал мне читать приватные письма Александра Павловича. Я узнал тогда много захватывающе интересного. Был только один плохой момент — Ланжерон всучивал мне свои трагедии и требовал отзывов, но, в общем-то, я как-то выкручивался.

Вяземский понимающе улыбнулся, а после возникшей паузы спросил:

— А где же вы беседовали? Неужто при свидетелях?

— Ну что вы. На интересующие меня темы при свидетелях не поговоришь. Мы совершали прогулки по набережной, но чаще всего разговаривали в кабинете. Там недалеко от окна стоял шкаф, из коего во время беседы граф не раз извлекал интереснейшие документы. А рядом со шкафом был установлен большой мраморный бюст герцога Ришелье работы Рютиеля. Его дал в дар Одессе градоначальник Парижа граф Рошешуар, бывший в свое время адъютантом герцога. В общем, граф Ланжерон оставил бюст у себя. Больше никаких достопримечательностей в его

кабинете не было — только сам хозяин.

Глава четвертая

Выйдя в отставку, какое-то время граф Ланжерон еще оставался в родной Одессе, но в 1824-м году он отправился за границу и остался во Франции. Фактически это была политическая эмиграция, ставшая, в общем-то, неизбежной после разрыва отношений с Александром I.

Между старыми приятелями возник целый клубок противоречий, но особенно императора допекли реформаторские проекты губернатора Новороссийского края.

Александр позволил ввести в Одессе порто-франко, узаконив тем самым его статус свободного заморского города, имеющего не так уж много общего с тоталитарно-иерархическим духом Российской империи. Но Ланжерону этого показалось мало.

Он решил содействовать общим переменам в самой Российской империи. Вот государь и рассердился и считал при этом, что был абсолютно прав в своем гневе. А Ланжерон считал, что российская государственная машина требует коренной ломки, ибо система с азиатским нутром и европейским фасадом представляет опасность не только для Европы, но и для самой России.

Вернулся Ланжерон в Россию уже только после смерти Александра I, в котором был очень разочарован. В 1826-м Ланжерон едет на коронацию нового российского императора Николая I и остается в России — уже навсегда.

Картинка. ПОСЛЕ КОРОНАЦИИ

Он был сложён просто волшебно. Все портило выражение прозрачно-голубых глаз: они смотрели как-то пусто и чересчур уж стеклянно.

Граф Ланжерон не в состоянии был вынести взгляда императора Николая Павловича — становилось не по себе. Вообще хотелось как-то побыстрее уйти, освободить себя от него. Нет, никакого страха не было, хотя и было доподлинно известно, что императора многие боятся. Просто было весьма неприятно.

И еще граф не мог найти между собой и Николаем Павловичем буквально ни одной точки пересечения. Личность Его Величества была слеплена из совсем другого состава.

Александр Павлович хотя бы лукавил, таился, а тут и этого не было, нечего было таить. Пустой взгляд. Он мог бы быть водянистым, но там еще все замерзло — он ледяной.

Ланжерон поежился. Он все время думал о том, когда же закончится этот вечер, который после коронации Николай Павлович устроил для своего близкого круга.

Сначала граф был польщен, но теперь у него осталось только сожаление. А графиня молчала по своему обыкновению, но кажется была довольна и не замечала поразительно пустого взгляда императора.

— Боже, куда все катится? — спрашивал себя Ланжерон, возвращаясь домой в большой поместительной карете. Графиня рядом дремала. Отключившееся от жизни красивое лицо ее выражало полнейшее довольство. А в графе все бурлило.

— Надо было оставаться в Париже, — думал он. — Служить такому не хочется.

Сквозь окошко кареты мелькали обледенелые пустые петербургские улицы. Они напомнили Ланжерону взгляд императора.

Ланжерон опять поступает на службу, уже военную. В 66 лет граф опять берется за оружие: он участвует в русско-турецких кампаниях 1828–1829 годов.

Это были последние военные кампании, в которых Ланжерон участвовал, но они не оправдали его надежд, хотя начиналось все вполне заманчиво.

В июле 1828 года под начало генералу Ланжерону были отданы все русские войска, стоявшие в Молдавии и Валахии. Причина же для начала боевых действий была следующая. Тут нам придется обратиться к концу царствования Александра I.

Турецкий султан, не обращая внимания на договоры, занял своими войсками Молдавию и Валахию, грозил Сербии и истреблял греков. Все представления правительства Александра I оставались тщетными. С воцарением Николая I султан как будто стал сговорчивей. 25 сентября в Аккермане была подписана конвенция, в соответствии с которой султан обязался восстановить нарушенные постановления трактата 1812-го года. Но тем не менее в Греции кровопролитие продолжалось. Тогда в 1827-м году союзники (Россия, Англия и Франция) истребили эскадры турецкого флота при Наварите. Отношения России и Турции опять начали осложняться. Запахло войной.

Получив в свое распоряжение все силы, стоявшие в Молдавии и Валахии, Ланжерон приступил к осаде Силистрии. Но наступила ранняя осень, полили проливные дожди, которые сменились обильными снежными метелями (застигнутый одной из них генерал едва не погиб). Ланжерону пришлось отвести войска на зимние квартиры. Но когда весной 1829-го года вновь открылись военные действия, то главнокомандующим был назначен уже не Ланжерон, а генерал Иван Дибич.

Это была совершенно комическая личность. Тучный, малорослый, с большой головой на короткой шее, короткие и непомерно широкие ноги, которые не позволяли ему, как следует ездить верхом. За неимоверно вспыльчивый характер (любимые словечки «под арест», «под суд», «расстрелять») и маленькую толстую фигуру Дибича называли «самоваром».

Николай I вдруг взял да и выдвинул этого «самовара». Почувствовав себя оскорбленным, Ланжерон немедленно подал в отставку.

Поселился он в милой его сердцу Одессе. Но в начале 1831-го года он прибыл в Петербург, вел активную светскую жизнь и занимался окончательной отделкой своих обширных мемуаров.

Картинка. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЯНВАРЬ 1831-го ГОДА. ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ФРАНЦУЗ И ТАТАРИН ПАРИЖ БРАЛИ

Почти десять лет Пушкин не видел графа Ланжерона. За эти годы он успел жениться, обрасти грандиозными долгами, вконец испортить свой характер, хотя Александр Сергеевич всегда отличался неуживчивостью и бешенством, которое, кажется, не знало границ. Но зато за эти годы у него обострился и усилился интерес к истории, к тайным политическим пружинам российской реальности. У Пушкина скопилось огромное количество вопросов, которые он надеялся успеть задать графу, который ведь заключал в себе целый кладезь любопытнейших преданий.

Узнав, что Ланжерон объявился в Петербурге, Пушкин тут же написал ему записку, содержавшую, кроме радостных приветствий, еще и приглашение на ужин. Граф незамедлительно явился на зов.

Пушкин представил его своей жене, всю прелесть которой Ланжерон сразу же оценил, впрочем, как и ее несомненную глуповатость. С полчаса поговорив в гостиной, в основном о парижских модах и свирепствовавшей холере, Пушкин взял графа под руку и провел в свой кабинет, игриво помахав рукой Наталье Николаевне, которая осталась сидеть в гостиной.

В кабинете уже стоял накрытый стол, на котором, кроме дымящегося кофия, были любимые ланжероновские бисквиты и апельсиновый джем.

Граф страстно принялся за бисквиты, а Пушкин тут же накинулся на него с расспросами. Прежде всего, его интересовало взятие Парижа в 1813-м году, а именно то, как корпус графа Ланжерона брал Монмартр.

Пушкин расспрашивал о всякого рода деталях, о сподвижниках графа, особенно интересуясь личностью генерала Александра Яковлевича Рудзевича, яркая судьба и незаурядная личность которого с недавних пор его стали интересовать.

Собственно, когда-то в Одессе уже что-то рассказывал Пушкину о Рудзевиче, но Александр Сергеевич тогда не знал, что этот смелый татарин был подлинным героем Монмартра, столь много сделавшим для взятия Парижа. Но зато теперь Пушкин стал расспрашивать именно о генерале Рудзевиче, который, оказывается, был не просто любимчиком Ланжерона, а при этом еще и совершенно замечательным русским полководцем, умевшим выходить победителем из совершенно проигрышных дел, виртуозом

бешеной атаки.

— Начну по порядку — обратился к Пушкину Ланжерон, запихивая в рот квадратик бисквита, намазанный апельсиновым джемом:

— В Дунайской армии адмирала Чичагова (да простит Бог все те глупости, что он наделал) полк, которым командовал Александр Яковлевич Рудзевич (сын крымского татарина Якуба Измаиловича), был прикомандирован к моему корпусу. Тут-то я и увидел, что имею дело с офицером неустрашимым и дерзким, умеющим отчаянно рисковать. Командуя авангардом моего корпуса, он преследовал Наполеона до самой границы. Перейдя Неман, генерал Рудзевич стал гнать неприятеля до крепости Торн и участвовал вместе со мной в блокаде этой крепости (к этому времени под его началом была бригада, состоявшая из двух егерских полков). Проявил себя Александр Яковлевич совершенно блистательно. Исходя из этих соображений, я ходатайствовал о назначении его начальником штаба моего корпуса.

— А что же Париж, граф? Меня занимает сейчас именно штурм Парижа — крайне нетерпеливо проговорил Пушкин.

— Постойте, милейший. Будет вам сейчас и Париж. Слушайте и не перебивайте.

Пушкин молча кивнул. Ланжерон продолжал свой рассказ, увлекаясь все больше и больше:

— Александр Яковлевич Рудзевич был назначен командующим пехотным корпусом взамен смертельно раненого генерала Сен-При. Наши корпуса вместе защищали город Суассон, отбив все атаки превосходящих сил наполеоновских маршалов Мортье и Мармона. Александр Сергеевич, я тогда просто влюбился в Рудзевича, ибо все более и более убеждался, что он обладал подлинным военным талантом. Но особенно потрясающим он оказался при взятии высот Монмартра. Без него, не знаю, как бы я справился. К моменту штурма в десяти полках его корпуса осталось всего восемь тысяч человек. К четырем часам дня Рудзевич выстроил остатки своих войск в штурмовые колонны. Сам он занял место впереди, между первой и второй колоннами. Не надеясь остаться после штурма живым, Александр Яковлевич отдал последние распоряжения и просьбы своему адъютанту. Штурмовые колонны наших корпусов стали подниматься на высоты, сметая все на своем пути. Атака получилась столь стремительной и мощной, что французские батареи успели дать только два залпа картечью. Атака была просто молниеносной. Монмартр был взят.

— Граф, то, что вы рассказываете, это просто поразительно. Неужели так бывает?

Ланжерон, воодушевившийся от воспоминаний и давно

забывший о бисквитах, ответил Пушкину следующее:

— За девятнадцать сделанных мной походов я никогда не видел ничего подобного, за исключением измаильского штурма.

Картинка. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЯНВАРЬ 1831-го ГОДА. ОТСВЕТ АУСТЕРЛИЦА

Через пару дней граф опять встретился с Александром Пушкиным. Еще в пору их одесских бесед он обещал рассказать ему подлинную историю аустерлицкой ретирады, но как-то тогда не пришлось. И вот теперь в январском замороженном Петербурге среброголовый, но бодрый, *энергичный граф Ланжерон собрался таки поведать то, что самолично знал о грандиозном российском позоре.*

— Может, вы и слышали, любезный Александр Сергеевич, — начал граф свой рассказ, — то, что Аустерлиц начался с глупости и легкомыслия императорского фаворита князя Долгорукова. Я сейчас только добавлю несколько штришков, полагаю, что небезынтересных. Итак, Александр Павлович послал к Наполеону своего неизменного Долгорукова. Последний нашел императора французов на аванпостах, где он не рассчитывал его встретить. Долгоруков сам мне говорил потом, что, прибыв на первый неприятельский бивак, он увидел выходящего из траншеи маленького человечка, очень грязного и чрезвычайно смешно одетого, и что он был страшно удивлен, когда ему сказали, что это Наполеон, которого он дотоле не знал. Он имел с ним с ним свидание и довольно долгий разговор. Долгоруков, от природы дерзкий, обошелся с Наполеоном довольно невежливо. Любопытно, что император Франции выказал при этом крайнюю умеренность и даже боязливость, которая обманула Долгорукова, а через него и Александра Павловича, которые, представьте себе, вообразили, что Наполеон страшно боялся атаки с нашей стороны. Долгоруков возвратился в Ольмюц, объявляя повсюду, что Наполеон дрожит от страха и что достаточно нашего авангарда, чтобы его разбить наголову. Он и мне передавал те же предположения, но не разубедил меня, как это сделал со многими другими.

Пушкин боялся проронить хоть единое слово. Всегда бесконечно живой, крайне непоседливый, напоминающий бегающий ртутный шарик, тут он был совершенно неподвижен и сидел, подперев щеки ладонями. Ланжерон между тем продолжал свой рассказ — спокойно и неторопливо, казалось бы, совершенно презрев свой бургундский темперамент:

— А началось сражение, дабы знали вы, милостивый государь, с невероятных сумятицы и беспорядков. Это было совершенно фатально и невообразимо. Судите сами. Мы двигались пятью колоннами, не считая авангарда. Пять генералов,

начальствовавших этими колоннами, полагаю, должны были сохранять под своею командою войска, которые прежде были отданы под их начало. Но не ту-то было, милейший Александр Сергеевич. У нас перепутали дивизии, и начальники теряли полки, бывшие прежде под их командою, а на войне знакомство со своими войсками весьма полезно для генерала. Идя атаковать неприятеля, необходимо доверить и оставить каждому начальнику те батальоны и эскадроны, которыми он должен командовать в день боя, дабы дать им возможность привыкнуть друг к другу. Не нужно быть военным человеком, чтобы понимать это. Не правда ли?

Пушкин молча кивнул, не желая своими репликами прерывать рассказ графа. Ланжерон продолжал:

— Сделано же было совершенно наоборот — вопреки элементарной логике. На этих пяти переходах ни один генерал, ни разу (понимаете: ни разу) не командовал теми же частями, что накануне. Какая была цель всех этих перемен — ума не приложу. На биваки прибывали ночью, диспозиции получались поздно, ничего не возможно было делать в темноте. Каждый генерал должен был утром посылать в другие колонны за полками, назначенными в его колонну. Мне, например, дали только один русский батальон, а все остальные были австрийские. Нельзя было собраться ранее десяти — одиннадцати часов утра. Колонны часто скрещивались и пересекали друг друга — ошибка не простительная ни для кого, а особенно для офицеров генерального штаба. Приходили на ночлег поздно, разбредались за местными припасами, грабили деревни и доводили беспорядок до предела.

Тут Пушкин не выдержал и горестно всплеснул руками. Он даже вскрикнул при этом что-то — гортанно и дико. Ланжерон тоже заметно стал нервничать. Он подернул плечами и бурно выпалил:

— Это была прелюдия к Аустерлицу. Ну как же можно было выиграть, коли царил такой хаос?

Возникла пауза. Граф отпил глоток остывшего чая и уже более спокойно продолжал:

— А теперь послушайте, как, собственно, все началось. В 7 часов утра колонна, в которой находились государи, начала движение. Она шла повзводно, без приказаний, без предосторожностей, без авангарда, без разъездов, даже ружья не были заряжены — это было сделано только в 300-х шагах от противника. При колонне не было кавалерии, но разве генерал Милорадович не имел при себе адъютантов и ординарцев-казаков? Не мог разве он послать хотя бы одного из них осмотреть впередилежащую местность? Разве он не мог сделать этого сам,

скажите на милость? И что делали триста кавалеристов из конвоя государей и Кутузова? Что делали молодые адъютанты императора, его ординарцы и бывшие при них казаки, если 40 000 солдат противника было сосредоточено в тысяче шагов, и никто об этом не знал. Одного разведчика было бы достаточно, чтобы заметить расположение противника и спасти армию от поражения наголову. И вот что еще я хотел бы, милейший Александр Сергеевич, сообщить вам.

Пушкин внимательно, предельно сосредоточенно посмотрел на Ланжерона. Граф же мрачно повел двоими глазами, обычно живыми и блестящими, и сказал:

— Покойный генерал Милорадович говорил в свое оправдание, что он не получил никаких донесений из колонны, шедшей впереди его, и поэтому не предполагал французов так близко. Но разве это оправдание чего-нибудь стоит?! Приказать произвести рекогносцировку дорог, где предположено идти и дать бой, есть долг не только генерала, но и вообще каждого офицера, командующего отрядом. Я убежден: если бы тогда удалось разведать, что французы покинули ту позицию, что занимали накануне, дабы захватить инициативу атаки, прорвать наш центр и захватить высоты, то колонна русских была бы остановлена и развернута в две линии близ Працена. Тогда приказали бы повернуть и трем остальным колоннам, в это время едва начавшим движение. В результате 60 000 человек, сосредоточенных на высотах с очень крутыми скатами, без всякого сомнения, принудили бы Наполеона отказаться от своего предположения. Если ему удалось добиться своего и одержать столь легкую победу, то он обязан этим в значительной степени ошибке обласканного Александром Павловичем генерала Милорадовича, подставившему Наполеону свою колонну, а с нею и всю армию.

Ланжерон умолк, глотнул чаю, окончательно остывшего, сердито дернул себя за густой седой вихор и решительно зашагал по пушкинскому кабинету, не оглядываясь на своего собеседника. Наконец, он остановился, оборотился к Александру Сергеевичу и сказал:

— Но дело тут, конечно, не в самом Милорадовиче, а в той атмосфере невероятной легкомысленной самоуверенности, которую буквально источал тогда император и его окружение. Это-то, мой друг, собственно, и погубило в 1805-м году русскую армию.

Взгляд Пушкина стал растерянным и вдруг резко помутнел — у него начинался приступ бешенства.

В русском обществе и, особенно, в придворном мире личность графа Ланжерона была довольно заметной. Этот знаменитый завоеватель Парижа в быту был забавен, непосредственен, оригинален.

Он был яркий, неподражаемый рассказчик, блистательный собеседник, но говорил не только он, но и о нем — с его именем был связан целый блок особых сюжетов: за Ланжероном тянулся целый шлейф весьма занятных историй, которые выставляли его как чудака-остроумца, рассеянного администратора, врага чиновничьей рутины.

Беглые зарисовки, сделанные вперемежку. ГРАФ ЛАНЖЕРОН В ОДЕССЕ И ПЕТЕРБУРГЕ

С именем графа Ланжерона, храброго, неустрашимого генерала и крупного администратора, в глазах современников, прежде всего, связывались забавные, пикантные истории. В обществе он был галантно-легкомысленным кавалером. Но главное заключается в том, что Ланжерон был замечательный, непревзойденно оригинальный собеседник. Граф Ланжерон к свойственной французам высшего круга любезности присоединял забавную рассеянность, дававшую пищу к бесчисленным о нем анекдотах.

* * *

Рассказывали, что в бытность свою генерал-губернатором Новороссийского края, он, держа в руке прошение, поданною ему какой-то просительницею, и выслушивая внимательно дополнительные словесные ее объяснения, он кашлянул, и когда просительница перестала говорить, вместо того, чтобы отдать ей обратно, как намеревался, прошение, и плюнуть на пол, он плюнул в протянутую ею для взятия своего прошения ладонь, а бумагу бросил на пол.

Однажды на вечере у кого-то из городских жителей (дело происходило в Одессе), не узнавая при входе в гостиную некоторых из гостей и обратясь для спроса об их фамилии к хозяину дома, граф Ланжерон указал между прочим на одну даму. «Эту даму», отвечал, улыбаясь, хозяин, «зовут графинею Ланжерон». «То-то», заметил граф, «я вижу, что лице ее знакомо мне». Прелесть этой рассеянности состоит в том, что, забыв на время, что она ему жена, граф признавал в ней лишь даму из круга своего знакомства. Он был также находчив и оригинален в ответах. И таким он остался до конца.

* * *

Когда в середине 20-х годов XIX столетия граф Ланжерон появился в Петербурге, то современники вспоминали, что это был еще необыкновенно моложавый и стройный старик, лет семидесяти, представлявший собой олицетворение щегольского, теперь бесследно исчезнувшего типа большого барина-француза

восемнадцатого века. Всякий вечер его сухая, породистая, щегольская фигура появлялась то в Михайловском дворце, где он наперерыв острил с хозяином, то в салоне Елизаветы Михайловны Хитрово, то у Нарышкиных; везде он был свой человек, везде его любили за его утонченную вежливость, рыцарский характер и хотя неглубокий, но меткий и веселый ум. Заседая в Государственном Совете, которого он состоял членом, он часто прерывал какого-нибудь говорящего члена восклицанием: «Quelle bètise!» Его сослуживец с негодованием обращался к нему с вопросом, что значит эта дерзость. — «А вы думаете, я о вашей речи? — добродушно отвечал Ланжерон: — нет, я ее совсем не слушал, а вот я сегодня собираюсь вечером в Михайловский дворец, так хотел приготовить два-три каламбура для великого князя, только что-то очень глупо выходит!»

* * *

Граф Ланжерон во время одной своей поездки прибывает на почтовую станцию. Слуга докладывает ему, что не может дать подорожную из-за отсутствия на месте смотрителя. Граф в бешенстве выскочил из экипажа и ринулся в комнату станционного смотрителя. Там он увидел человека, спавшего на диване. Решив, что это и есть смотритель, ион схватил свою нагайку (обычай оставшийся с военного времени, когда все кавалеристы носили нагайку через плечо) и начал жарить по спине спящего, которого он принял за смотрителя.

Тот вскочил на ноги, и каково же было изумление Ланжерона, когда он увидел пред собою русского штаб-офицера, который, как и он ожидал на станции лошадей. Нимало не сконфузившись, граф тут же насильно всовывает в руки своей ошибки все ту же нагайку, а сам поворачивается к нему спиною и, указывая рукою на свое мягкое место, говорит, обращаясь к офицеру: «Полковник, покорнейше прошу — без церемоний, без церемоний!»

* * *

Богатая херсонская помещица Виктория Францевна Траполи (в замужестве Морини), как свидетельствуют современники, была большой зазнайкой и вообще особой весьма самоуверенной. Именно поэтому в обществе ее прозвали Победой Францевной. Как-то раз г-жа Траполи приехала в Одессу и явилась к графу Ланжерону с просьбой помочь ей в процессе по именю. У Ланжерона была

моська, его сердечная привязанность, которая, как шутили одесситы, занимала его больше, чем Одесса.

Во время беседы Ланжерон был так рассеян, что взял г-жу Траполи за подбородок и сказал ей: «Моська, о моська». Обиженная г-жа Траполи в изумленно и одновременно настойчиво отвечала: «Господин граф, но я не Моська и прошу вас обратить внимание на мое дело» (Mr le Comte, mais je ne suis pas Моська et je sous prie de faire attention à mon affaire). Граф Ланжерон, ничуть не растерявшись, заметил госпоже Траполи: «Да, да, это уладится» (Oui, oui, cela s'arrangera, о Моська, о Моська).

* * *

Однажды граф Ланжерон сказал одному из своих соотечественников, одесскому старожилу весьма сомнительной репутации: «Вы, конечно, знаете, что у нас во Франции вешают людей честнее вас».

* * *

Кто-то однажды навестил графа Ланжерона: он сидел в своем кабинете с пером в руках и писал отрывисто, с размахом, как многие подписывают имя свое в конце письма. После каждого подобного движения повторял он на своем ломаном русском языке: «Нье будет, нье будет!» Что же оказалось? Он пробовал, как бы подписывал фельдмаршал граф Ланжерон, если когда-нибудь пожалован бы он был в фельдмаршалы, и вместе с тем чувствуя, что никогда фельдмаршалом ему не бывать.

* * *

Он был очень рассеян и часто от рассеянности мыслил вслух в присутствии других, что часто подавало повод к разным комическим сценам. К. обедал у него в Одессе во время его генерал-губернаторства. Общество было преимущественно составлено из иностранных негоциантов. За обедом выхвалял он удовольствия одесской жизни и, указывая на негоциантов, сказал, что с такими образованными людьми можно приятно провести время. На беду его, в то время был он особенно озабочен просьбой о прибавке ему столовых денег. «А не дадут мне прибавки, я этим господам — стал мыслить он вслух, — и этого не дам!» (схватил с тарелки

своей косточку, оставшуюся от котлетки).

* * *

Ланжерон был умный и вообще довольно деятельный человек, но ужасно не любил заниматься канцелярскими бумагами. Случалось, что когда явятся к нему чиновники с докладами, он от них прятался, выходил из дому какими-нибудь задними дверьми и пропадал на несколько часов.

* * *

Генерал Николай Каменский, во время Турецкой войны, объяснял Ланжерону планы своих будущих военных действий. Как нарочно на столе лежал журнал «Французский Меркурий». Ланжерон машинально раскрыл его и напал на шараду, в журнале напечатанную. Продолжая слушать изложение военных действий, он невольно занялся разгадыванием шарады. Вдруг, перебивая речь Каменского, вскрикнул он: «Что за глупость!» Можно представить себе удивление Каменского: но вскоре дело объяснилось, когда он узнал, что восклицание Ланжерона относилось к глупой шараде, которую он разгадал.

Разумеется, все эти выходки не вредили Ланжерону, а только забавляли и смешили зрителей и слушателей, которые уважали в нем хорошего и храброго генерала. В армии известно слово, сказанное им во время сражения подчиненному, который неловко исполнил приказание ему данное: «Ви пороху нье боитесь, но затьо ви его нье видумали».

* * *

Генерал Ланжерон, несмотря на высокий чин, знал русский язык отнюдь не в совершенстве, и команды, отдаваемые войскам, писал на небольших листочках бумаги, которые клал себе в карман. Туда же он складывал и слова русских народных песен, которые ему очень нравились. Однажды на смотре, в присутствии государя, Ланжерон вынул одну такую записочку и скомандовал войскам: «Ты поди, моя коровушка, домой!»

* * *

Однажды во время своего начальства в Одессе был он недоволен русскими купцами и собрал их к себе, чтобы сделать им выговор. Вот начало его речи к ним: «Какой ви негоцьант, ви маркитант; какой ви купец, ви овец», — и движением руки своей выразил козлиную бороду.

* * *

Ланжерон женился на дочери банкира, мадемаузель Бриммер (это была его третья жена), очень красивой, но без всякого образования и манер. Великий князь Михаил Павлович сказал ему: «Где вы это выловили?» Ланжерон отвечал великому князю: «Черт возьми, монсеньер, где же ловят, как не в Черном море».

Последняя картинка. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Возвращаясь после смерти Александра I в Россию, граф Ланжерон отнюдь не помышлял об отдыхе. Но гражданская служба его не привлекала — она была явно не для него. Выйдя в отставку, граф любил повторять: «Для того чтобы быть чиновником, надо родиться дураком и прожить жизнь подлецом». А он себя ни дураком, ни подлецом не считал. Канцелярская рутина ему всегда претила. Реформаторские проекты по ее ослаблению прежний царь положил под сукно.

Одессу граф нежно и преданно любил, но вот губернаторство свое — увольте. Вспоминая эту пору своей жизни, он не раз говорил: «Большая часть административной деятельности в нашем управлении есть переливание из пустого в порожнее. И добро бы еще, если эта деятельность была бы бесполезна, а то, подчас и даже весьма нередко, бывает она вредна, ибо отодвигает дело вместо того, чтобы подвигать его. Иной раз спакостим так, что во сто лет не поправить».

Седина шла графу. Благодаря узкому смуглому лицу в оправе густых серебристых кудрей, он выглядел изящно, благородно, даже величественно. Вообще при всей своей неизменной пылкости был удивительно представительным. Казалось, седина в чем-то уравнивала, сглаживала его неистребимо бургундский темперамент.

Ланжерон всегда был слишком подвижный, слишком живой, слишком нетерпеливый. Он весь был — порыв. Возраст как будто не сказывался на нем. Совершенно не сказывался. Так что седина была очень кстати — что-то же должно было напоминать о возрасте. Но все равно было ясно, что, в сущности, он остался тем же мальчиком, который рвался бороться за свободу английских колоний.

Недюжинный ум графа как-то счастливо совмещался с изрядной долей легкомыслия, какого-то вечного мальчишества.

Он всегда, как маленький, обижался, если приходилось слишком долго ждать повышения или если его обходили наградами, мечтал стать маршалом, но спесь у него начисто отсутствовала.

Граф был непосредственен, забавен, занимателен. С ним всегда было легко и приятно. Он любил рассказывать анекдоты, раздавал своим современникам острые, подчас беспощадные приговоры, но не прочь был послушать, как вышучивают его.

В нем совершенно не было педантизма, интеллектуальной сухости, но живой, пульсирующий ум ощущался постоянно. В нем не было легковесности и фатоватости, но были легкость,

динамизм, необычайная стремительность.

Так хочется оказаться с графом Ланжероном в одной гостиной, на одном балу, но особенно соблазнительно поболтать с ним с глазу на глаз в его кабинете и насладиться его искрометной беседой.

Граф, обернитесь к нам. Подойдите поближе. Вы нам интересны и симпатичны. Не важно, что нас разделяет более двух столетий. Мы страстно хотим вас послушать и вообще побыть с вами. Граф, рассказывайте…

Приложение. ГРАФ ЛАНЖЕРОН И АЛЕКСАНДР I. ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

(три случая)

I. Запертая дверь

В начале мая 1818-го года император Александр I был проездом в Одессе. Поселился он в поместительном, удобном и весьма изящно оформленном особняке графа Ланжерона. Спал император в его огромном кабинете.

Граф имел привычку, уходя из кабинета, запирать его и брать с собой ключ, и это, кстати, было совершенно естественно, ведь в кабинете хранились официальные бумаги, дневники Ланжерона, черновики его любовных посланий, его переписка с венценосными особами и т. д.

После обеда император Александр имел обыкновение вздремнуть полчаса и даже более. Не изменил он этой привычке и в Одессе.

Раз как-то просыпается император, хочет выйти по нужде, звонка нет, дергает за дверь, а дверь-то заперта.

Все дело в том, что Ланжерон, уходя из кабинета после пятиминутной беседы с императором, по инерции закрыл дверь на ключ, а ключ забрал с собой. Более того, граф вообще забыл, что у него гостит император, во всяком случае, что император находится у него в кабинете.

Ланжерон возвращается после прогулки, спокойно открывает ключом дверь кабинета и с изумлением обнаруживает нервно мерящего шаги Александра.

Граф спрашивает, опешив: «А что Вы здесь делаете, Ваше Величество?»

Разумеется, все кончилось смехом. Император Александр I и до этой истории многократно уже сталкивался с самыми разнообразными проявлениями рассеянности графа Ланжерона.

2. Рапорт

Вот еще один пример бесконечной рассеянности графа Ланжерона.

Когда император Александр в мае 1818-го года был в Одессе, то губернатор Новороссийского края граф Ланжерон должен был вручить ему рапорт.

Граф долго искал рапорт в карманах, волновался, усиленно пыхтел, но, как ни старался, так почему-то ничего и не нашел, хоть и бормотал, что рапорт где-то тут.

Наконец, он отвернулся куда-то в сторону и растеряно сказал: «Ma foi, Sire, je ne sais pas ou j'ai mis mon rapport» (Господи, куда же я задевал этот отчет).

Император Александр улыбнулся и пожал графу Ланжерону руку при общем взрыве смеха у всех присутствующих.

3. О французском языке и русском обществе

Однажды за обедом у императора Александра граф Ланжерон оказался между графом Сергеем Уваровым (1786–1855), впоследствии он был министром народного просвещения и президентом академии наук, и графом Михаилом Милорадовичем (1771–1825), генералом от инфантерии, героем войны 1812-го года, петербургским военным губернатором.

После обеда болтая с графом Ланжероном на самые разные темы, Александр вдруг неожиданно спросил у него: «Интересно, граф, а о чем это беседовали давеча Уваров и Милорадович? Вы случайно не помните?»

Граф Ланжерон живо обернулся к императору, склочил свою неподражаемую гримаску, и тут же, не раздумывая, ответил: «Извините, Ваше Величество, но я был не в состоянии понять, ведь они говорили по-французски».

Александр I не выдержал и расхохотался.